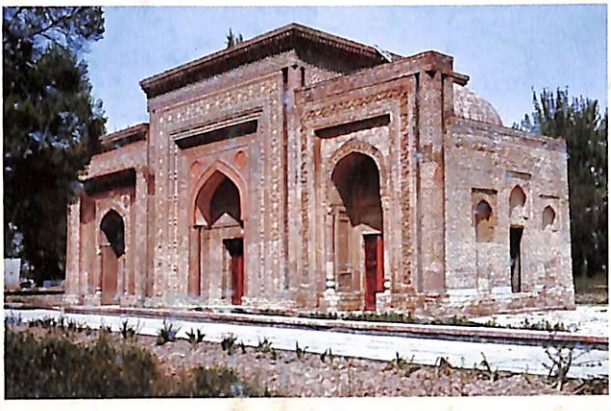
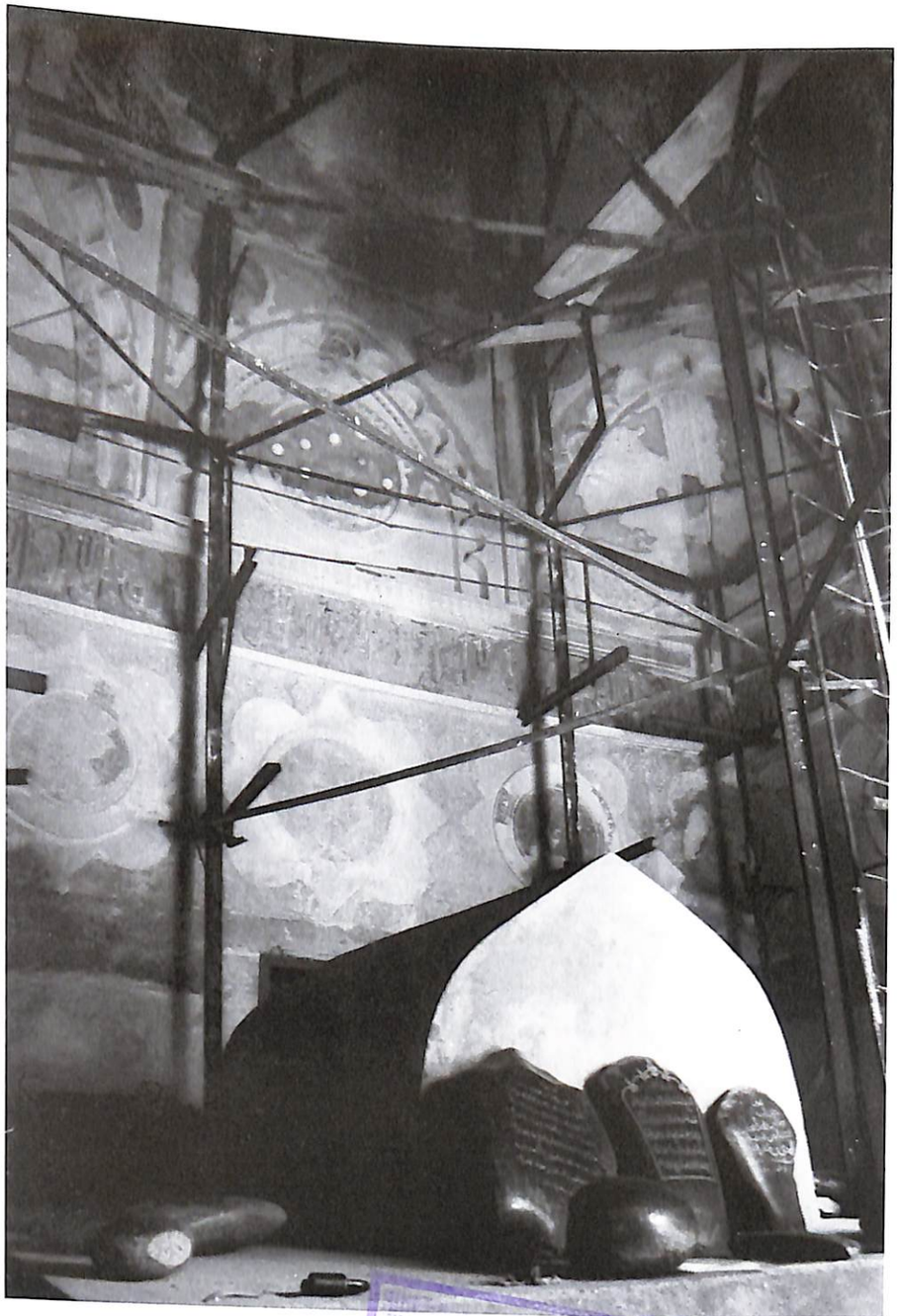
85.11
50

Иманкулов Д.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА КЫРГЫЗСТАНА XI-XX ВВ.

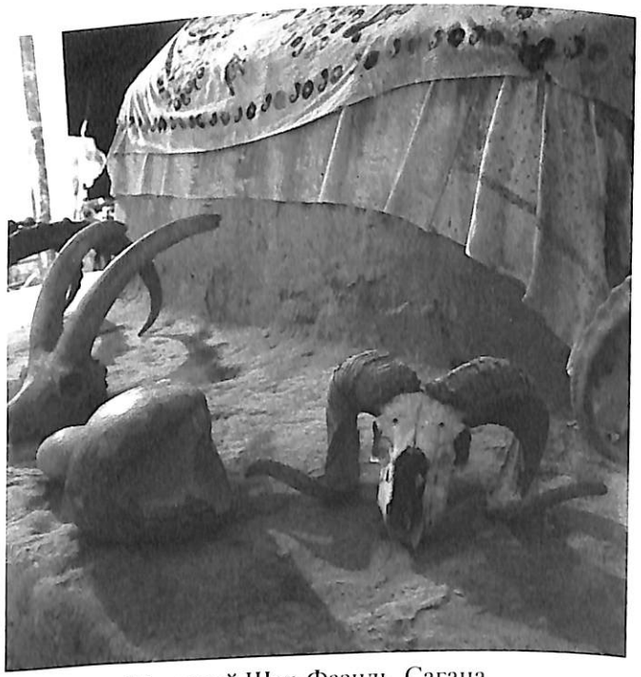

Мавзолей Шах-Фазиль. Интерьер.

ХРАНЕНИЯ ФОНДОВ

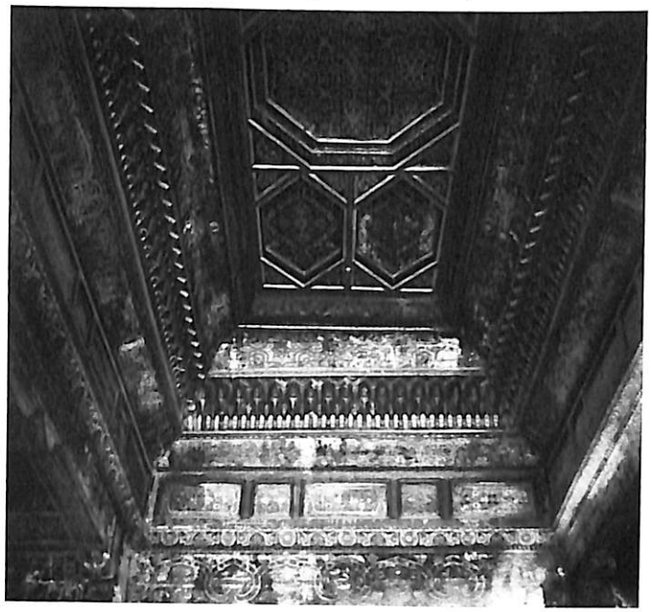
Мавзолей Шах-Фазиль. Сагана.

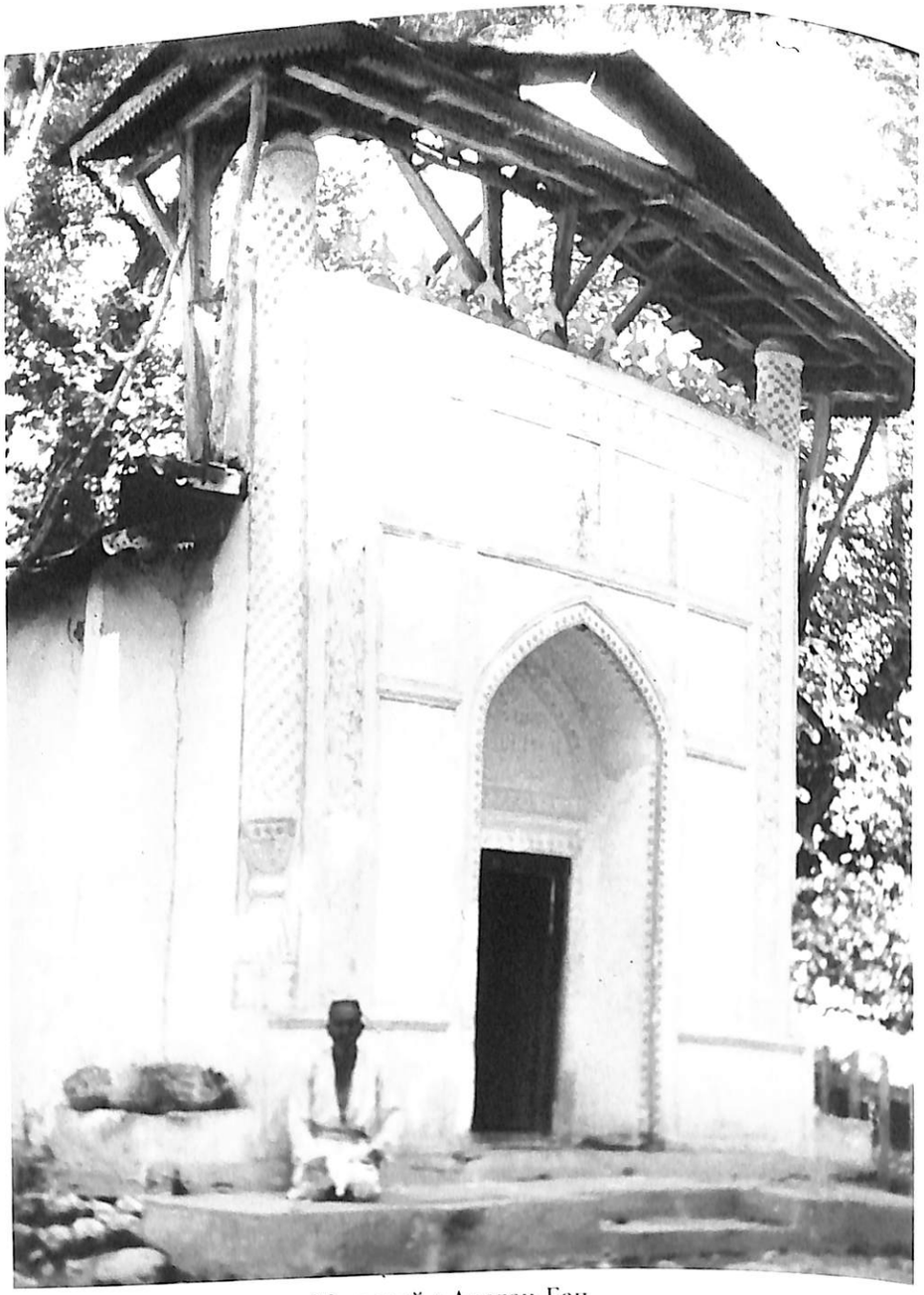
Мавзолей Шах-Фазиль.
Панель интерьера с куфической надписью.

Мавзолей Шах-Фазиль.
Розетка широкого орнаментального пояса.

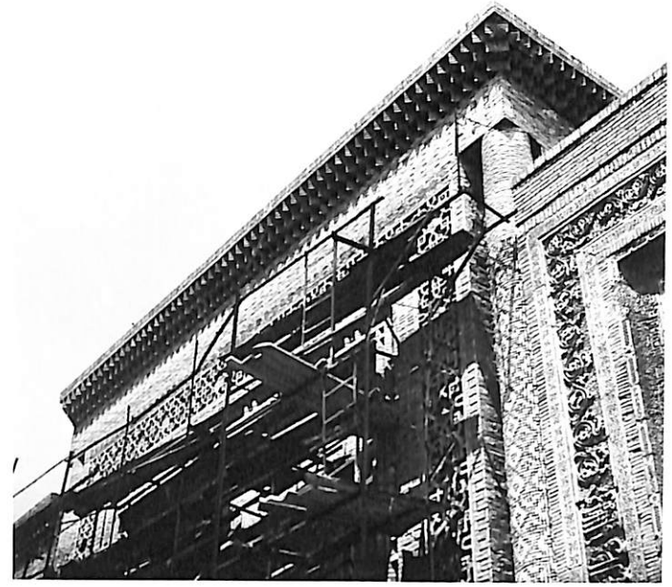
Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи.
Потолок айвана.

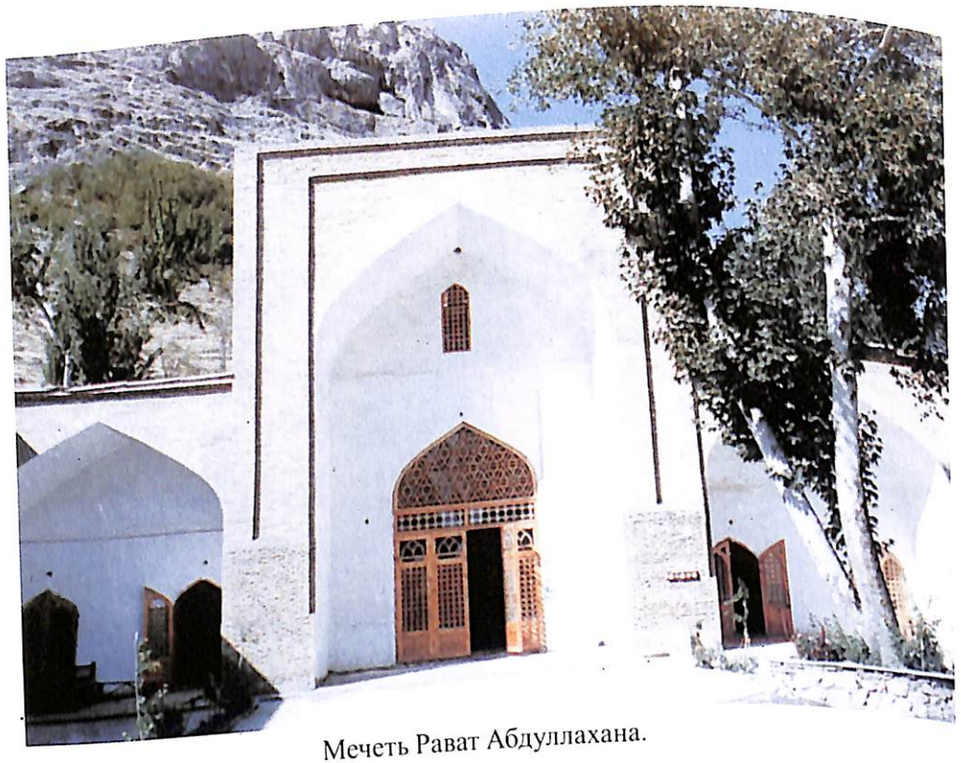
Мавзолей в Арслан-Баб.

Мечеть Мухамеда Юсупа Байходжи.
Ганчевая панель айвана.

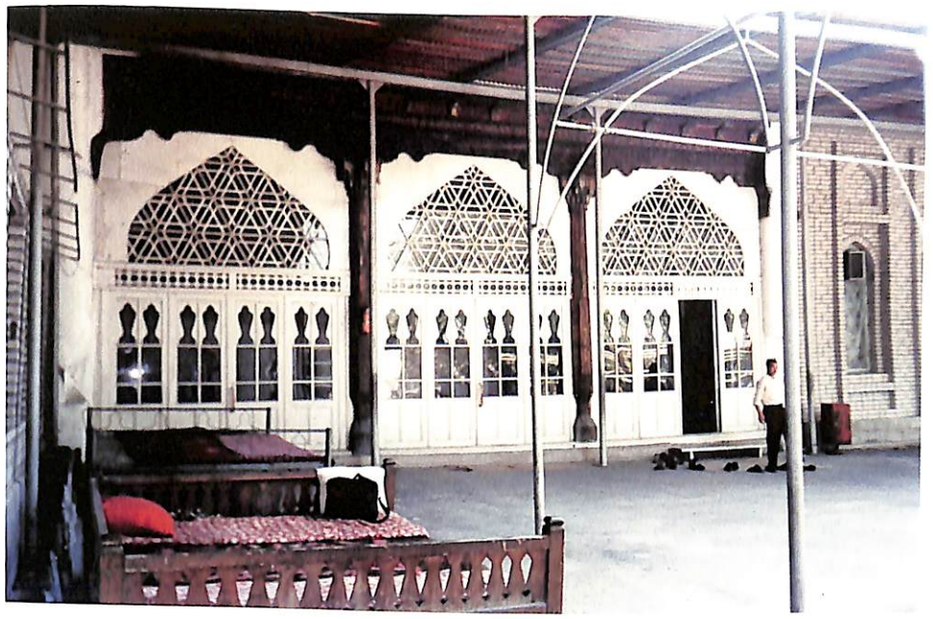
Узген. Средний мавзолей во время реставрации в 1982 г.

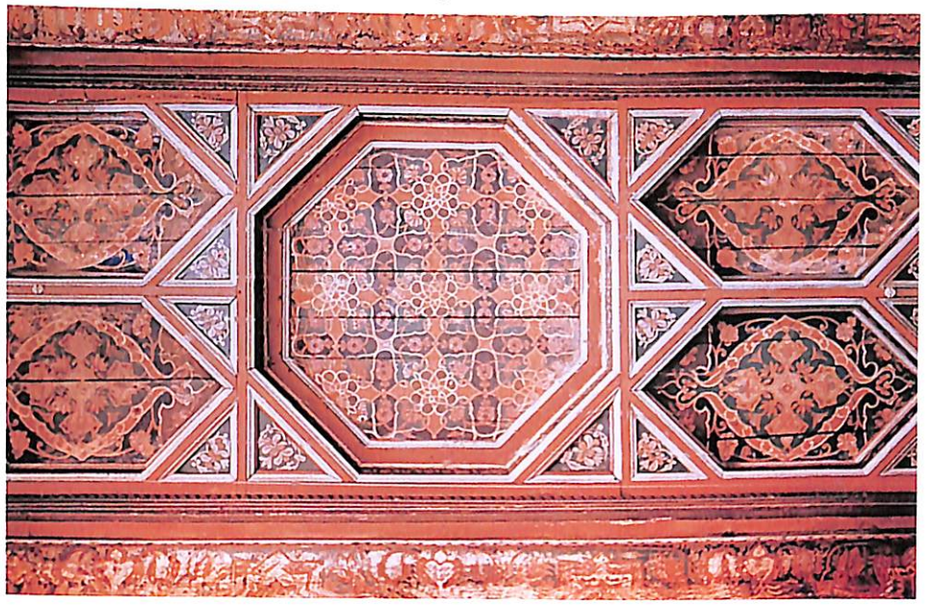
Мечеть Рават Абдуллахана.

Мечеть Рават Абдуллахана. Вид с юго-запада.

Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы. Айван.

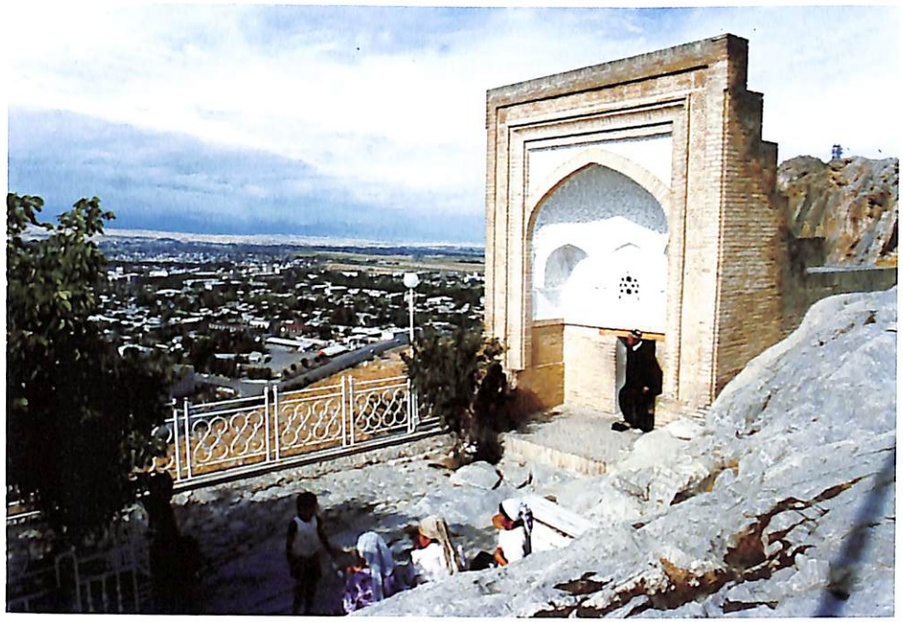
Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы. Роспись потолка.

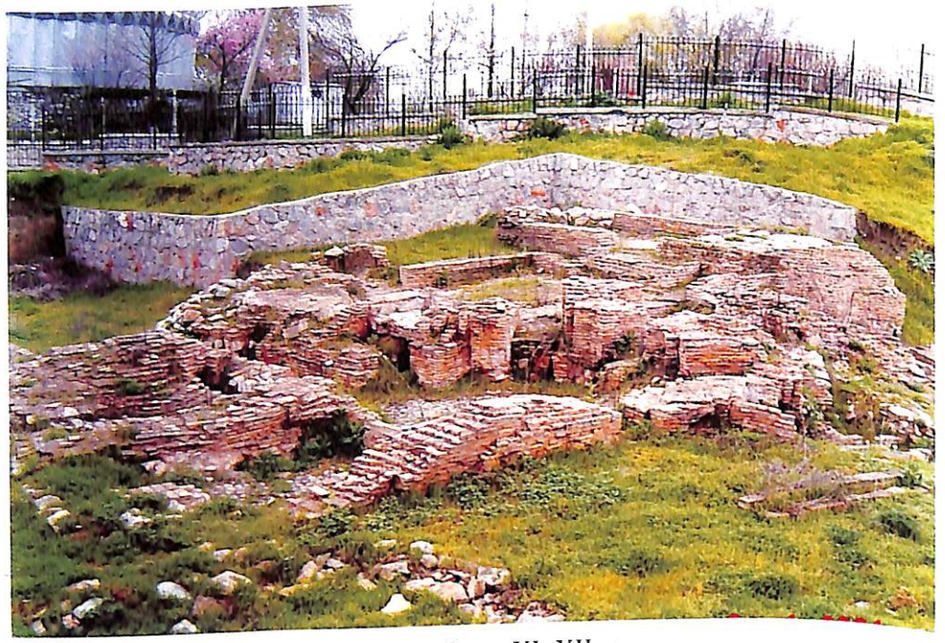
Узген. Южный мавзолей после реставрации.

Ош. Мавзолей Асаф ибн Бурхия.

Ош. Мазар Тахти Сулейман. Реконструкция 1989 г.

Ош. Руины бани. XI–XII вв.

Мавзолей Идриса Пайгамбара и Батмы Зууры.

Мавзолей Шах-Фазиль. Фрагмент большого фриза с надписью.

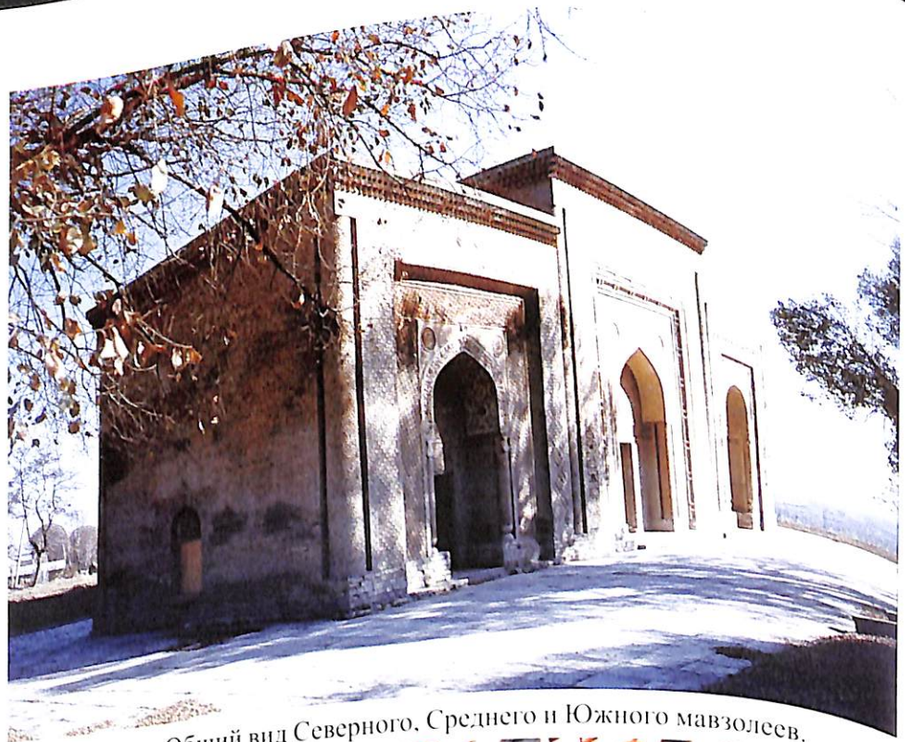
Мавзолей Шах-Фазиль.
Фрагмент розетки широкого орнаментального пояса.

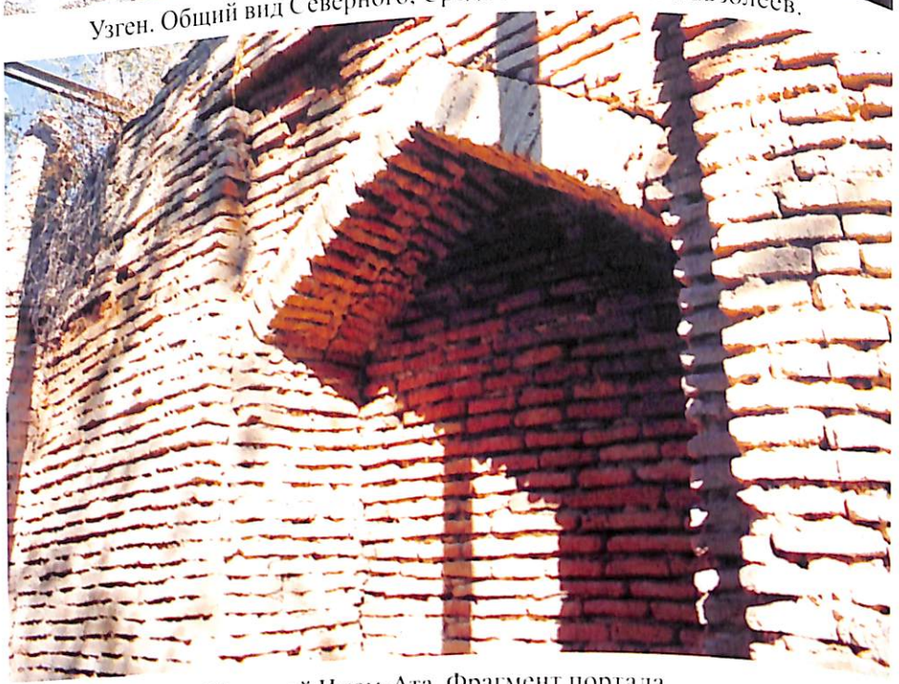
Мавзолей Шах-Фазиль. Фестончатая арка.

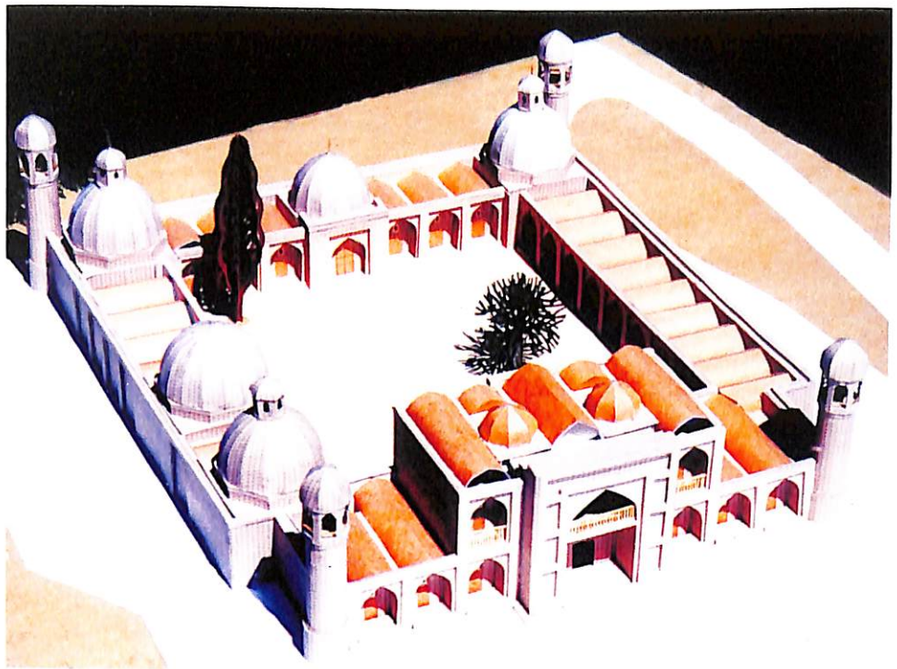
Узген. Южный мавзолей. Терракотовая облицовка

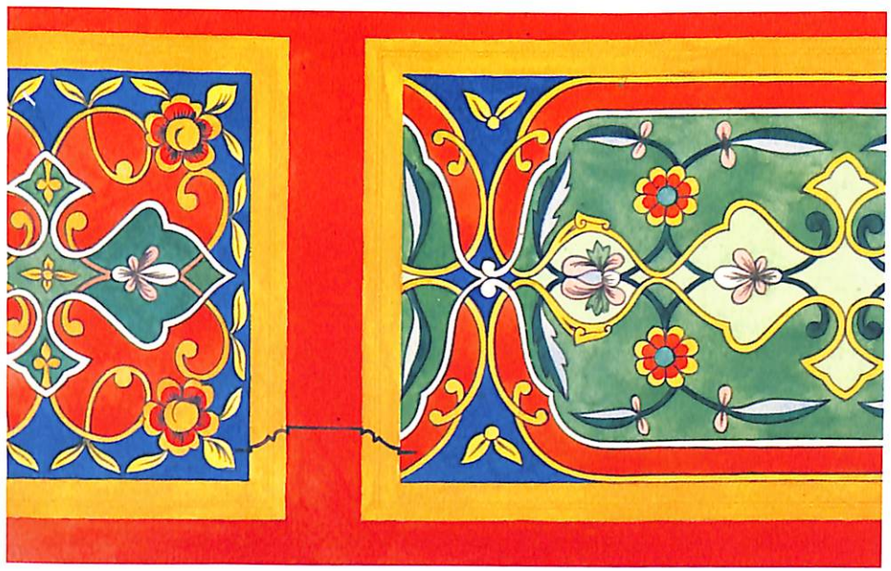
Узген. Общий вид Северного, Среднего и Южного мавзолеев.

Мавзолей Имам-Ата. Фрагмент портала.

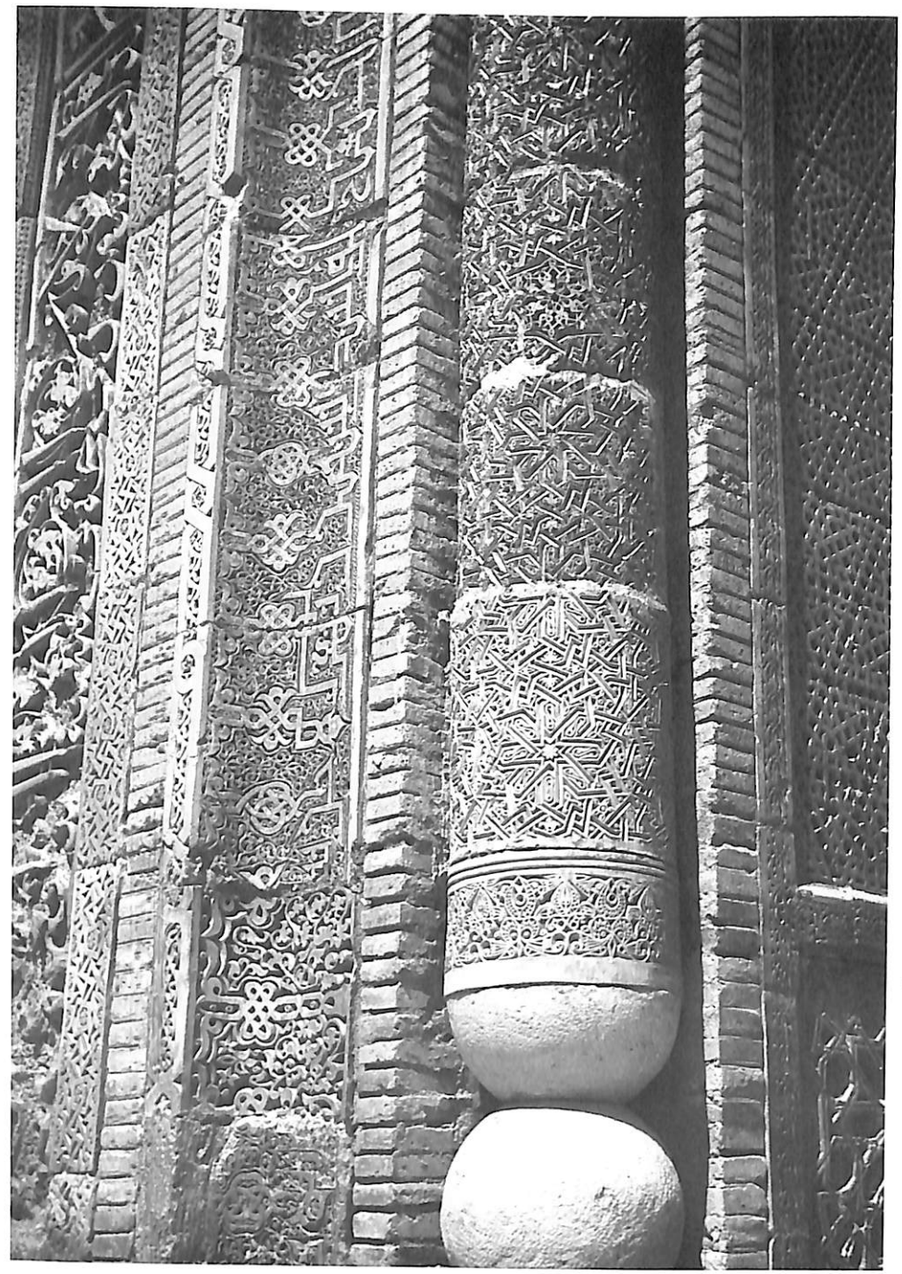
Реконструкция медресе Алымбека Датка. Макет

Ош . Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи. Орнамент росписи потолка.

Узген. Минарет до реставрации.

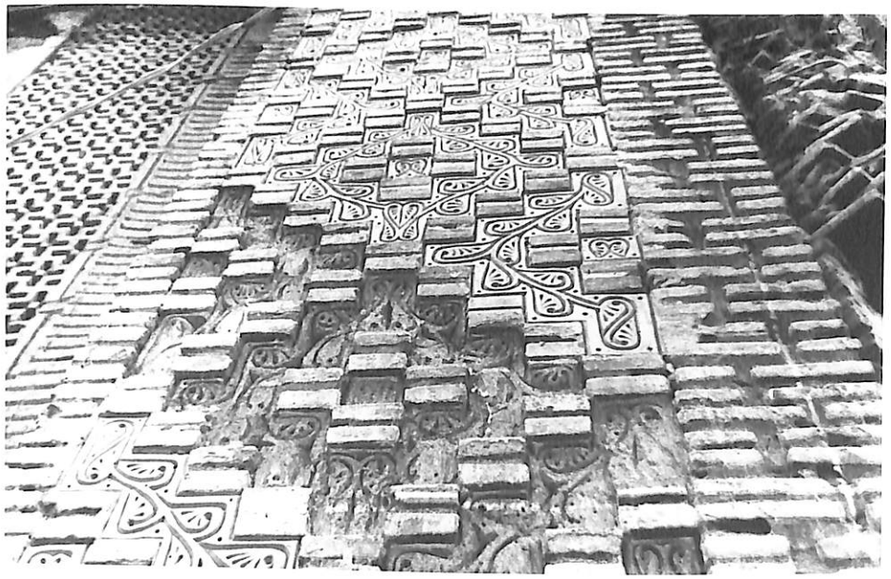

Узген. Общий вид трех мавзолеев с южной стороны (фото 1924 г.).

Ош. Старый город (фото из архива НИПБ Кыргызреставрация).

Фрагмент портала Северного мавзолея.

Узген . Общий вид трех мавзолеев с западной стороны
(фото Б.Н. Засыпкина, 1928 г.).

г. Джалал-Абад. Курорт. Павильон над источником «Аюб-Булак».

Архитектурный комплекс Шах-Фазиль.
Зиаратхана мавзолея 2700 воинов ислама.

ХР
85,11
И-54

Иманкулов Д.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА КЫРГЫЗСТАНА

ОШСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНВ № 469393

ОАО Издательство «АКЫЛ»
Бишкек•2005

ББК 85. 113 (2Ки)
И – 50

Иманкулов Д.
И – 50 **Монументальная архитектура юга Кыргызстана.** – Б.: 2005. – 228с.

ISBN 9967-20-920-8

Впервые рассматривается зодчество юга Кыргызстана периода XI-XIX вв., исследование которого дает понимание формирования и путей развития архитектуры Кыргызстана и сопредельных регионов, а также позволяет установить специфические архитектурные закономерности отдельных памятников, их значение и место в истории зодчества.

Для архитекторов, искусствоведов, преподавателей ВУЗов соответствующего профиля.

Рекомендовано Ученым советом Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры для издания.

Научный редактор
доктор архитектуры, профессор Р.М. Муксинов

Рецензент
Доктор архитектуры Д.Омуралиев

И 4902010000-02
ISBN 9967-20-920-8

ББК 85. 113 (2Ки)

© Иманкулов Д., 2005
© Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры, 2005

ОТ АВТОРА

Кыргызстан богат многочисленными памятниками культуры, значительная часть которых имеет первостепенное значение как памятники истории, науки, архитектуры и художественного творчества. Архитектурные памятники и памятные места Кыргызстана являются выражением культуры и образа жизни, они определяют самобытность исторического прошлого народа и являются предметом его национальной гордости.

Приобретение республикой суверенитета, рост национального самосознания, переход к новым экономическим отношениям ускоряют процесс осознания культурной идентичности народа, чему в немалой степени будет способствовать возрождение кыргызской архитектуры.

Одним из условий возрождения архитектуры Кыргызстана является сохранение архитектурного наследия, которое составляет неотъемлемую часть историко-культурного достояния страны. Отношение к архитектурному наследию Кыргызстана менялось исторически, в зависимости от этапа, который переживало советское государство. Были годы, когда Кыргызстан потерял памятники архитектуры, определявшие облик целых исторических городов. Затем пришли годы, когда выделялись немалые средства, чтобы сохранить пришедшие в забвение памятники.

Сегодня наше отношение к культурному достоянию должно рассматриваться с позиций Закона Кыргызской Республики «Об охране и использовании историко-культурного наследия», принятого 26 июля 1999 г. и определяющего политику государства в этой области.

Внимание к архитектурному наследию Кыргызстана особенно возросло в связи со знаменательной датой – 3000-летием города Ош. В связи с этим историческим событием сделано немало в выявлении, фиксации и восстановлении памятников истории и культуры.

Зодчество Кыргызстана как составная часть среднеазиатской архитектуры прошло сложный путь исторического развития. Объективные процессы истории Кыргызстана определили неравноценные по уровню развития этапы зодчества, немногие из них дошли до нас сквозь века. Но и то, что сохранилось до наших дней, представляет богатое хранилище, каменную летопись судеб народов Кыргызстана.

Архитектура юга Кыргызстана составляет национальную гордость республики. В арсенале ее достижений выдающиеся творения зодчества – Средний, Северный, Южный мавзолеи и минарет в Узгене, мавзолей Шах-Фазиль. Многочисленные археологические руины культовых, дворцовых и жилых комплексов также открыты на территории юга Кыргызстана. Еще немало произведений древних мастеров архитектуры таит в себе земля.

Научные работы, посвященные отдельным памятникам юга Кыргызстана, авторы которых – известные исследователи зодчества Средней Азии А.Н.Бернштам, Б.Н.Засыпкин, Ю.А.Заднепровский, Б.Н.Денике, Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, В.Л.Воронина, И.И.Умняков, К.С.Крюков, М.С.Булатов и многие другие – свидетельствуют о значительности этих памятников в истории среднеазиатского зодчества, развивающегося на основе взаимообогащения и взаимовлияния культур разных народов.

В изучение памятников юга Кыргызстана вложили немало усилий ученые республики: Л.Г.Куцемелов, В.Е.Нусов, Д.Ф.Винник, Е.В.Дружинина, В.М.Плоских, В.Д.Горячева, В.Галицкий, Б.В.Поскин, А.Захарова и многие другие.

Возрождение архитектуры как сложного культурно-социального феномена невозможно без разнообразных и полноценных исторических, общетеоретических, типологических и градостроительных исследований. Изданная в советское время литература по архитектуре Кыргызстана, и в частности Южного Кыргызстана, носит разрозненный характер, не охватывает полностью исторически сложившуюся архитектурную типологию монументального зодчества. Имеет место недооценки этой архитектуры как культурного явления в истории кыргызов и ее вклада в архитектуру Центральной Азии.

Историко-археологические исследования, архитектурные обмеры и реставрационные работы последних лет дали много нового материала по истории архитектуры и градостроительства юга Кыргызстана. Материалы этой книги написаны автором по итогам исследовательских и реставрационных работ, проведенных на памятниках архитектуры в период с 1979 по 1999 годы.

Памятники, о которых идет речь в книге, отнюдь не исчерпывают всего наследия юга Кыргызстана, требующего дальнейших исследований. Не претендуя на всесторонний анализ и раскрытие особенностей архитектуры юга Кыргызстана, автор старался восполнить некоторые пробелы в изучении и осмыслении этого достояния.

Основные обмерные работы и фотографии выполнены автором. Общие фотографии и отдельные чертежи использованы из архива Научно-исследовательского и проектного бюро «Кыргызреставрация». В подготовке отдельных чертежей и рисунков принимали участие студенты архитектурного факультета КГУСТА.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЮГА КЫРГЫЗСТАНА XI-XX ВВ.

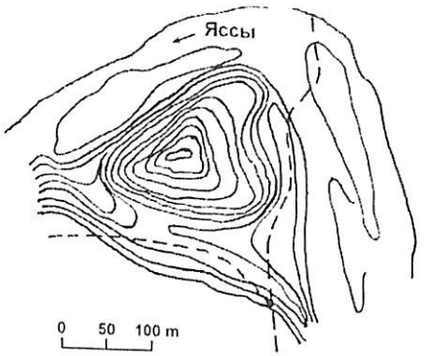
Юг Кыргызстана является частью единой историко-культурной области Ферганы – одного из древнейших оазисов Средней Азии. Подобно Бактрии, Согду, Хорезму Фергана с глубокой древности имела свою оседло-земледельческую культуру.

Юг Кыргызстана огибает Ферганскую долину с юго-западной, западной и северо-восточной стороны, занимая ее предгорные районы. В результате последних исследований археологов /1/ получены новые материалы, позволяющие охарактеризовать основные этапы первобытной, древней и средневековой истории Южного Кыргызстана.

Исследование пещеры Сель-Ункур выявило культурные слои от ашеля до мезолита, что свидетельствует о непрерывности обитания в долине Хайдаркана первобытного человека на протяжении всего каменного века с учетом благоприятных природных условий.

Основы производящего хозяйства видны на памятниках VIII-IV тыс. до н.э. – пещерах Обишир и Таш-Кумыр. Многочисленные стоянки того времени показывают, что уже в те времена человек не ограничивался естественным укрытием, но и создавал примитивные жилища в виде шалашей. Найденные археологами стоянки с кремниевыми орудиями, зольниками и другими предметами представляют собой остатки первых поселений, созданных первобытными родами и племенами. Такого рода жилища, очевидно, были схожи с жилищем кельтиминарцев в Хорезме. Дом этот имел «овальный контур с тремя концентрическими линиями столбов, соединенных стропилами и обрешеткой, которые образовывали шатровую кровлю, покрытую слоем камыша. В нем обитала целая родовая община, в центре располагался священный очаг» /2/.

На юге территории Кыргызстана, наряду с пастушеско-земледельческими племенами, на рубеже II-I тысячелетия до н.э. в ряде равнинных и предгорных районов появились общины первых земледельцев с оригинальной культурой. История чустских племен Ферганской долины охватывает почти четыре столетия, начиная с конца II тысячелетия и до рубежа VIII-VII вв. до н.э. Это была важная эпоха в истории Средней Азии, время кардинальных перемен, перехода от первобытно-общинного строя к классовому. По данным Ю.А.Заднепровского, поселения чустской культуры выявлены в Узгенском, Ош-Карасуйском, Наукатском районах. Поселения в районе г.Узгена представляли собой дома и небольшие поселки, расположенные на берегах р. Яссы и Кара-Дарья, на высоких террасах. В низинах располагались поля и пастбища.

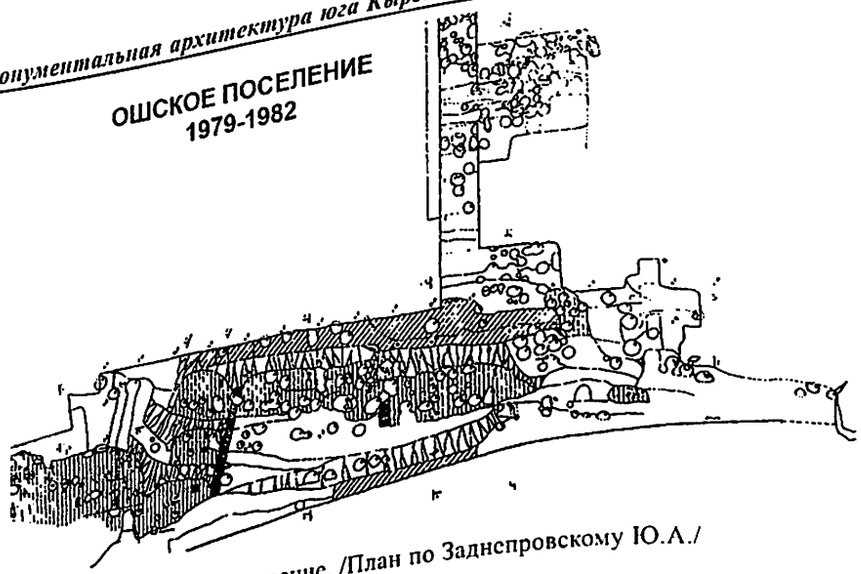
Кызыл Октябрьское городище

Отдельно стоящий дом в Боз-Тепе на левом берегу р.Яссы дает представление о жилище эпохи бронзы. Довольно мощные пахсовые стены окружали небольшие комнаты площадью от 4 до 30 м², где, по-видимому, проживали общины земледельцев численностью 20-25 человек.

В глинобитных полах вырыты хозяйственные ямы для хранения зерна и продуктов. В нескольких комнатах сохранились очаги /3/.

Ошское поселение.
Ямы и кухонный котел

Другое, более крупное поселение обнаружено в г. Ош на горе Сулейман. Оно располагалось террасами на крутом южном склоне. Раскопками на территории около 2000 м² выявлено около 15 жилых террас /4/. Устройство таких террас на крутом склоне требует немалого мастерства, учитывая примитивные орудия, которыми пользовались древние строители. Одна из рас-

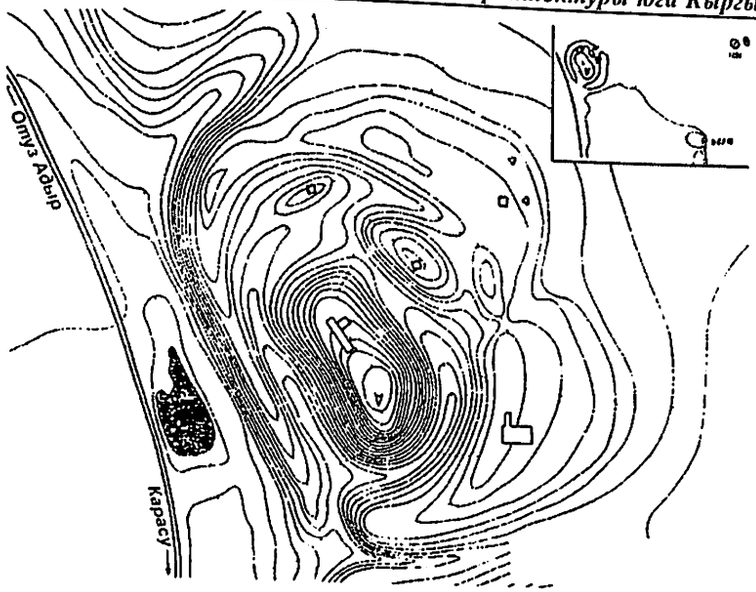

Ошское поселение. /План по Заднепровскому Ю.А./

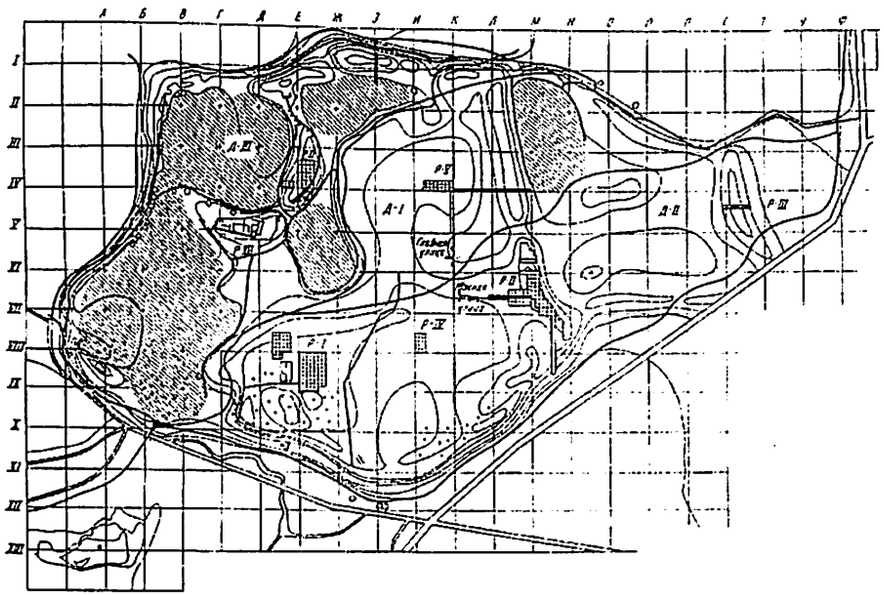
копанных землянок прямоугольной формы имела размеры 3,5 м в ширину и около 5 м в длину. В землянке обнаружено 8 хозяйственных ям. Площадь самой большой землянки более 100 м^2. Вдоль двух ее стен на определенном расстоянии друг от друга устроены ямы для столбов. В центре землянки 4 более крупные ямы, также для колонн. Можно предполагать, что землянки были перекрыты плоской кровлей с опиранием на деревянные колонны.

Особенностью Ошского поселения среди памятников чустской культуры является террасная планировка. Ю.А. Заднепровский считает эту особенность уникальным явлением в археологии Средней Азии /5/. Подобная планировка жилой застройки появляется в Средней Азии гораздо позже – в раннем средневековье (V-VII вв. н. э.). Поэтому есть основания считать террасную систему планировки Ошского поселения наиболее ранней в Средней Азии.

Поселение Хожамбаг в Карасуйском оазисе представляет еще один тип чустского поселения – рассредоточенный. Поселение состоит из нескольких холмов разной величины с общей площадью более 4 га /6/.

Поселение Хожамбаг. /По Ю.А. Заднепровскому/

Поселение Хожамбаг. /Ю.А. По Заднепровскому /

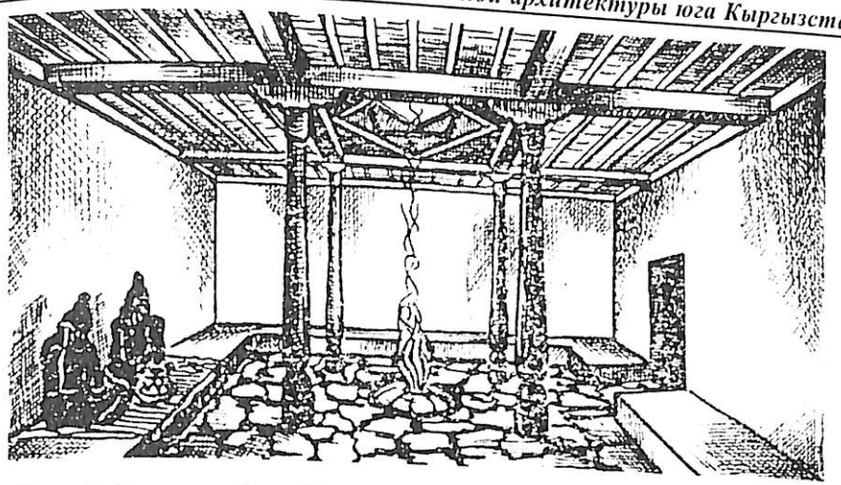
Дальверзин – самое крупное из чустских поселений (25 га) – был своего рода столичным центром чустских племен Ферганы и юга Кыргызстана. Каждая из трех частей поселения была окружена оборонительной стеной. Наибольшая часть огороженного поселения площадью 18 га была жилой. С востока к ней примыкает участок (5 га) без следов каких-либо строений, служивший для загона скота. Северо-западная часть поселения выделяется как наиболее укрепленная, она являлась цитаделью.

Структура плана Дальверзина в общих чертах схожа с поселением Джанбас-кала в Хорезме раннекушанского периода (II в. до н.э. – I в. н.э.) /7/. Схожесть планировок основана на наличии в обеих сплошных жилых кварталов, 1-2 улиц и выделяющейся цитадели.

Выделение цитадели на поселениях происходило на рубеже II I тысячелетий до н.э. почти одновременно в ряде областей Средней Азии, а также в Афганистане и Иране, что явилось переходным периодом от поселений (деревень) к первичным укрепленным городским поселениям, которые становились центрами экономической и культурной жизни земледельческих оазисов.

В жилом квартале Дальверзина обнаружены три типа жилья – землянки, наземные глинобитные дома и каркасные постройки наподобие шалаша. Этот факт говорит о том, что в Дальверзине, центре чустской культуры, сосуществовали традиции оседло-земледельческой архитектуры с характерными для степных племен бронзового века типами землянок и наземных каркасных построек /8/.

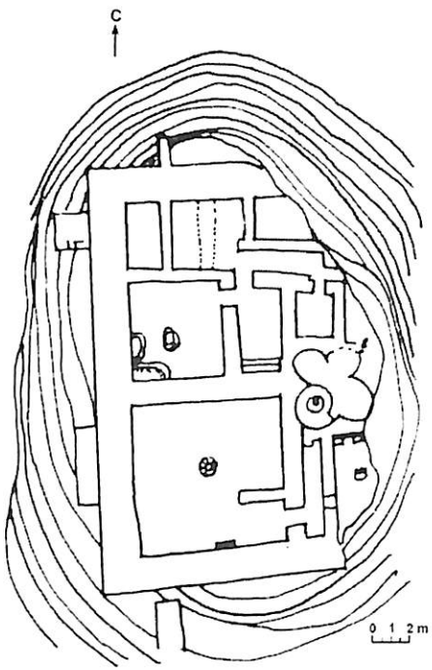
Следующий этап в развитии жилой архитектуры можно видеть на примере укрепленной жилой усадьбы Мирзалим-тепе у восточной окраины г. Оша. Его внешние стены толщиной 2 м, сложенные из пахсовых блоков с одним входом, служили надежной защитой жителям дома. Внутренние стены были выполнены из сырцового кирпича. Мощной стеной дом разделен на северную и южную часть. Интерес представляет южная половина, где выделяется зал с размерами 8,2х8,2 м с культовым очагом в центре, а также примыкающая к залу небольшая комната, имеющая фигурную четырехлепестковую форму плана. Дом-усадьба Мирзалим-тепе представляет собой типичный укрепленный замок, распространенный повсеместно в Средней Азии с начала и до середины 1 тысячелетия н.э.

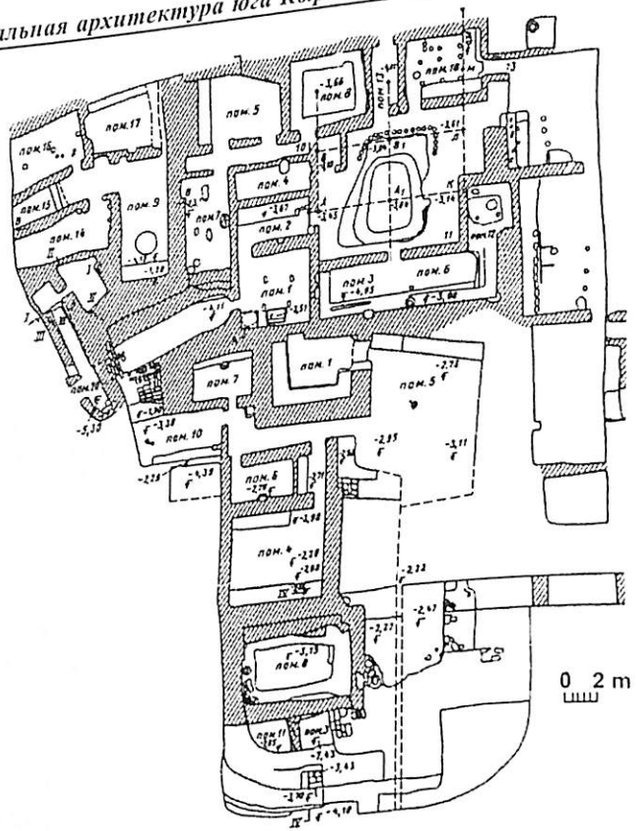
Усадьба Мирзалим-Тепе. Парадный зал. /Реконструкция Б. Помаскина/

Наиболее ранние письменные сведения о характере расселения в Фергане содержатся в сообщении китайского посланника Чжан Цяня (II в. до н.э.): «В Давани находится до 70 больших и малых городов, народонаселение простирается до нескольких сот тысяч», – сообщал он в донесении /9/.

Ю.А. Заднепровский отождествляет Шурабашатское городище, расположенное на правом берегу р. Яссы к северу от Узгена, с городом Ю-Чен, третьим известным городом государства Давань в Фергане /10/. Городище Шурабашат со сложной топографией и развитой системой обо-

Усадьба Мирзалим-Тепе.
План /По Ю.А. Заднепровскому/

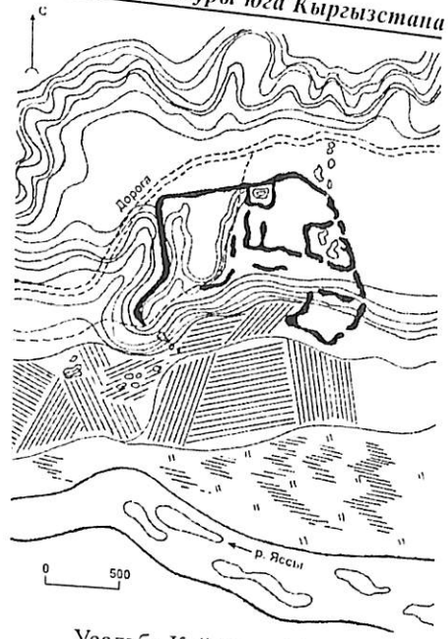
Городище Шурабашат. /По Заднепровскому Ю.А./

ронительных укреплений как нельзя лучше представляет дальнейший процесс урбанизации Ферганы в IV-I вв. до н.э. после эйлатанского периода.

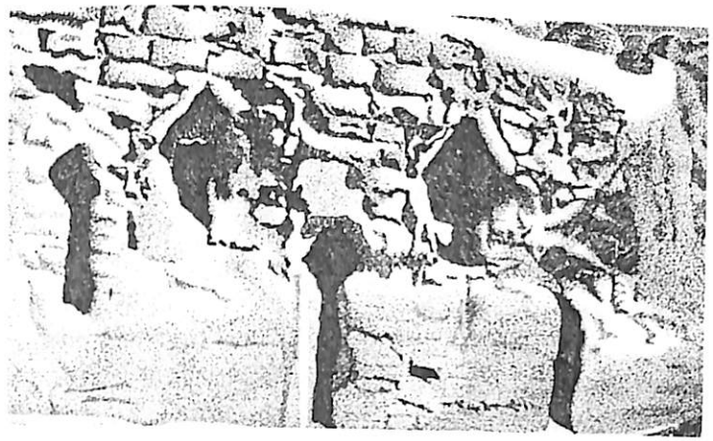
По мнению Г.А. Брыкиной /11/, в I-V вв. н.э. развитие поселений идет двумя путями – начинает складываться раннесредневековый город как административный, ремесленный и торговый центр, с другой стороны, распространенным типом расселения становятся сельские поселения, среди которых большое место принадлежит усадьбам и замкам.

Одним из наиболее изученных памятников этого периода является поселение Кайрагач (Юго-Западный Кыргызстан), расположенное в долине р. Ходжа-Бакырган. На примере поселения

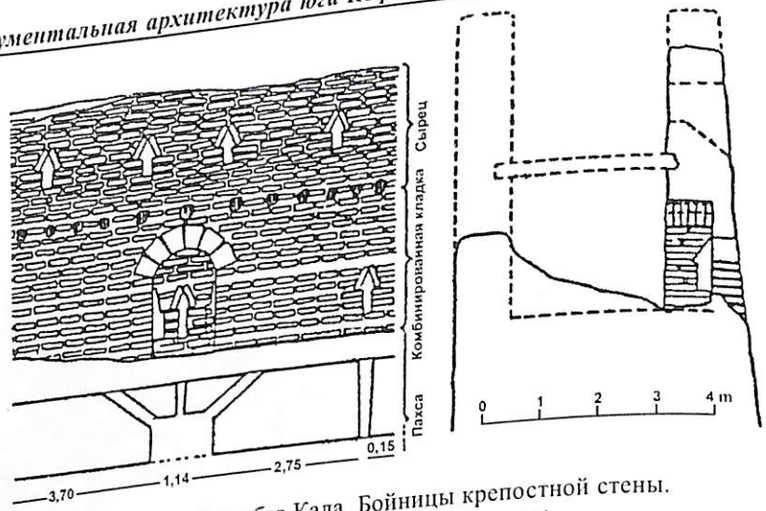
Кайрагач хорошо прослеживается поочередная смена нескольких строительных периодов за время его существования. Исследования Г.А. Брыкиной на поселении Кайрагач /12/ выявили пять строительных горизонтов, каждый из которых характеризует определенный этап в жизни сооружения. Архитектурно-строительные приемы, выявленные на поселении Кайрагач, свидетельствуют о разнообразии конструкций и материалов, их развитости, а также синхронности памятникам других древних центров Средней Азии – Уструшаны, Согда, Хорезма, Тохаристана. Например, длинные коридорообразные помещения перекрыты сводами, иногда двойными, из сырцового кирпича в технике поперечных отрезков и клинчатой кладки. Сырцовый кирпич, используемый в сводах, имеет трапецеидальную форму, что является редкостью в подобных конструкциях.

Усадьба Кайрагач. План.
/По Брыкиной Г.А./

Кайрагач. Бойницы юго-восточной стены. I – IV вв.

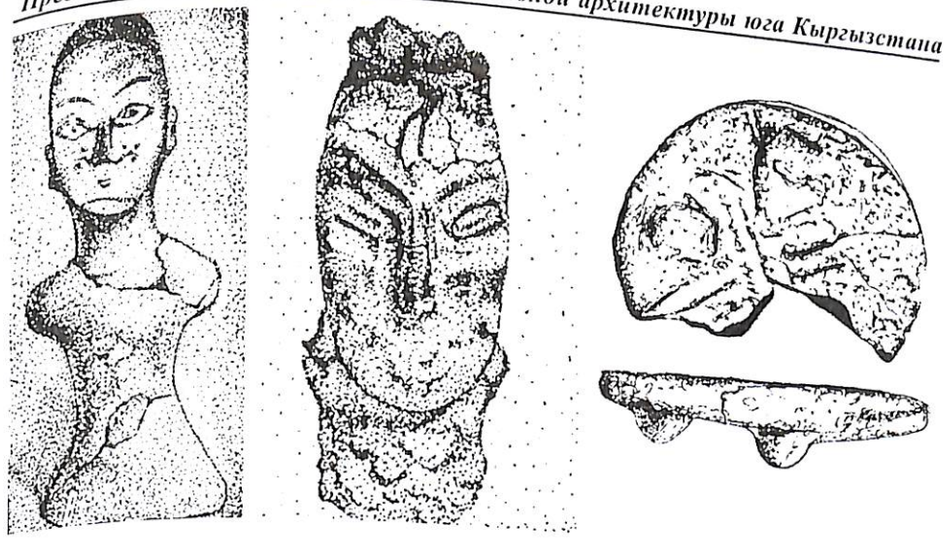

Хорезм. Джанбаз Кала. Бойницы крепостной стены.
I - IV вв. /По В.Л. Ворониной/

Жилые, культовые и хозяйственные помещения Кайрагача построены из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей в разных технических приемах. Здесь же сохранились остатки цветной росписи, глиняные скульптуры культового назначения, декоративные столики из алебастра.

Лессовая глина в виде сырцового кирпича или пахсы была основным строительным материалов в Средней Азии с древнейших времен. Пахса, или битая глина, уложенная слоями, наиболее проста в производстве, не требует опалубки. Сырцовые кирпичи и пахса использовались иногда во всех частях здания без применения дефицитного дерева.

Сырцовый кирпич известен с времен весьма отдаленных – он был обнаружен при раскопках Р.Помпелли в Анау (III-II тысячелетие до н.э.). В древний период сырцовый кирпич был основным стеновым материалом для строительства жилых и общественных зданий. На юге Кыргызстана сырцовый кирпич уже широко применяется в чустстких поселениях V-I вв. до н.э. /13/. В оборонительных стенах Дальверзина сырцовый кирпич использован в различных сочетаниях. Он служит панцирным слоем толщиной 60 см, уложенным вперевязку на утрамбованном основании из земли и строительного мусора южной стены городища. Простота в изго-

Кайрагач. Идолы из святилища. Алебастровый столик. /По Г. Брыкиной/

товлении, наличие сырья сделали сырец наиболее массовым стеновым материалом Средней Азии. До появления жженого кирпича (IX в.) все строения возводились из сырцового кирпича.

Состав сырцового кирпича разный. В основном, с целью воспрепятствовать растрескиванию кирпича в глину примешивались песок или саман.

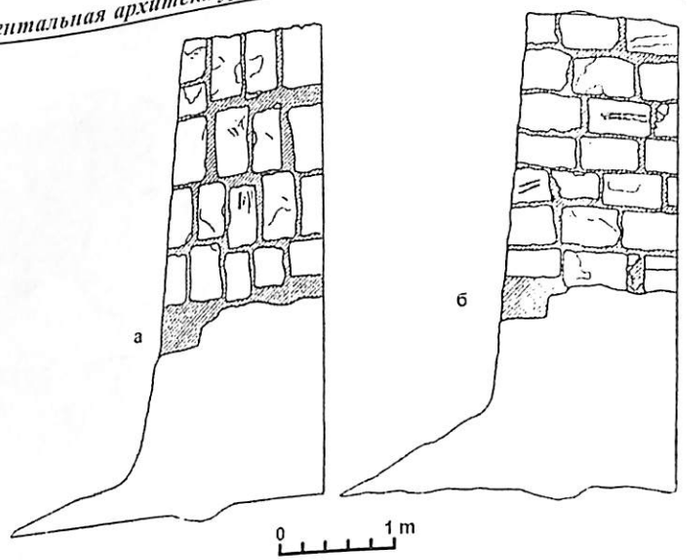
В постройках VII-X вв. городища Красная речка, по утверждению А.Н.Бернштама, в тесто сырцового кирпича добавлялась рубленая солома (саман) или камыш, иногда шерсть /14/.

Размеры сырцового кирпича колеблются от крупного в ранних постройках – 51x31x14 (Кайрагач) – до более мелких в позднее время – 25x25x10 (Красная речка). Различаются сырцовые кирпичи прямоугольной и квадратной формы. Кладка из сырцового кирпича велась на глиняном растворе, который, как и кирпич, содержал иногда примесь самана.

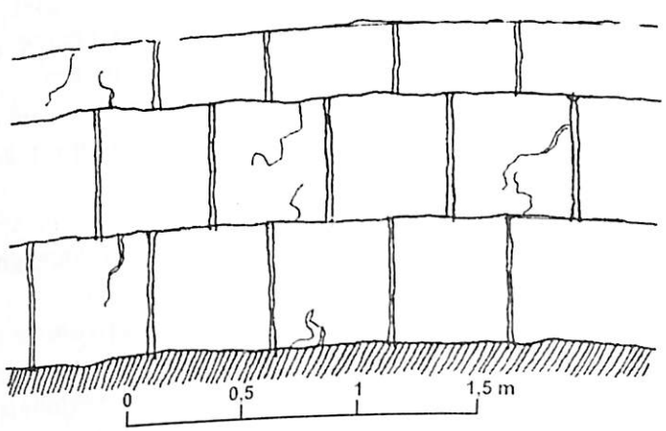
Пахсовая конструкция стен на территории Кыргызстана, по-видимому, появляется одновременно или чуть позже сырцовых кирпичей.

Судя по материалам Хорезмской археологической экспедиции Академии наук СССР, в строительстве Хорезма сырец появился раньше пахсы /15/.

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИНВ № 469393

1.

2.

Дальверзин.
1. Разрез стены цитадели. 2. Пахсовые стены.

С появлением пахсы ей, как материалу более прочному и монолитному, повсюду отдавали предпочтение в сооружении внешних крепостных стен. Не только в стенах чустских поселений Ферганы, но и в городах Таласской и Чуйской долин основной объем внешних оборонительных стен состоит из пахсовой кладки.

Популярность пахсовых стен объясняется доступностью сырья и удобством укладки. Пахса укладывается последовательно слоями высотой примерно в метр. Помимо укладки слоями по высоте, пахса делится вдоль каждого ряда на блоки. Метод членения пластов пахсовой кладки имеет два приема. В первом случае слой глины кладется непрерывной лентой и по мере укладки разрезается поперек швами, расположенными вперевязку по высоте стен. Во втором случае глина формируется блоками в процессе укладки.

Классическим примером первого типа кладки являются пахсовые стены замка на Красноречeнском городище, раскопанные П.Н. Кожемяко /16/. Надрезы, сделанные специальным металлическим инструментом, видны совершенно отчетливо. Это строго вертикальные швы, образующие в разрезе четкие, как разрезанные в камне ребра. Ширина шва 1,5-2 см по вертикали, они регулируют растрескивание глины при высыхании. Высота блоков, как сказано, около метра, ширина – от 0,7 до 1,2 м.

В некоторых случаях ряды пахсовых блоков прослаивались одним или несколькими рядами сырца на глине. Это один из вариантов пахсовой кладки. Однако этот вариант является переходной ступенью к третьему типу конструкции стены из глины – комбинированному, сочетающему оба названных приема (кладка сырцовая, кладка пахсовая).

Такие приемы комбинированной кладки встречаются в постройках Дальверзина, Чуста, Кара-Булака и др.

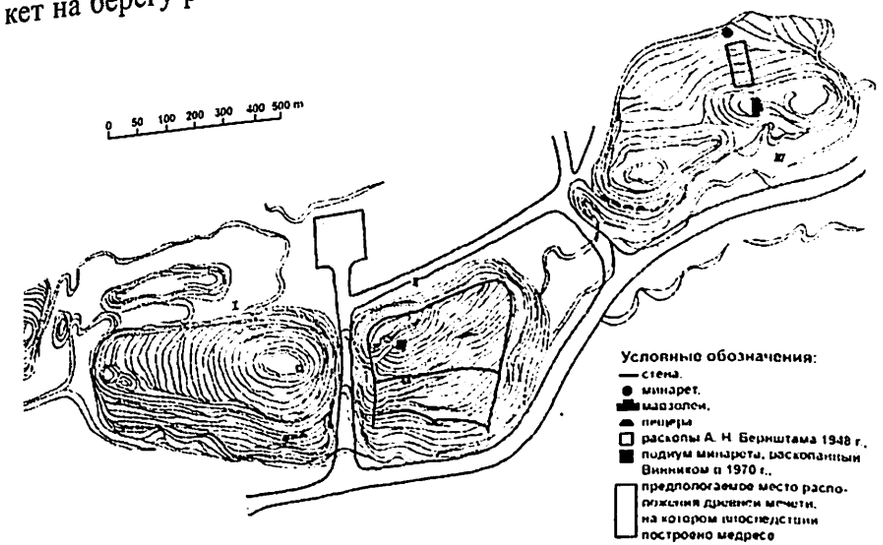
С середины VII в. начинается интенсивное расселение тюркских племен в Фергане, хотя первые кочевые племена тюрков здесь появились еще в III-IV вв. С появлением первых признаков феодальных отношений в V-VII вв. наблюдается запустение старых городов, вызванное упадком городской жизни, городского ремесла и культуры. Сходные процессы происходили в целом по всей Средней Азии. Центр тяжести политической и экономической жизни государств переносится в сельские укрепленные поселения нового типа.

Такие поселения приобретают крепостной характер с мощными стенами, иногда с двойными стенами со сторожевыми башнями на углах, как, например, Тешик-Кала в Хорезме /17/.

Средневековый автор Ат-Табари ко времени арабского завоевания Ферганы называет всего четыре города – Касан, Ахсикет, Урест и Ходжент /18/, хотя к этому периоду существовали десятки поселений с развитой структурой, которые к IX-X вв. выросли в города. Среди них, несомненно, были Ош, Узген, Мады, Куршаб и другие города Южного Кыргызстана.

В поселениях-городах Ферганы, как и в пределах всей Средней Азии, в VII-VIII вв. выделяется резиденция правителя – арк, или цитадель и собственно шахристан с торгово-ремесленной застройкой, которая хорошо прослеживается на топографии Узгена.

Завоевание арабами Ферганы продолжалось с 715 г., когда их войска во главе с Кутейбой ибн Муслимом захватили северо-восточную Фергану в районе Касана, до середины IX в., когда завершилась исламизация региона. В IX-X вв. Фергана входила в состав государства Саманидов. Впервые в арабских источниках сведения о городах Ферганы появляются в VII-IX вв. Среди них упоминаются и города Кыргызстана – Ош, Узген, Ат-Баш, оз.Иссык-Куль. «Фергана – название области, главный город ее Ахсикет на берегу реки Шаш, его окружает стена. Следующий за ним

План г. Узгена. /По А.Н. Бернштаму/

по величине город – Куба, самый приятный из городов, там есть цитадель рабат, соборная мечеть и рынки. Затем идет город Ош. Это оживленный город, окруженный стенами, в нем есть цитадель и дворец эмира. Город примыкает к горе, на которой находится сторожевой пункт для наблюдения за тюрками. Узгенд – последний из городов Ферганы (если идти в сторону области войны с немусульманами). У него есть стена, рабат, цитадель, проточные воды и сады» /19/. Арабский географ X в., автор «Книги путей государств», сообщает: «В Оше трое ворот: Дарваза-ий Кух, Дарваза-ий Аб и Дарваза-ий Мугкеде» /20/.

Как видно из цитируемых сообщений, если по какой-либо причине к началу арабского завоевания (нач. VIII в.) Ош не упоминается в сообщении Ат-Табари, то уже через сто с небольшим лет

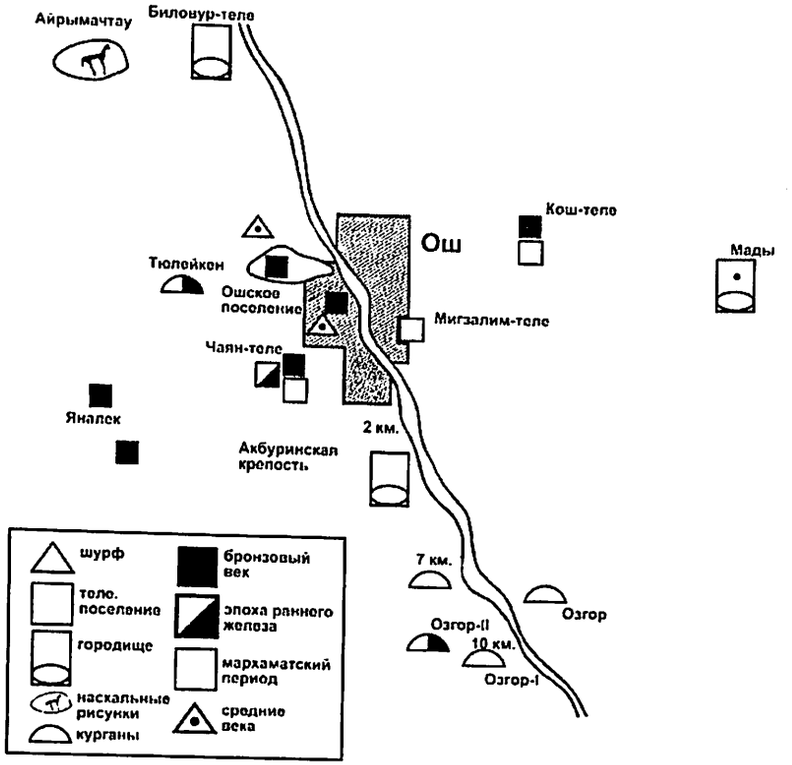

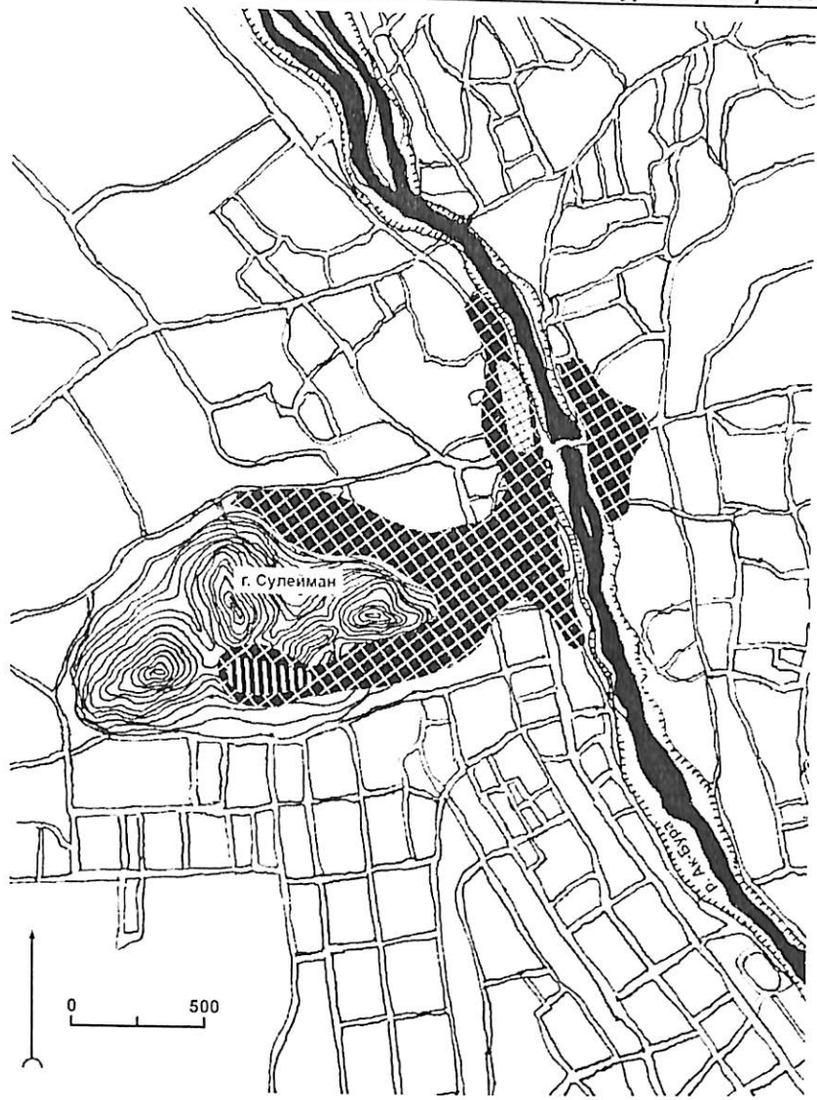
Схема памятников Ошского оазиса. /По Ю.А. Заднепровскому/

(сер. IX в.) Истахри говорит об Оше как о третьем по величине городе в области Ферганы.

Очевидно, что за сто лет Ош не мог возродиться и вырасти до размеров третьего по величине города Ферганы. Отсюда можно сделать однозначный вывод: к середине первого тысячелетия н.э. Ош уже был достаточно большим городским поселением. Гипотеза А.Н.Бернштама о формировании средневекового Оша /21/ все-таки ближе к истине. Наличие в границах современного Оша и вокруг него памятников от эпохи бронзы и до позднего средневековья – Ошское поселение на Сулайман-Тоо, Чаян-Тепе, Мирзалим-Тепе, Акбуринская крепость, средневековая баня, мечеть Рават Абдулла-хана и другие – является весомым аргументом в пользу преемственности от Ошского поселения до позднего средневековья.

Говоря о преемственности, необходимо иметь в виду не прямую преемственность, когда возникшее поселение постепенно, на одном и том же месте трансформируется в городское образование, изменяясь планировочно и своими размерами, а специфику среднеазиатских городов, когда в силу тех или иных политических, экономических, социальных причин та или иная часть города или город в целом разрушается и снова возрождается на прежнем или новом месте /22/.

На примере Оша можно видеть довольно часто встречающееся отклонение от типовой схемы шахристана: количество ворот сведено к трем вместо обычных четырех. Таковы были в средневековье (трое ворот) Тараз, Рамитан (Бухарский оазис), Отрар. Три главных направления, определяющих оборону подступов к Ошу, обосновывает в своей работе и Ю.А. Заднепровский/23/. По этой версии Ошский оазис или поселение, из которых, собственно, и вырос город, со стороны востока защищала крепость Мады. Следовательно, на этом важном направлении были одни из ворот. Подступы к Ошу с юга (левый берег Ак-Буры) охраняло Акбуринское городище, или крепость, отсюда вторые ворота, надо полагать, были с южной стороны Оша. И, наконец, третьи ворота располагались с северной стороны городской стены Оша, так как на этом направлении в древности располагалась крепость Биловур-Тепе. С западной стороны Ош защищает горный хребет.

План города Ош.

Средневековый базар

Историческое ядро города

Поселение эпохи бронзы

Архитектурно-планировочную структуру Оша сформировали два главных градостроительных фактора: Сулайман-Тоо и река Ак-Бура. Эти два ландшафтных образования, к тому же расположенных в удобном месте на путях пересечения торговых трасс, стали местом обитания человека с древнейших времен. Поселение чустской культуры, обнаруженное Е.В.Дружининой в 1967 г., а позже изученное Ю.А.Заднепровским, положило начало новому отсчету истории древнего города. Ошское поселение, среди землянок которого Ю.А.Заднепровский выделяет помещения культового назначения, древнейшие петроглифы, эпиграфика эпохи Саманидов, масса культовых сооружений, появившихся с принятием ислама, большинство которых становились мазарами, сформировали Сулайман-Тоо как важнейший культовый центр Ферганы. Отсюда и обилие мавзолеев, мечетей, медресе, плотно разместившихся в историческом ядре города. Сохранившиеся и известные по литературе памятники рассмотрены в книге А.Захаровой /24/. Касаясь этой работы, необходимо отметить, что первое упоминание Тахт и Сулейман относится не ко второй половине XIX в., а к первой половине XVII в. в известном труде Махмуда ибн Вали «Море тайн относительно доблестей благородных»: «Ош – город, (расположенный) недалеко от границ Кажгара и Уйгуристана. В прежние века считался (одной) из границ ислама... В преданиях приводятся некоторые рассказы о достоинствах Оша, (в которых) основание его приписывают (пророку) Сулейману, мир ему! В нем есть старинная постройка, известная (под названием) Тахт-и Сулейман и в ней похоронены большая часть последователей (пророка) Сулеймана. Во время завоевания Оша приняли там мученическую смерть многие предводители арабов.

В настоящее время (Ош) далек от благоденствия и разлучен от благоустройства. Временами в его окрестности переселяются киргизские племена» /25/. Из цитаты видно, что Махмуд ибн Вали сам пользовался преданиями о достоинствах Оша, из чего можно сделать вывод: название «Тахт-и Сулейман» гора получила не в XVII в., а гораздо раньше. Согласно сообщению Махмуда ибн Вали Тахт-и Сулейман – это постройка, где есть захоронения, т.е. мавзолей, а не мечеть. Бара Кух, Тахт-и Сулайман, Сулайман-Тоо

– не единственные названия горы. Из сообщения Н. Щербина-Крамаренко /26/, одно из древних наименований горы – Ханаф, «Горка эта в древности называлась Ханаф – где было много мазаров мнимых святых, в числе которых был якобы и мазар Сулеймана и его визира Асафа».

В историческом ядре города располагался и Ошский базар, который в конце XIX в. еще сохранял черты традиционного среднеазиатского базара, сложившегося еще в доисламское время. Особенностью Ошского базара является его многовековое функционирование на одном месте, только изменяясь в размерах. Описание торгового центра Оша, каковым был базар в начале нашего века, удивительно напоминает описание самаркандских и других среднеазиатских базаров арабскими и китайскими географами. Приведем некоторые особенности Ошского базара, взятые из рассказа местного жителя в начале XX в.: «Крытый тим (деревянное каркасное сооружение) располагался на левом берегу параллельно руслу Ак-Буры на расстоянии 40-50 м между двумя висячими мостами, с расстоянием между ними 900 м. Вокруг тима располагалась вся городская торговля, в особенности в базарные дни. Между тимом и рекой (от моста до моста) шла бойкая торговля чаем (чай базар), тюбетейками (допу-базар), одеждой (тон-базар). По другую сторону тима торговали зеленью – арбузами, дынями, изюмом, овощами и фруктами. Ниже тима и мостов по обеим сторонам Ак-Буры в базарные дни собиралось еще несколько базаров. На левом берегу, между ним и дорогой, торговали фуражом. По другую сторону дороги, между этим базаром и тимом, располагался базар, где торговали лошадьми и скотом (ат-базар, кой-базар, мал-базар). На правом берегу реки, ниже моста, продавали камыш и изделия из него (бурье-базар). Около висячих мостов у воды были чайханы и ашханы, по две с каждой стороны моста. Чайханы играли большую роль в базарной жизни, здесь люди встречались, заключали разные торговые сделки, тут же на базарных площадях стояли мечети и медресе» /27/.

Архитектура мечетей и медресе Оша, которыми она славилась на рубеже XIX-XX вв., имеет много общего с другими памятниками этой типологии единого историко-культурного региона Ферганы. Это касается и планировочных решений, и объемно-простран-

Ош. Мечеть на левом берегу Ак-Буры недалеко от базара.
Арх. №2-52-1. /Вторая пол. XIX в./, фото 1915 г.

ственной композиции. Медресе имеют замкнутую композицию с дворовым пространством, вокруг которого формируется стандартный набор помещений. Фасады медресе разработаны с применением традиционных форм – портал, гульдаста, стрельчатые ниши или айваны. Мечети Оша на рубеже XIX-XX вв. как сохранившиеся, так и разрушенные, по своей архитектуре мало чем отличались от мечетей других районов Ферганы. Обычные для всего региона формы – айван с деревянными резными колоннами, расписные потолки, зимние помещения-хонака отличаются лишь размерами, конфигурацией плана и вариациями одних и тех же отделочных материалов – резного ганча, росписей, резьбы по дереву, ганчевой штукатурки и др. Мечети крупные – джума (пятничные) или соборные, так же как и гузарные, во многом имеют схожие черты архитектуры для всего региона Ферганы.

Вместе с тем в трактовке фасадов медресе, порталов мавзолеев, мечетей Оша можно выделить локальные особенности, придающие им своеобразие и стилевое единство. Прежде всего это касается порталов медресе. Порталы Ошских медресе не

имеют угловых колонок – гульдаста, все они одинаково, П-образной рамой, в которой размещены прямоугольные ниши, обрамляют стрельчатый айван. Главный фасад Ошской мечети, построенной на высоком левобережье Ак-Буры недалеко от базара в 70-е годы XIX в., фланкирует мощные угловые минареты, в то время как в других городах Ферганы они применяются очень редко. Размещение на удобном в градостроительном отношении участке потребовало от зодчего и неординарного решения главного входа в мечеть. Как видно на фотографии начала XX в., перед главным фасадом мечети построена двухъярусная терраса и тем самым оригинально использован крутой спуск к пойме реки Ак-Буры. Вход в мечеть, судя по фотографии, осуществлялся одновременно и с нижней, и с верхней террасы. Для подъема с уровня нижней террасы до отметки двора мечети, по-видимому, в самой террасе или во дворе были устроены лестницы. Высота боковых стен дворового айвана была также двухъярусной, что видно по дверному и оконному проему над ней. Еще одна особенность архитектуры этой мечети видна по облику угловых минаретов. Правый угловой минарет (на фотографии – дальний) по своему диаметру и пропорциям фонаря заметно больше левого минарета. Оба минарета имеют разную форму купольного завершения фонарей, а также разные детали перехода от конического ствола к самому фонарю. Однако, несмотря на отличие друг от друга, оба минарета прекрасно вписываются в композицию главного фасада, которая отличается прежде всего чрезвычайной четкостью и в то же время простотой решения формирующих ее элементов. Главным ядром, подчиняющим себе общую композицию фасада, является пештак (портал), расположенный в центре и заметно доминирующий по высоте по отношению к угловым минаретам. Решенный в традиционных для Оша членениях, слегка выдвинутый вперед, он является основной осью сооружения. Стройный стрельчатый айван имеет балкон, на котором видна фигура человека.

Запоминающийся образ этой мечети, великолепно вписанной в окружающий ландшафт, мог бы стать архитектурным символом Оша, сохранись она до наших дней.

В заключение, касаясь локальных отличительных черт памятников Оша, нельзя не отметить следующее. Порталы медресе, из числа памятников архитектуры Ферганской долины, как правило, фланкированы стройными 3/4 угловыми колонками-гульдаста (медресе Джами в Андижане, медресе Гумбаз в Московском районе Андижанской области, медресе Камол-Казы в Коканде и др.), чего нет в порталах Ошских медресе. И наконец, имеются отличия в отделке порталов и всего фасада. Так, порталы подавляющего большинства памятников Ферганы имеют многоцветную мозаичную отделку с использованием изразцовых и глазурованных плит, в то время как Ошские мечети и медресе традиционно выполнены с гладкой кирпичной фактурой.

Узген, как и Ош, относится к древнейшим городам Южного Кыргызстана. Он находится в центре древнего земледельческого оазиса, в восточной части Ферганской долины. Узген занимает возвышенное место над окружающей территорией подобно другим городам Средней Азии раннего средневековья и поэтому был хорошо приспособлен для самостоятельной обороны. Надпойменные террасы в виде отдельно стоящих холмов как нельзя лучше подходят для этих целей. Древний шахристан Узгена вместе с цитаделью расположен на холмистой террасе поймы реки Кара-Дарья, откуда удобно просматривается вся долина реки.

Одним из факторов развития Узгена явилось удачное расположение на крупном торговом пути из Ферганы в Восточный Туркестан. Город часто упоминается в трудах средневековых авторов как один из наиболее известных городов Ферганы /28/.

Топография Узгена впервые исследована А.Н.Бернштамом. По плану, составленному им, Узген состоит из трех шахристанов, на среднем из которых расположилась цитадель /29/. Ю.А.Заднепровский уточняет размеры шахристана с добавлением еще одного участка с западной стороны /30/. Археологические исследования 1971-72 гг. /31/ дали возможность уточнить границы средневекового города, его топографическую структуру, мощность залегания культурных слоев в разных частях города.

Наиболее интенсивно город развивался в X-XI вв., когда и был достигнут наибольший территориальный рост – 15 км². В этот период Кыргызстан переживал важнейшие политические перемены, связанные с возникновением средневековых феодальных государственных образований – Западно-Тюркский каганат, Тюргешское и Карлукское объединения и, наконец, Караханидский каганат, объединивший в пределах единого государства разнокультурные и разноэтнические традиции.

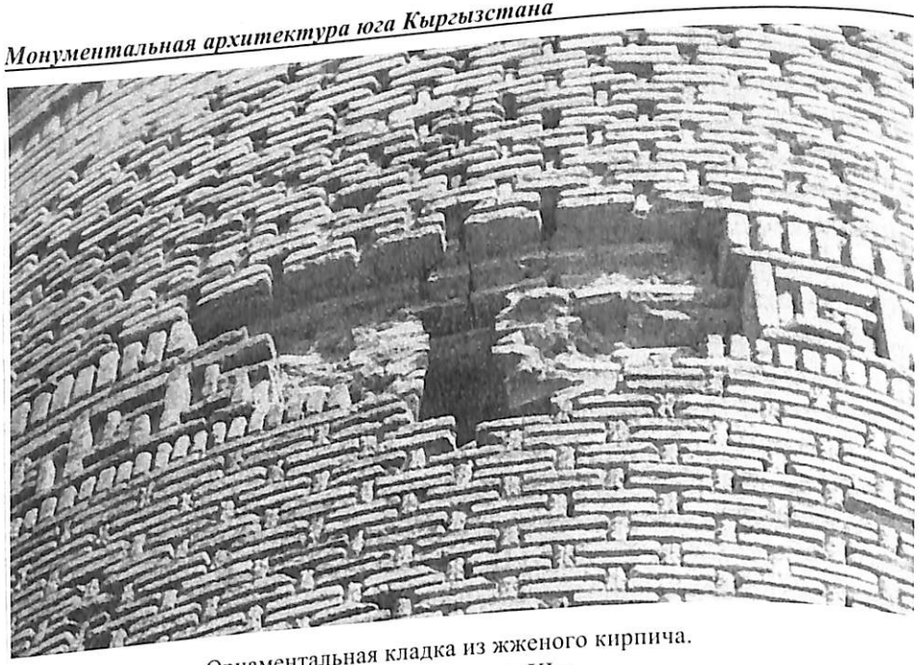
Формирование государства Караханидов в X в. на территории Кыргызстана имело огромное значение как период перехода от раннефеодального общества к оформленному, важнейшей особенностью которого было сосуществование земледельческой культуры с кочевыми культурами.

Во время правления Насра ибн Али в 996-1012 гг. Узген стал одной из столиц (Мавераннахра) Караханидского государства, наряду с Баласагуном. В период X-XII вв. (время расцвета караханидского общества) в Узгене и Баласагуне, Таразе и Бухаре появились величественные монументальные постройки с целью увековечивания имен правителей династии.

Принятие первыми караханидами ислама как государственной религии, быстрое развитие феодальных отношений, усиление торгово-экономических и культурных связей обширных территорий создали предпосылки для бурного развития градостроительства и архитектуры. Это, в свою очередь, обусловило многообразие типов зданий и сооружений, возводимых для обеспечения функциональных потребностей общества в соответствии с их идейно-художественными воззрениями и социальным положением.

Основу монументальной архитектуры юга Кыргызстана, как и всей Средней Азии в целом, составляют постройки культовые, мемориальные, а также придорожные сооружения – рабаты, караван-сараи. Среди мемориальных сооружений особо распространенную типологическую группу составляют мавзолеи, появившиеся в Кыргызстане в X в., вслед за принятием ислама в 995 г. в качестве государственной религии /32/.

Начало строительства мавзолеев в Кыргызстане, как и во всей Средней Азии, совпало с появлением жженого кирпича. Начиная с IX в. на территории Кыргызстана налаживается производство жженого кирпича. Первоначально он использовался прежде всего при

Орнаментальная кладка из жженого кирпича.
Узгенский минарет. XI в.

сооружении сводчатых и купольных покрытий, облегчая их и увеличивая внутреннее пространство перекрываемых помещений.

С XI в. жженый кирпич становится основным строительным материалом при строительстве монументальной архитектуры. Массовое производство и совершенствование качества создавало предпосылки для увеличения возможностей строительной техники и способствовало развитию деталей и декоративных начал плоскостей стен. XI-XII вв. отмечены как эпоха максимального использования декоративных качеств жженого кирпича, хотя начало этому было положено в X в. на примере мавзолея Исмаила Самани в Бухаре.

Несмотря на то, что монументальное строительство перешло на использование жженого кирпича, сырец продолжает использоваться в возведении зданий, особенно в сельской местности. Много примеров совместного использования жженого и сырцового кирпича.

Жженый кирпич имел, как правило, плоские квадратные формы, чем достигалось более высокое сцепление кладки и тем самым увеличение горизонтальной связи. Квадратная форма кирпича

была наиболее удобной при сооружении куполов и сводов без кружал, выполненных методом вертикальных отрезков. В противоположность сырцовому кирпичу, жженый кирпич со временем потерял тенденцию к увеличению размеров. Мелкий «саманидский» кирпич со сторонами 20-22 см и толщиной 2,5 см постепенно уступает место более крупному – до 30x30x6 см в стороне. В основном, толщина кирпича составляет в среднем 1/5 длины стороны квадрата или длинной стороны прямоугольного кирпича.

Раствором для жженого кирпича служил глиняный и ганчевый. Второй, как правило, использовался в ответственных конструкциях – сводах, куполах, облицовочной кладке. Объем раствора в кирпичной кладке средневековой архитектуры, по подсчетам А.Бачинского, составлял до 30 % от объема кладки. В нижних частях здания толщина шва почти равна толщине кирпича. В верхних частях стены шов несколько утончается. Толстые слои ганча выполняют роль амортизатора при сейсмическом ударе.

Ганч широко использовался и как отделочный материал. В постройках VII-VIII вв. на Ак-Бешиме, Краснореченском городище найдены остатки ганчевой штукатурки со следами цветной росписи. Декоративные свойства ганча приобретают особое значение в архитектуре X-XII вв. – в период расцвета искусства резьбы по ганчу. Сложнейшие композиции из геометрического орнамента – «гирихи», эпиграфика, растительный орнамент, раскрывают огромные возможности фактурной разработки плоскостей. Резной ганч преимущественно используется в интерьерах зданий (мавзолей Шах-Фазиль), а также на фасадах в комбинации с декоративной кирпичной кладкой (мавзолеи и минарет в Узгене).

Подразделяют несколько видов ганча. «Ганч-хак» – наиболее грубый по составу ганчевый раствор из алебастра и глины, идущий на черновую штукатурку поверхности стены. В зависимости от того, какая поверхность предназначается для покрытия ганч-хаком при его изготовлении, берут различное соотношение глины и алебастра.

Из хорошо обожженного, но не совсем чистого от копоти алебастра приготовляют «тез-ганч», который имеет свойство очень быстро схватываться. Для его получения алебастр смешивают с водой

и тот час же пускают в употребление. Из-за быстрой схватываемости он не пригоден для резьбы, но зато незаменим при кладке арок и сводов. Белый, очищенный от копоти алебастр, просеянный на тонком сите – «гуль-ганч» идет на высококачественную штукатурку, отливку, резьбу и т.д. Для замедления схватывания в него добавляют местный клей «ширеш», приготовляемый из широко распространенного повсеместно в Средней Азии растения такого же названия. Добавка в алебастр «ширеша» также улучшала его пластические свойства и прочность. Среди добавок к «гуль-ганчу» были распространены также горный воск и песок /33/.

Развитие приемов и методов декоративного убранства в архитектуре Кыргызстана, как и всей Средней Азии, было тесно связано с уровнем развития производительных сил страны, с прогрессом строительной техники. На ранних этапах развития строительной техники и архитектуры преимущественно используется глиняная фактура, частично применяется настенная живопись, резной штук. С широким введением в архитектуру жженого кирпича получает распространение прием художественной выкладки из обычного отшлифованного и резного кирпича, затем потесненного терракотой.

В памятниках X-XI вв. декоративное убранство стен монохромно. В архитектурном убранстве наружных плоскостей преобладали, в основном, те же строительные материалы, что и для возведения конструктивных элементов. Образцом приема подобного рода являются портальные фасады Среднего и Северного Узгенских мавзолеев, где максимально использованы декоративные качества кирпичной орнаментации и резного ганча.

В XI-XII вв. приемы архитектурного убранства становятся более разнообразными в зависимости от тех условий, в которых находится то или иное сооружение. Декоративная фактура, в первую очередь кирпичная, увязана с композицией сооружения и сильнее подчеркивает те или иные особенности сооружения.

Декоративное убранство находится в тесной связи с условиями расположения памятника и условиями его обозреваемости.

Орнаментальные пояса Узгенского минарета сложены, в основном, из того же крупного строительного кирпича, что и весь массив минарета. Широкие пояса орнаментальных мотивов с крупным

геометрическим рисунком опоясываются узкими поясами, что создает необходимый масштаб и оживляет орнаментальное полотно конического ствола минарета.

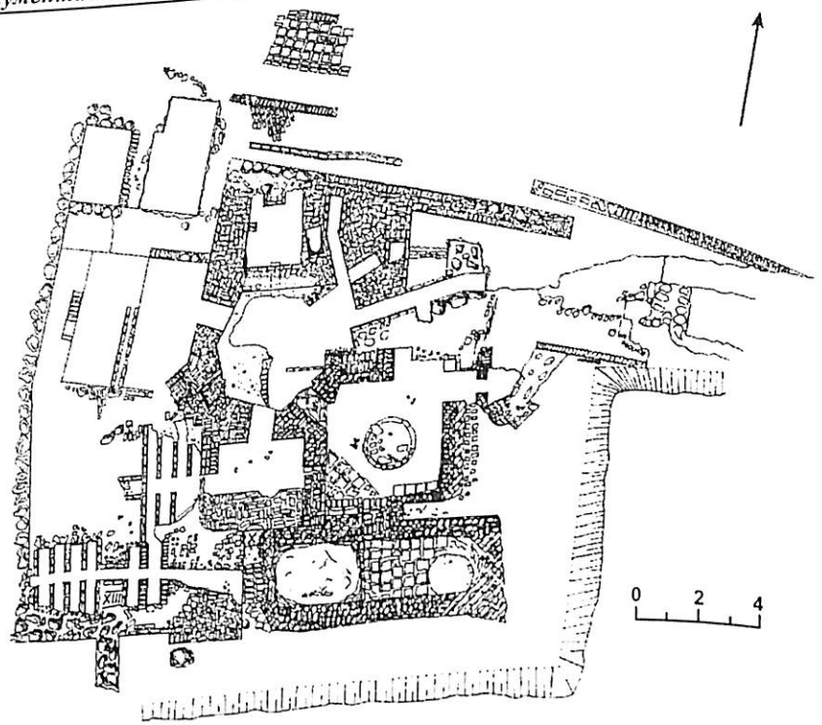
С XII в. в архитектурную декорацию фасадов широко внедряется облицовка из терракотовых плит. Расцвет этого вида архитектурного декора виден на примере портала Южного мавзолея. Здесь господствует сплошное декоративное убранство портального фасада с измельченной детализацией. Если в Среднем мавзолее кирпичная фактура является главенствующей, то на фасаде Южного мавзолея отдан приоритет терракотовой облицовке.

Сырцовый кирпич, пахса, жженый кирпич, ганч, глина, резная терракота, широко применявшиеся в X-XII вв., надолго предопределили строительные и отделочные материалы в архитектуре Кыргызстана последующих веков.

После монгольского нашествия в XIII в. Фергана, как и северные районы Кыргызстана, вступила в длительную полосу политического, экономического и культурного кризиса, развившегося в результате феодальных междоусобных войн чингизидов за перераспределение владений.

Сменявшие друг друга государства Хайду, Моголистан, Тимуридов (XIII-XIV вв.), включавшие и территорию Кыргызстана, принесли неисчислимые бедствия населению. Появившиеся на месте государства Хайду государство Тимура в Мавераннахре и, Моголистан на Тянь-Шане отличались уровнем развития, что еще более усилилось в последующие века в результате завоевательных походов Тимура.

Некоторое оживление городской жизни на юге Кыргызстана в XV-XVI вв. особо не отразилось на подъеме архитектуры и росте городов, как это было в Мавераннахре. О постройках Оша XV-XVII вв. можно судить лишь по сообщениям средневековых авторов, в частности, воспоминаниям Бабура. Описывая мечеть Джауза у горы Бара-Кух, он пишет о внешнем дворе /34/. Следовательно, это была довольно крупная монументальная постройка, имевшая и внутренний двор. Перечень монументальной архитектуры того времени дополняют худжры, построенные из жженого кирпича на горе Бара-Кух (Сулайман-Тоо) самим Бабуром и его дядей Султан Махмудом, упомянутые также в «Бабур-наме».

Ош. Баня. План. XI–XII вв.

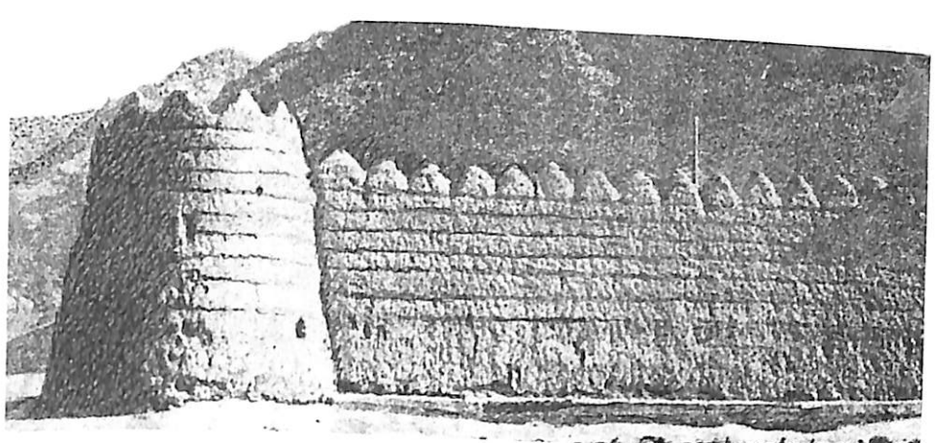
К архитектуре этого или несколько более позднего периода относится мечеть Рават Абдуллахана, неоднократно перестроенная в последующие столетия. Сама мечеть сооружена на месте памятника XI-XII вв., о чем свидетельствуют данные археологических раскопок /35/. Примеров строительства на остатках более ранних сооружений у подножья Сулайман-Тоо предостаточно. Например, одна из крупных монументальных построек домонгольского времени – баня, раскопанная недалеко от мечети Рават Абдуллахана, подвержена значительным перестройкам в XV-XVII вв. Фундамент мавзолея Асаф ибн Бурхийя устроен над саганой мавзолея XI-XII вв., выложенной в виде орнаментальной кладки «в елочку».

Кокандский период в истории юга Кыргызстана ознаменован строительством крупных фортификационных сооружений – крепостей, служивших опорными пунктами в подвластных ханству насе-

ленных местах. Они сооружались на стратегически важных участках, а также на границе с Цинской империей. Крепости Таш-Курган на Памире, Суфи-Курган, Дараут-Курган на Алае, Кан на р. Сох представляли собой мощные оборонительные стены с прямоугольной или свободного очертания формами с башнями вдоль стен и на углах. Крепость Дараут-Курган имеет размеры стен 76х43 м, в верхней части которых имелись бойницы для ружейного огня /36/. Угловые башни сильно сужаются кверху, оформлены крупными трегугольными зубцами. Такие же зубцы завершают стены, сложенные из пахсовых блоков с четкими горизонтальными слоями.

Архитектура этих крепостей повторяет в основных формах оборонительные стены городов Центральной Азии более ранних веков. Относительно небольшие размеры этих крепостей отвечают функциональному назначению для размещения гарнизонов от 500 до 1500 человек. Кокандским крепостям на территории Кыргызстана предшествовали крепости, строившиеся как родоплеменные ставки или укрепления кыргызских феодалов (Чолок-Коргон, крепость батыра Чыныке, Улуг-Коргон и др.), описанные в работе Б.Дуйшеева.

Монументальные постройки культового назначения Южного Кыргызстана XVII-XIX вв. в основном строились в Оше, ставшем в одно время центром вилайета (при какандском ханстве), а затем

Крепость Дараут-Курган

уездным городом после присоединения к России в 1876 г. Медресе, мечети, мавзолеи Оша XVIII -XIX вв. построены в традициях позднего средневековья Ферганы, но с локальными чертами местной архитектуры, отмеченными нами выше.

Однако необходимо сказать, что если в XV-XIX вв. в Мавераннахре, Южном Хорасане и других регионах Центральной Азии еще было создано немало выдающихся произведений монументальной архитектуры (постройки Бухары, Самарканда, Балха и др.), то в Фергане, и особенно на территории Южного Кыргызстана, где все это время не угасало пламя феодальной борьбы, почти исчезают предпосылки для монументального строительства.

Вершина творческих достижений архитектуры юга Кыргызстана эпохи Караханидов оказалась непревзойденной. В архитектуре позднефеодальной поры монументальное зодчество как бы застывает на ранее разработанных формах и композиционных приемах. Высочайшее искусство архитектурного декора – резная терракота исчезает из арсенала зодчих. Фактурные свойства жженого кирпича, достигшие совершенства в мавзолеях Узгена, в последующие эпохи принимают упрощенное плоскостное выражение, правда с несколько иными формами членений. Глубокие арочные айваны медресе и мечетей XVIII-XIX вв. создают пространственность экстерьеров зданий и организуют прилегающие пространства дворов или площадей. В этот период появляется новая тема разработки интерьеров – орнаментально-декоративная живописная роспись потолков (мечеть Юсупа Байходжи оглы).

Таковы основные предпосылки, способствовавшие сложению архитектуры юга Кыргызстана с поры развитого феодализма до начала XX в., рассмотрение которых дает нам возможность перейти к детальному разбору отдельных памятников.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЮГА КЫРГЫЗСТАНА

Мавзолеи Средний (XI в.), Северный (1152 г.), Южный (1187 г.) Узгенского архитектурного комплекса, мавзолей Шах-Фазиль в Сафид Булане составляют золотой фонд архитектуры Кыргызстана XI-XII вв. Всемирно известные памятники вызывают и будут вызывать неослабевающий интерес своей архитектурой, ставшей образцом мемориального зодчества Средней Азии средневекового периода.

Поэтому, прежде чем рассматривать архитектуру этих мавзолеев, представляется необходимым обозначить некоторые вопросы генезиса и типологические аспекты мемориального зодчества в Кыргызстане, имеющие глубокие корни, начиная с эпохи ранних кочевников (VIII в. до н.э. – I в. н.э.), и непрерывную традицию вплоть до позднего средневековья (XIX в.).

Истоки возникновения

В архитектурном наследии Кыргызстана особое место принадлежит мемориальным сооружениям. Они распространены повсюду в республике и представляют собой длительный период развития погребально-культовой архитектуры с древнейших времен по XX в.

Наиболее древними погребальными сооружениями на территории Кыргызстана являются могильники Таш-Тюбе П, Таш-Башат, Беш-Таш /37/ в Таласской долине, Джазы-Кечу в Кетмен-Тюбинской долине /38/, относящиеся к эпохе поздней бронзы (XII-VIII вв. до н.э.). Сходство обрядов этих захоронений проявляется в оградках, в которых они расположены. Оградки имели круглые, овальные и прямоугольные очертания. Особенностью погребений эпохи поздней бронзы было преобладание не одиночных оград, а нескольких, пристроенных друг к другу, что, по-видимому, было связано с обрядом захоронения. Погребальные сооружения Семиречья имеют много схожего с памятниками племен андроновской общности.

Эпоха ранних кочевников (VIII в. до н.э. – I в. н.э.) представлена в Кыргызстане как монументальными, царскими, так и скромными, рядовыми курганами. Курганы саков известны практически по всей территории республики. В планировочном отношении они расположены либо в цепочку, вытянутую в меридиональном направлении, либо свободно без какой-либо системы. В цепочку вытянуты, как правило, крупные курганы с насыпью диаметром от 20 до 120 м и высотой до 15 м. Конструкция курганов Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины идентичны и устроены в виде земляной насыпи над грунтовой могильной ямой, вытянутой по линии восток-запад. Поверхность земляной насыпи выложена сплошной, «панцирной» кладкой из крупных валунов. Крупные курганы имели в разрезе еще один слой каменной скорлупы, непосредственно над ямой. Сами ямы перекрывались поперек бревенчатым накатом, по которому укладывался слой камня.

Курганы Иссык-Кульской котловины отличались от вышеописанных насыпью, состоящей сплошь из булыжных камней. Под ней же, в овальных ямах, сооружены из крупных плит камня ящики, вытянутые по линии запад-восток. С северной стороны к ящику была сделана небольшая пристройка, которая также выполнена из каменных плит. Ящики были перекрыты крупными плоскими плитами из камня.

Курганные сооружения ранних кочевников, повсеместно распространенные на обширных территориях Евразийского континента с XII в. до н.э. до начала н.э., впоследствии окажут определенное влияние на развитие мемориальной архитектуры последующих эпох, о чем будет сказано ниже.

В сакских курганах, раскопанных у озера Иссык-Куль и на правом берегу р.Или, обнаружены развитые наземные погребальные сооружения из деревянного сруба и каменной кладки, покрытые огромной насыпью из земли /39/ (диаметром более 100 м).

В период господства усуньского племенного союза на территории Кыргызстана в I-V вв. н.э. появляются курганы с новым типом погребальных сооружений – катакомбами /40/. Внешне усуньские курганы несколько отличаются от сакских небольшими размерами (диаметр 6-20 м) и отклонением от центра вершины кургана. Конструкция погребения сложнее, чем в сакских курганах. Она состояла из двух основных частей – дромоса и катакомбы-камеры. Овальный план и купольное очертание потолка камеры сближало ее форму с юртой кочевников.

Одновременно с катакомбами-захоронениями был распространен и подбойный тип погребения. Он также состоял из двух частей – ямы и ниши-подбоя в нижней части вдоль длинной стороны ямы.

В эпоху древнетюркского государства (VI-X вв.) продолжают развиваться погребальные сооружения и обряды, бытовавшие еще в эпоху бронзы и ранних кочевников – в грунтовых ямах, катакомбах. В долине Чаткала погребение состоит из прямоугольной, овальной или круглой наземной камеры, сложенной из камней и засыпанной насыпью. В конструкции этих погребений прослеживается генетическая связь с курумами Северной Ферганы /41/, которая, в свою очередь, локализуется только этой территорией в Средней Азии.

Погребальные сооружения древнетюркского времени сохраняют традиции погребальных памятников предшествующей эпохи ранних кочевников. Этот факт говорит о том, что средневековые памятники были оставлены коренным населением.

Особый тип погребального сооружения в VI-VII вв. представляют каменные оградки с каменным изваянием впереди. По предположению ученых, они представляют собой ритуальное сооружение /42/ и являются местом поминального обряда в честь тюркского воина. В каменных оградах с балбалом с восточной стороны просматривается упрощенный вариант древнетюркского обряда, а также их генетическая связь. Так, по ритуалу, тюрки помещали умерших в юрту, где совершались обряды прощания. Через полгода после кремации пепел погребали в могиле. На могиле каганов и высшей знати сооружали храм (квадратный в плане), где ставилось изваяние умершего, а также располагался алтарь. В восточном направлении от скульптуры устанавливалась вереница вертикально поставленных камней (балбалы), символизирующих врагов, убитых покойным при жизни. Например, у храма в честь Куль-Тегина было найдено 169 балбалов /43/.

Каменные оградки (своего рода «храмы») имеют с восточной стороны каменные изваяния. В центре оградок отмечались ямки или каменные ящички с золой, пережженными костями, обломками керамики и др., и являющиеся как бы «алтарем». От изваяния на восток располагаются вереницей каменные столбики. Как видно, имеется полное сходство каменных оградок со структурой древнетюркских мемориальных комплексов в честь знатных людей.

Большое количество найденных на территории Кыргызстана балбалов свидетельствует об устойчивости древнетюркских погребальных обрядов. В течение 5-6 столетий (I-II – VII-VIII вв. н.э.) произошла трансформация развитых архитектурных форм мемориальных сооружений (храмов в честь Куль-Тегина) в архитектуру малых форм в виде каменных оградок с каменным изваянием с восточной стороны.

Мемориальные памятники скотоводческих племен Кыргызстана в средневековье (VI-XII вв.) можно выделить в две группы: памятники, оставленные потомками ранних кочевников, и памятники, принадлежащие древним тюркам.

К первой группе относятся могильники, состоящие из курганов с небольшой каменной или каменно-земляной насыпью, под которой погребения совершали в грунтовой яме, в подбоях или катакомбах. К этой группе следует отнести и наземные погребальные сооружения в виде каменных или сырцовых склепов (курумы) и засыпаемых земляной насыпью. Эти типы погребальных сооружений появились в предшествующий период, что указывает на сохранение сакских и усуньских традиций в средневековье.

Завоевательные походы тюркских племен привели к распространению в Кыргызстане характерных для них памятников. К ним относятся подкурганные погребения с конем, поминальные каменные оградки с балбалами, а также рунические письмена.

На погребальных сооружениях средневекового Кыргызстана можно проследить взаимовлияние и взаимопроникновение культур местного и пришлого населения. В центральном Тянь-Шане, в Таласской долине, в Кетмень-Тюбе встречены погребения с конем (инновация) в катакомбах и подбойных погребальных сооружениях, являющихся для этих мест традиционными.

Различные типы погребальных сооружений и обрядов свидетельствуют о разнообразии племен, участвовавших в формировании тюркских государств и их идеологических воззрениях, связанных с погребальным обрядом.

От оседло-земледельческого населения раннесредневековых городов Семиречья остались погребальные сооружения согдийцев – наусы. Они группировались отдельными скоплениями вдоль крепостных стен, окружавших «город мертвых» – некрополь. Наусы Красноречeнского городища, как правило, однокамерные или двухкамерные постройки из глины (пахсы) и сырцового кирпича, перекрытые сводами или куполами. В наусы вел длинный и узкий лаз, заложенный кирпичом. Площадь наусов составляла от 1,5 до 10 м². В них находились оссуарии, хумы с человеческими костями и захоронения, совершенные по обряду трупоположения. В наусе Ак-Бешинского некрополя были обнаружены преимущественно черепа.

О развитых традициях этого типа мемориального сооружения свидетельствует многокамерный наус (VIII-X вв.), раскопанный в 1971 г. на Красноречeнском городище. Он располагался вне стен некрополя, за пределами шахристана. Постройка, квадратная в плане, с размерами стен 12,3 м по внешнему контуру, размещалась на глиняном стилобате. Вход в наус обозначали выступающие пилоны, к которым подведен пандус. Наус разделен на две половины симметричным коридором, от которого по обе стороны располагались по три камеры. Невысокие проемы в камеры имеют арочные завершения полуциркульного профиля, выложенные клинчатой кладкой из сырцового кирпича. Камеры представляют собой прямоугольные в плане склепы.

Зороастрийский обряд захоронения в наусах на Красноречeнском городище по своей архитектуре имеет сходства в раннесредневековых мемориальных постройках Согда, Хорезма и Хорасана.

Таковы основные типы мемориальных сооружений Кыргызстана домусульманского периода, характеризуемые пестротой этнического состава и разнообразием религиозных воззрений их носителей.

Новый этап в развитии монументальной архитектуры и искусства Кыргызстана начинается с принятием новой государственной

религии – ислама в 999 году при правлении Мусы, сына родоначальника династии Караханидов Сатука абд ал-Керима. С X в. особую группу архитектурных сооружений Кыргызстана составляют мавзолеи. Они становятся местом погребения не только шейхов и светских лиц – правителей и крупных феодалов, прославляя средствами монументальной архитектуры память о могущественной личности. Усыпальницы становятся объектами созидательных поисков в области архитектурного творчества. Постепенно архитектура мавзолеев сформировала особую архитектурную типологию средневекового монументального зодчества.

Процесс появления намогильного сооружения в виде мавзолея над захоронением мусульманина, категорически противоречащего основным установкам ислама, имело свою предысторию. В 822 году умер халиф ал-Мунтасир, и его мать-гречанка, вдова халифа ал-Мутаваккиля, обратилась за разрешением на возведение мавзолея над могилой сына /44/. Разрешение было дано, в результате чего был возведен мавзолей Кубба ас-Сулаббийя, в котором вслед за ал-Мунтасиром похоронили двух следующих халифов – ал-Мутазза и ал-Мухтеди.

Первая усыпальница над могилой халифов – верховных духовных правителей огромной исламской империи, послужила своего рода примером для строительства мавзолеев во всех мусульманских странах.

Мавзолей Исмаила Самани, воздвигнутый между 873-907 гг. в Бухаре, является самым древним из сохранившихся до нашего времени в Средней Азии. Мавзолеи Караханидов также были первыми династийными усыпальницами, воздвигнутыми после принятия ислама в государстве. Именно в этот период истории тема прославления могущественной личности в лице всесильного правителя и его семьи властно встает в искусстве исламизированных стран.

Мавзолеи Южного Кыргызстана – Средний, Северный и Южный Узгенского архитектурного комплекса, Шах-Фазиль в селении Сафид Булан, как и мавзолеи Бураны (первой столицы Караханидского государства – Баласагына) составили особую типологическую группу монументального зодчества Кыргызстана XI-XII вв.

Типологическая характеристика мемориальных сооружений

Исследования типологии мемориальных сооружений Средней Азии ведутся давно в области купольных структур /45/. Функционально-пространственные задачи, решаемые при выполнении социального заказа на мемориальную архитектуру, в основном и определяют их типологическую характеристику. Эти задачи мемориальных сооружений сводятся к следующему: создать укрытие над захоронением; увековечить и возвеличить имя усопшего в монументальных формах и другими архитектурно-художественными средствами в соответствии с эстетическими концепциями общества.

В мемориальном зодчестве Средней Азии немало примеров разрешения функции создания укрытия над захоронением и увековечения имени погребенного в пределах разных пространственных структур. Причины, влияющие на формообразование, могут быть самыми разными. Среди этих факторов есть относительно устойчивые, как, например, традиции локальных архитектурных школ, или природно-климатические условия, и переменные – эстетические концепции общества на данном этапе. Есть и субъективные причины – взгляды автора и воля заказчика.

Нам представляется правильным классификация мемориальных сооружений Средней Азии по назначению и способу организации среды на три крупные категории, предложенные Л.Ю.Маньковской /46/: I – однокамерные, II – многокамерные и III – пространственные. Из них I и II представляют замкнутые, Ш – открытую структуру.

Мемориальные сооружения – мавзолеи Кыргызстана X-XII вв. – относятся к категории однокамерных, но со своими типологическими линиями. Типологическая классификация рассматриваемых мавзолеев следующая:

1. Центрические
   а) квадратные – Шах-Фазиль
   б) граненый-восьмигранный мавзолей Бураны

2. Портально-купольные
   а) с квадратной камерой – Северный и Южный мавзолеи Узгена
   б) с круглой камерой – мавзолеи № 2 и № 3 Бураны
3. Двухпортальный – Средний Узгенский.

Центрическая композиция Шах-Фазиля отличается от аналогичных мавзолеев этой типологической линии (Кыз-Биби IX-X вв., Имам-Баба X-XI вв., Баба-Гамбер X-XI вв.) замкнутостью композиции и асимметричной системой проемов. От других центрических мавзолеев Северного Хорасана Шах-Фазиль отличается простотой внешнего облика четверика. Архитектоника фасадов Ярты-Гумбеза (XI в.), Худай-Назар Овлия (XII в.) разработана арочными проемами, орнаментальной кладкой, членением плоскостей фасадов в отличие от простых плоскостей фасадов Шах-Фазиля.

Аналогии восьмигранного мавзолея Бураны встречаются далеко за пределами Кыргызстана.

Опубликованный фактический материал по средневековому зодчеству стран Среднего и Ближнего Востока дал возможность установить разные вариации так называемых «башенных мавзолеев», имеющих в плане восьмигранник, круг, десятигранник и сосуществовавших на этой огромной территории.

В качестве близких башенным мавзолеям Хорасана рассматривается группа усыпальниц XI-XII вв. на кладбище Машад в Дахистане в Туркмении /47/.

Круглые или восьмигранные в плане мавзолеи перекрыты куполами на очень низких барабанах меньшего диаметра, чем основной объем; вход оформлен в виде купольного вестибюля. Стены восьмигранников оформлены на всю высоту неглубокими стрельчатыми нишами.

Схожие восьмигранные планы имеют мавзолеи Шейха Дурсуна (XV в.) и Юсуфа ибн Кусейира (XII в.) в Нахичевани, а также в с.Димирчилер и в с.Бабы в Азербайджане. Все они отличаются от Буранинского восьмигранника двухчастным делением по вертикали внутреннего пространства: на склеп и высокую надземную камеру, что является, в частности, одной из отличительных особенностей башенных мавзолеев.

Эта же тема многогранного в плане мавзолея встречается в Ирафане – Гунбади Али (XI в.), Гияс ад-Дина XI-XII вв.), Имам-заде Джафара (XIV в.) и Иешиль-Тюрбе (XV в.) в Бурсе (Турция).

Портально-купольный тип мавзолеев наиболее распространен в Средней Азии. Особенно близки по композиции Узгенским Северному и Южному мавзолеям Мирсаид Бахром в Кермине (X в.), Араб-Ата в Тиме, мавзолеи и селения Саят (XII в.) и др. Проблемы формообразования портальной композиции наиболее дискуссионны в архитектуроведении Средней Азии. Более подробно этот вопрос мы рассмотрим на мавзолеях Узгенского архитектурного комплекса, представленного двухпортальным Средним мавзолеем (XI в.) и классическими портально-купольными Северным и Южным мавзолеями (XII в.).

Портально-купольные мавзолеи № 2 и № 3 Бураны представляют собой редкую типологическую линию с камерой круглого очертания. Отдаленное сходство можно отметить в мавзолеях № 5 и № 6 в Дахистане Южного Туркменистана. Подковообразные по очертанию мавзолеи № 1 и № 2 Бураны не имеют близких аналогов в регионе Средней Азии, хотя общий их вид (графическая реконструкция) восходит к раннесредневековым мемориальным постройкам кочевого населения Средней Азии.

Многие из этих композиционных схем (однокамерные) прослеживаются на протяжении всего развитого средневековья (X-XI вв.) и до XIX в. в архитектуре Средней Азии. Эволюцию претерпевает архитектоника портала – путем детальной разработки членения, а также все возрастающим богатством декоративных средств и усложнением архитектурного орнамента.

Меняются разновидности планов мавзолеев: от центрических квадратных, граненых, круглых до квадрата в восьмиграннике и восьмигранника в квадрате. Усложнение однокамерного мавзолея привело к появлению в различных районах Средней Азии многокамерных и пространственно-организованных мавзолеев.

Подводя итоги, можно сказать, что на территории большого региона стран Ближнего и Среднего Востока, на основе их тесных торговых и культурных контактов и взаимосвязей, одновременно бытовали различные типологические схемы мавзолеев, которые на

местах воплощались в специфические традиционные локальные архитектурные формы. Одними из ярких представителей самобытной архитектуры Средней Азии, сыгравшими значительную роль в становлении ее монументального зодчества, являются мавзолеи Узгена и Шах-Фазиль.

Мавзолеи Узгенского архитектурного комплекса

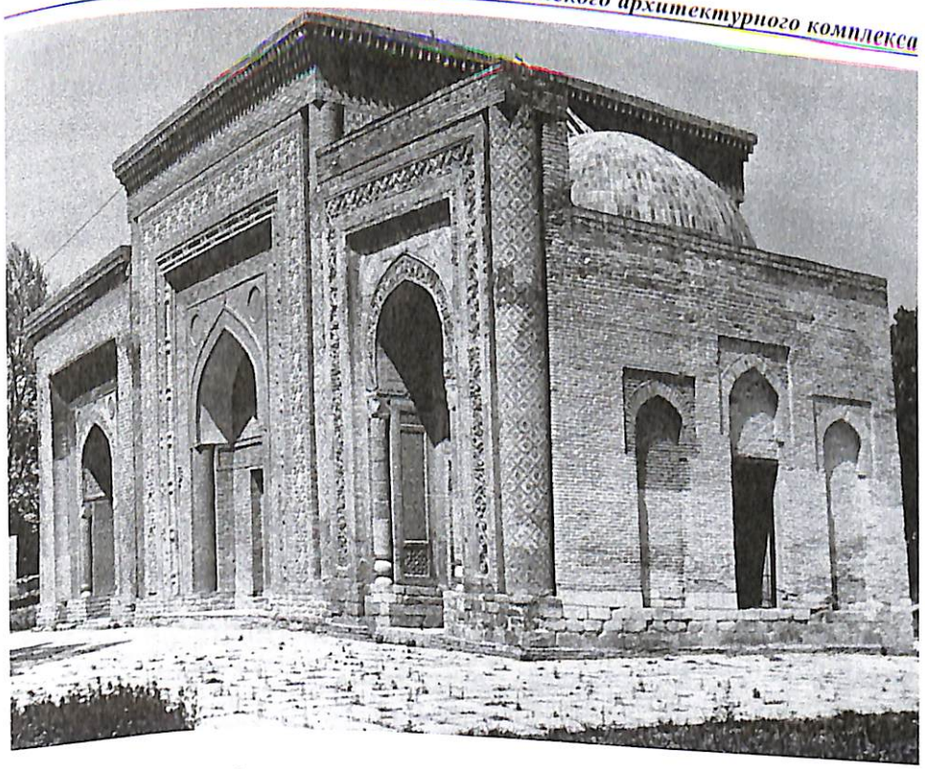
В научной литературе Узгенский архитектурный комплекс, состоящий из трех мавзолеев – Среднего, Северного, Южного – и минарета, известен очень широко. Древность этих сооружений, проблемы формообразования, строгость и четкость композиционных построений, оригинальность архитектурного декора памятников давно уже привлекли внимание исследователей.

Многочисленная литература, посвященная памятникам, охватывает период начиная с 1871 г., когда исследователь Алая А.П.Федченко посетил Ферганскую долину и Узген. В 1886 г. Н.А.Северцев опубликовал рисунок Узгенского минарета с определением его назначения /48/. Правильное определение функции этого сооружения как минарета имело большое значение для XIX в., когда минарет выдавался в качестве столпа, оставленного славянами на пути из Индии сторонником арийской теории происхождения славян – В.М.Флоринским /49/, принимавшим его за индийскую ступу.

Первым научным исследованием памятников Узгена являются работы, произведенные на памятниках в 1896 г. Н.Щербиной-Краменко. Отчет этого автора положил начало научному исследованию памятников Узгена /50/.

В 1927 г. М.Е.Массон проводит археологические исследования вокруг мавзолеев Узгена, и в это же время была прочитана надпись на портале Северного мавзолея и установлена дата его строительства – 1152 год /51/. По мнению Кон-Виннера, в Среднем мавзолее погребен один из первых караханидов – Наср ибн Али, и мавзолей датирован им 1012-13 гг. /52/.

Принятое в науке обозначение Северный, Средний и Южный мавзолеи сложилось в 1928-29 гг., когда так обозначивший их Б.А.Засыпкин проводил исследовательские и реставрационные работы на памятниках.

Узген. Средний, Северный и Южный мавзолеи. XI-XII вв.

Затем, включительно до 70-х годов, памятники Узгена неоднократно изучались, выполнялись ремонтно-реставрационные работы, была разработана обширная библиография /53/ истории изучения мавзолеев и минарета Узгена.

Особенно ценными исследованиями за этот период являются работы Б.А.Засыпкина /54/, К.С.Крюкова /55/, А.Н. Бернштама /56/, в которых высказаны определенные взгляды на проблемы генезиса портала, назначения Среднего мавзолея, реконструкцию Среднего мавзолея, тенденцию развития архитектуры эпохи караханидов. Большой вклад в изучение памятников Узгена в целях реставрации внесли Б.В.Помаскин, Д.Ф.Винник и др.

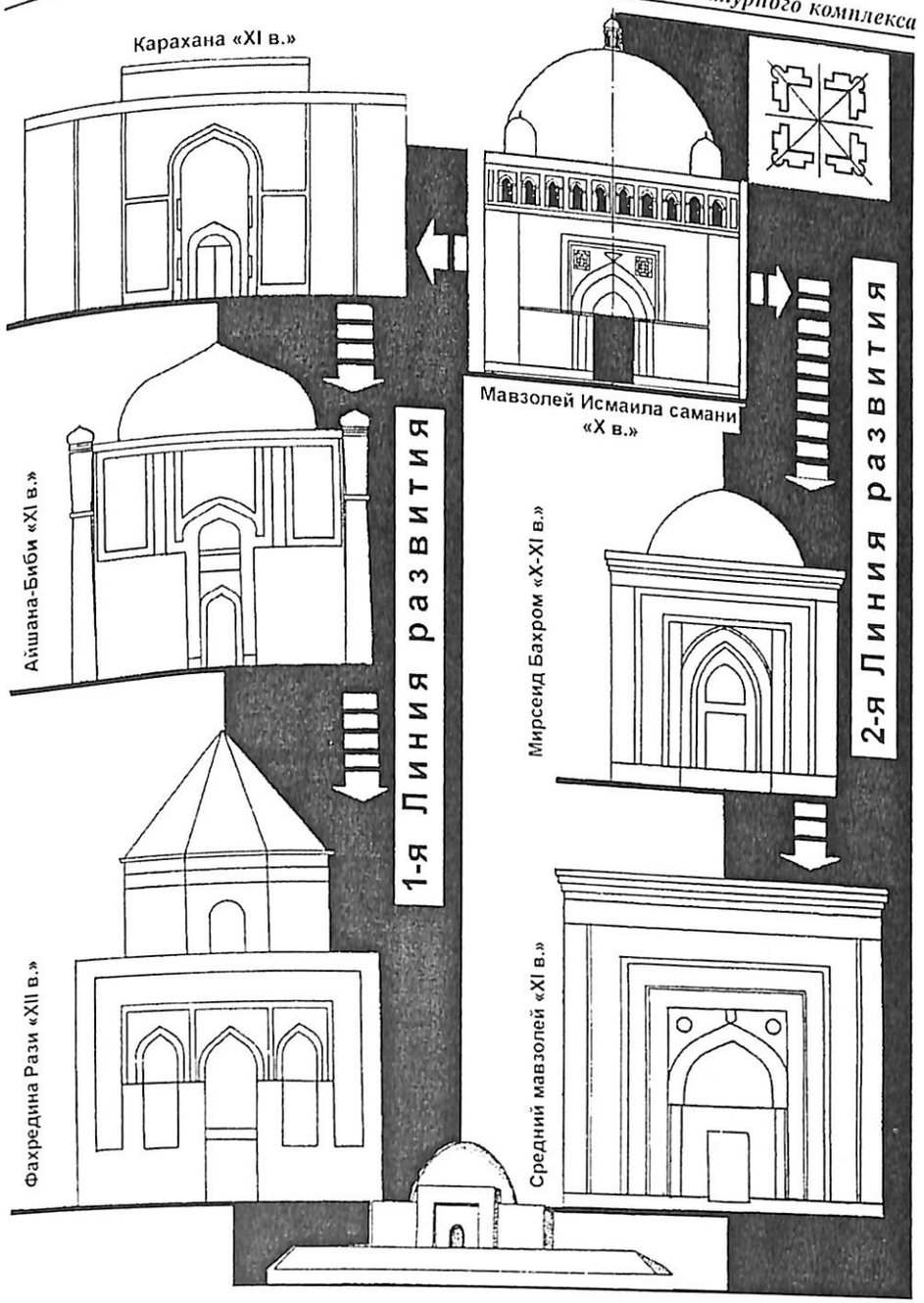
Наличие обширной литературы, посвященной этим памятникам, позволяет нам коротко остановиться только на их общей композиционной характеристике и на тех отдельных моментах, осве-

щение которых мы считаем наиболее важным в свете последних исследований памятников и их реставрации с участием автора.

Одной из наиболее важных проблем, связанных с изучением Узгенских мавзолеев, является проблема происхождения портала в среднеазиатской архитектуре. Впервые вопросами происхождения и эволюции портала заинтересовался Б.Н.Засыпкин /57/. В основе его гипотезы лежит представление о происхождении портальных мавзолеев от центрических во второй половине X века /58/.

Как известно, центрические, или центрально-купольные мавзолеи – это сооружения типа мавзолея Исмаила Самани, имеющие четыре одинаковых фасада, оси симметрии которых проходят через центр купола. Согласно версии В.Н.Засыпкина, со II половины X в. один из фасадов центрического мавзолея начинает выделяться. Первоначально – это простое выделение стены от других более сложным декором, затем развитие портала завершается появлением значительного массива портала с соответствующими формами членения. Б.Н.Засыпкин предполагал их развитие по двум направлениям. Первое – от мавзолея Исмаила Самани через мавзолей Карахана. Эти порталы, как и фасад мавзолея Самани, расчленены по вертикали горизонтальным импостным пояском. Фасад мавзолея Айша-Биби в Джамбуле, являющегося центрально-купольным, относится к первому типу, имея все черты памятников XII в., т.е. облицовка резной терракоты, выкружка, а 3/4 колонки его входной ниши типичны для памятников П половины XIV в. От Айша-Биби линия развития первого типа идет к мавзолею Фахретдина Рази в Куня Ургенче. Второй тип порталов, по Б.Н.Засыпкину, характерен тем, что здесь П-образные рамы и выкружка идет от самого низа портала, опираясь на его цоколь. Этот тип также происходит от фасада мавзолея Исмаила Самани, а развитие его происходит через портал мавзолея Мир-Сейид Бахром, затем Средний Узгенский мавзолей к классическим порталам /59/.

Образование портала в этот исторический промежуток времени связывалось Б.Н.Засыпкиным с декоративными устремлениями тюркского элемента в архитектуре ислама /60/, а резную терракоту он производил от резьбы по дереву /61/.

Анализ развития порталов мавзолеев Средней Азии

Л.Н. Воронин генезис портала выводил от форм ворот крепостной архитектуры Средней Азии /62/.

А.Н. Бернштам считал, что основные элементы архитектурных памятников X-XII вв. периода караханидов – и портал, и купол, и резная терракота – своими корнями уходят в культуру кочевников. Генезис портала он выводил из формы резной двери юрты.

К.С. Крюков, основываясь на открытии мавзолея Араб-ата в Тиме, на портале которого М.Е. Массон прочел дату 977-978 гг., полностью отвергает концепцию Б.Н.Засыпкина /63/. Однако, как нам кажется, категоричность К.С. Крюкова не совсем оправдана. Даже если Араб-ата и относится к последней четверти X в., в чем сомневаются А.М. Прибыткова и И.Ф. Бородина /64/, существование его не опровергает концепцию Б.Н. Засыпкина о происхождении портальных мавзолеев от центрических, так как промежуток времени между постройкой мавзолея Исмаила Самани и Араб-ата достаточно велик.

Проблема формообразования портала обстоит гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Самым главным, как нам кажется, является то обстоятельство, что генезис портала в своей основе не имеет какой-либо одной определенной линии возникновения и эволюции.

Центрально-купольные и портальные сооружения сосуществовали, по-видимому, задолго до ислама. Об этом свидетельствуют мервские оссуарии, явно подражающие архитектурным сооружениям и относящиеся к V-VI вв., которые Г.А. Пугаченкова возводит к двум типам реально существовавших портальных и центрических сооружений /65/.

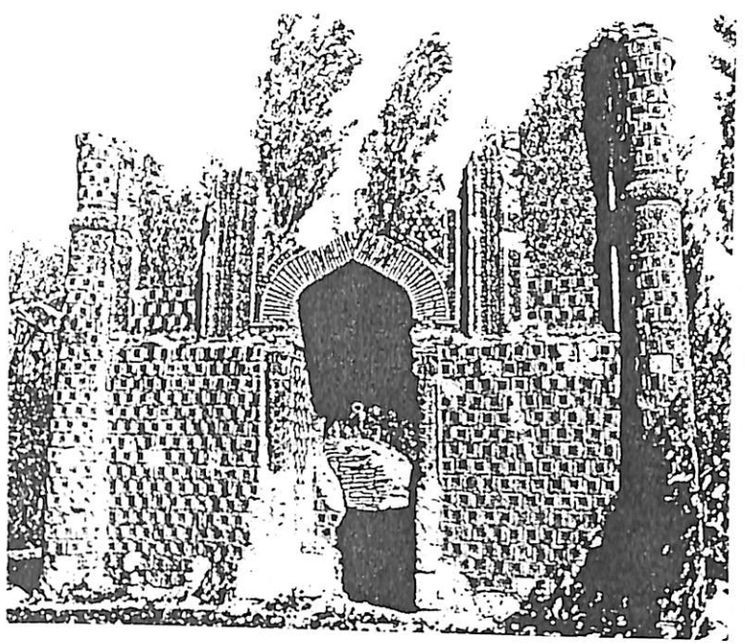
Форма объемного входа с аркой в центре, возникнув в доарабское время в Средней Азии, становится универсальной и в процессе своей эволюции применяется в типологически разных сооружениях. Поэтому мы видим прообразы порталов и в древних погребальных сооружениях – наусах, которым подражают мервские оссуарии, и в феодальных замках-кешках, и в крепостных сооружениях в виде укрепленных ворот. Позже эта форма вписывается в архитектуру мечетей, караван-сараев, мавзолеев, дворцов.

Универсальность – основное достоинство портала – достигается в процессе длительного совершенствования архитектурной разработки основных его элементов, ставших к XVII в. уже классическими.

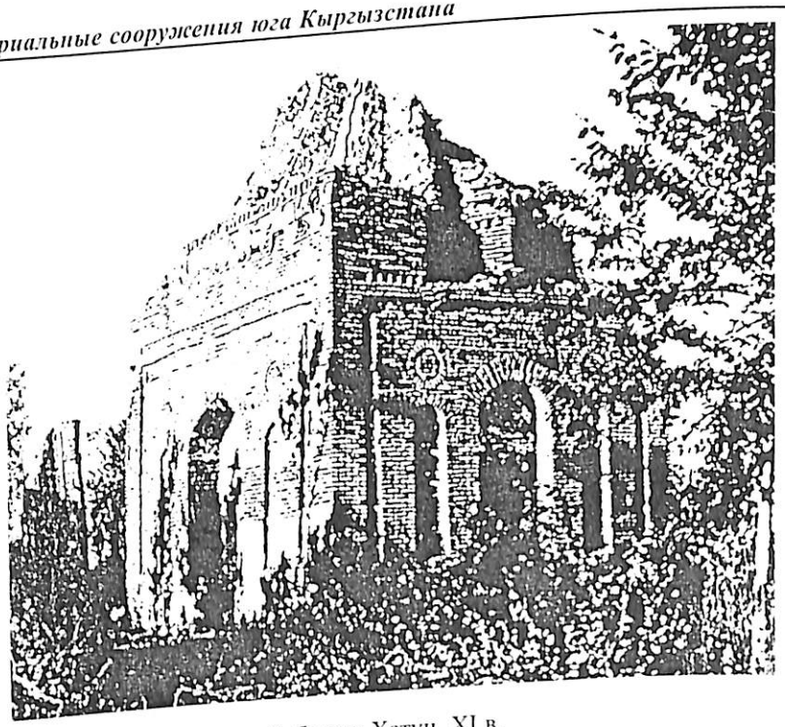
Идея влияния михраба на формирование портала, высказанная В.А.Нильсеном /66/, правомерна в части возможности использования эпиграфических надписей в виде прямоугольника или арочных полос, огибающих тимпан, характерных именно для михрабов.

Наконец, бесспорно и влияние исламского искусства на содержание декора как портальных, так и центрических памятников.

Что касается декора и членений портала, то необходимо отметить правоту Б.Н.Засыпкина, что начиная от мавзолея Исмаила Самани развитие композиции как фасадов центрических мавзолеев (Айша-биби), так и портальных представляет единую неразрывную линию, развивающуюся в двух направлениях – с П-образными рамами, опирающимися на цоколь, и с членением по вертикали импостным пояском.

Айша-Биби. XII в.

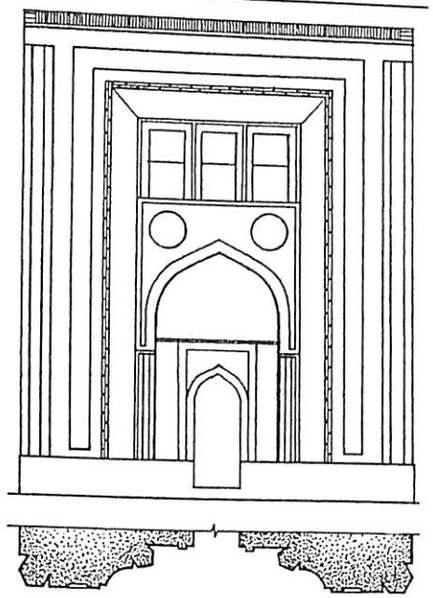
Бабаджи-Хатун. XI в.

Пример длительного сосуществования портальных мавзолеев с центрическими можно видеть на Айша-биби, имевшем развитую выкружку, характерную для портальных мавзолеев, в то же время памятник XII в. Бабаджи-Хатун, сооруженный рядом, имеет одинаковую архитектонику бокового фасада, как и у портала. Здесь подчиненность бокового фасада подчеркнута более низкой ее высотой по сравнению с порталом. Композиция фасадов этого памятника подходит концепции Б.Н.Засыпкина об эволюции портальных мавзолеев из центрических, если не считать, что задолго до Бабаджи-Хатун был построен Араб-ата (977-978 гг.), имевший уже развитый портал.

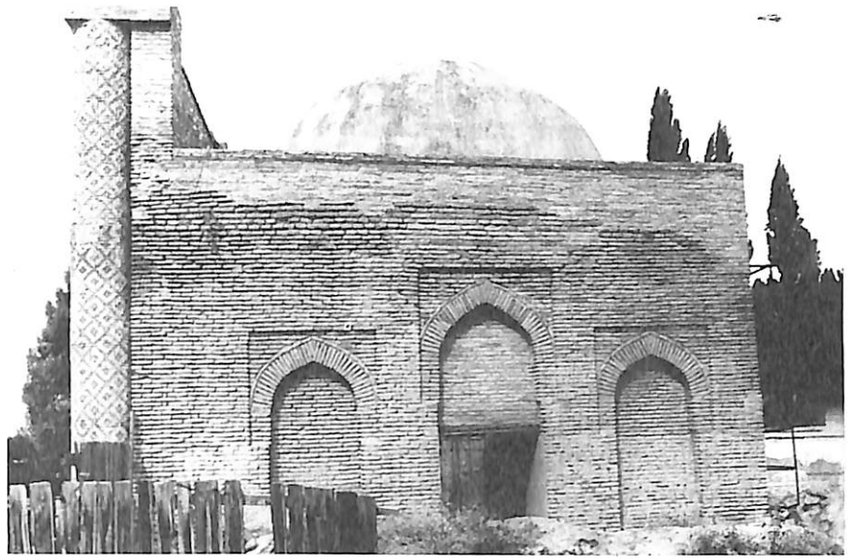
Примером композиционного влияния центрических мавзолеев на портальные являются Средний и Северный мавзолеи Узгена. Этот факт не нашел отражения в исследованиях, хотя К.С.Крюков отмечает некоторые схожести декоративного решения П-образных полос портала Северного мавзолея с порталом Среднего /67/.

При реставрации Узгенских мавзолеев в 1927-28 гг. Б.Н.Засыпкиным нашло отражение в реставрационных работах его представление об образовании портала. По каким-то причинам не было обращено внимание на наличие задней колонны Северного мавзолея и не было попытки объяснить, почему у Южного мавзолея боковой фасад решен в виде трех арочных ниш – и тем самым повторяет акцент, намеченный вторым порталом Среднего мавзолея.

Средний мавзолей, по предположению Б.Н.Засыпкина, был переходным от центрического

Мавзолей Араб-Ата. Хв.

Южный фасад Южного мавзолея

памятника к портальному. Северный виделся как классика портального строительства. Наличие же задней колонны как несущей говорило о том, что антаблемент с ячеистым карнизом должен был идти по всему периметру памятника. Такой вид приближал памятник по восприятию к центрическим, а это противоречило представлениям Б.Н.Засыпкина об эволюции и о портале Северного мавзолея как классическом.

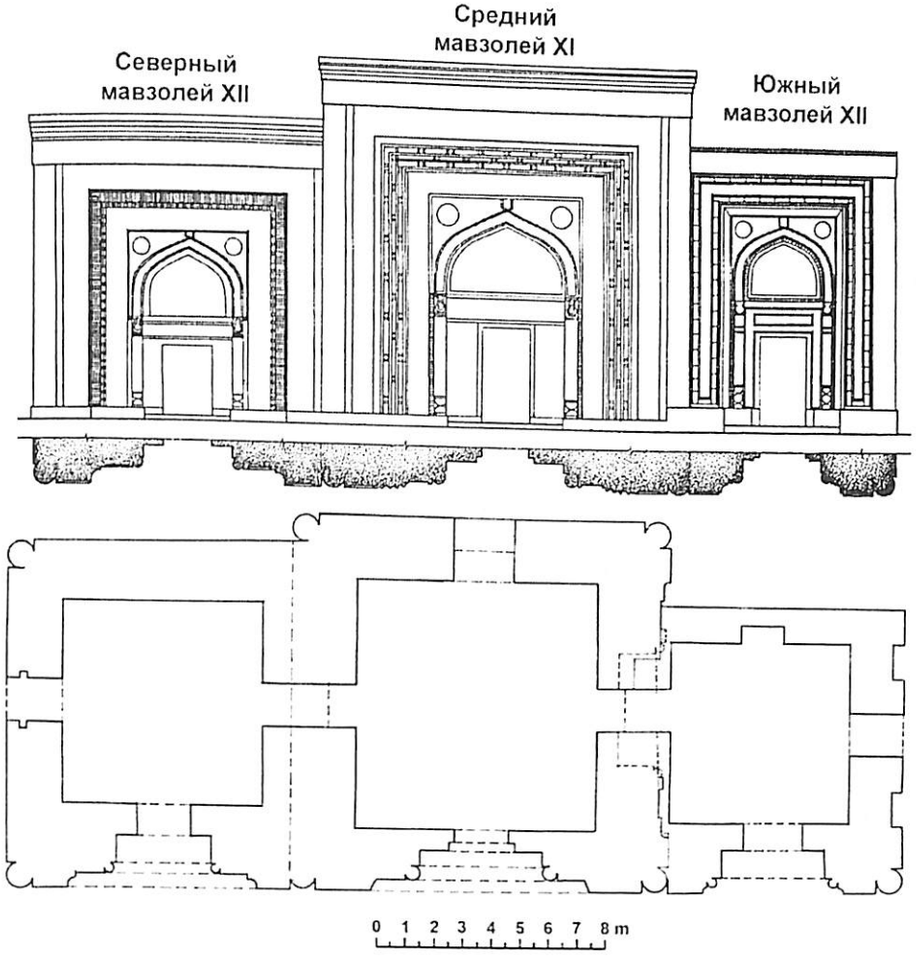
Средний мавзолей

Большинство исследователей датируют Средний мавзолей началом XI в. Время же, когда памятник потерял купол и стал интенсивно разрушаться, неизвестно, единого мнения по этому поводу нет.

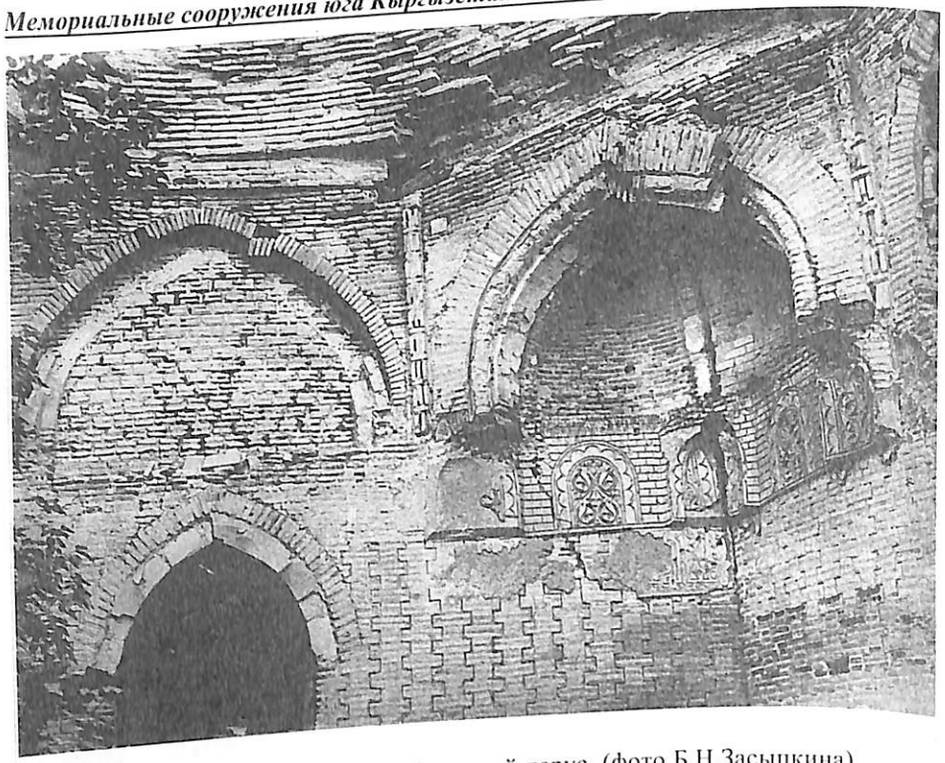
Мы глубоко убеждены, что памятник разрушился первый раз в промежутке между 1152 и 1187 гг. Эта версия вытекает из следующих соображений. Северный мавзолей был пристроен к Среднему в 1152 г., а Южный – в 1187 г. Причем, когда пристраивался Северный мавзолей, Средний был еще не разрушен. При постройке Северного мавзолея был проделан проход в Средний мавзолей. Навряд ли стали бы его делать, если бы Средний мавзолей к этому времени был разрушен.

Северный мавзолей имеет только одну заднюю угловую колонну, северную, причем рисунок облицовки ее идентичен рисунку северной колонны Среднего мавзолея. Из этого следует, что когда ее строили в подражание Среднему, то фасад последнего был еще цел. То же самое можно сказать и об угловой колонне портала Северного мавзолея, построенной аналогично портальной колонне Среднего мавзолея. Из сказанного видно, что Северный мавзолей строили в ансамбль со Средним, что навряд ли произошло, если бы Средний мавзолей к этому времени был разрушен.

Размещение правой угловой колонны портала Среднего мавзолея на цоколе Южного мавзолея, построенного в 1187 г., через 35 лет после Северного мавзолея, свидетельствует о том, что к этому времени Средний мавзолей был в разрушенном состоянии. Разрушение за столь короткий срок могло произойти только лишь в результате землетрясения. По всей вероятности, вследствие направленного толчка при землетрясении были разрушены Южная угловая колонна портала Среднего мавзолея, его купол и верхние части четверика стен. Отсюда, при строительстве Южного мавзолея была восстановлена разрушенная колонна Среднего, причем под нее был возведен уже общий с Южным каменный цоколь. Несомненно, вместе с колонной был заново достроен верх стен и купол Среднего мавзолея, иначе его руины не сохранились бы с XII в. до нашего времени.

Средний мавзолей XI в., Северный XII в., Южный XII в. Фасады. План.

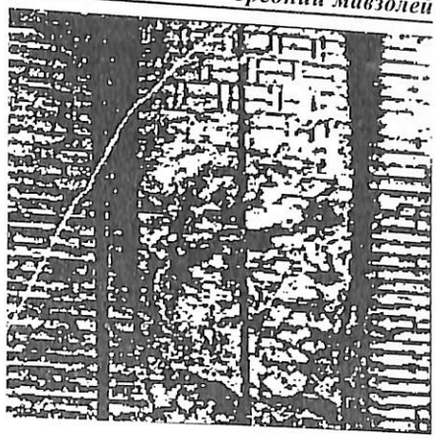

Интерьер Среднего мавзолея, Северный парус. (фото Б.Н.Засыпкина)

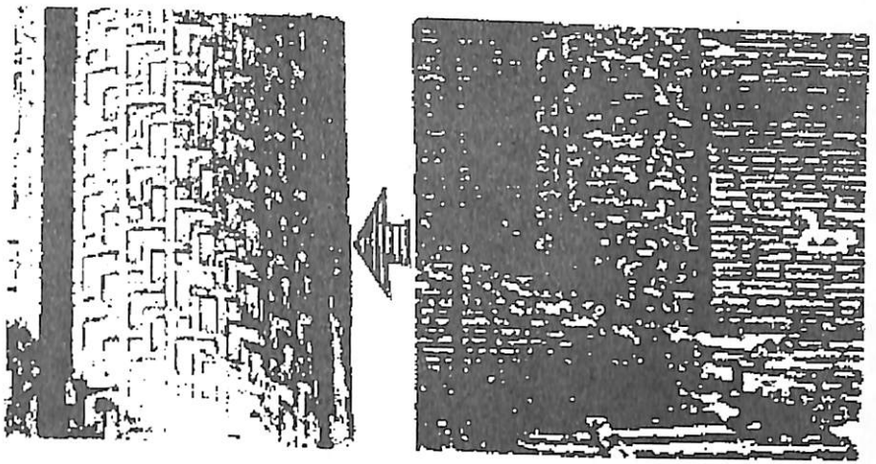
Обращает на себя внимание тот факт, что все четыре угловые колонны Среднего мавзолея обработаны по-разному. Северная колонна представляла наиболее простой вариант облицовки из спаренных кирпичиков, разделенных вертикально поставленным кирпичом. Восточная колонна орнаментирована рельефной кладкой с ганчевыми вставками по заглубленному фону. Мотив этот довольно прост и в основе своей сходен с одним из орнаментов минарета Бурана (2 орнаментальный пояс) и с узким пояском орнамента Узгенского минарета, но выполненным по сравнению с последним гораздо проще.

Южная колонна мавзолея выполнена кладкой в виде ромбов, образованных из квадратных кирпичиков-шашек по диагональной сетке. В центре ромбиков вставки из пяти таких же квадратных кирпичиков, поставленных на ребро гранями.

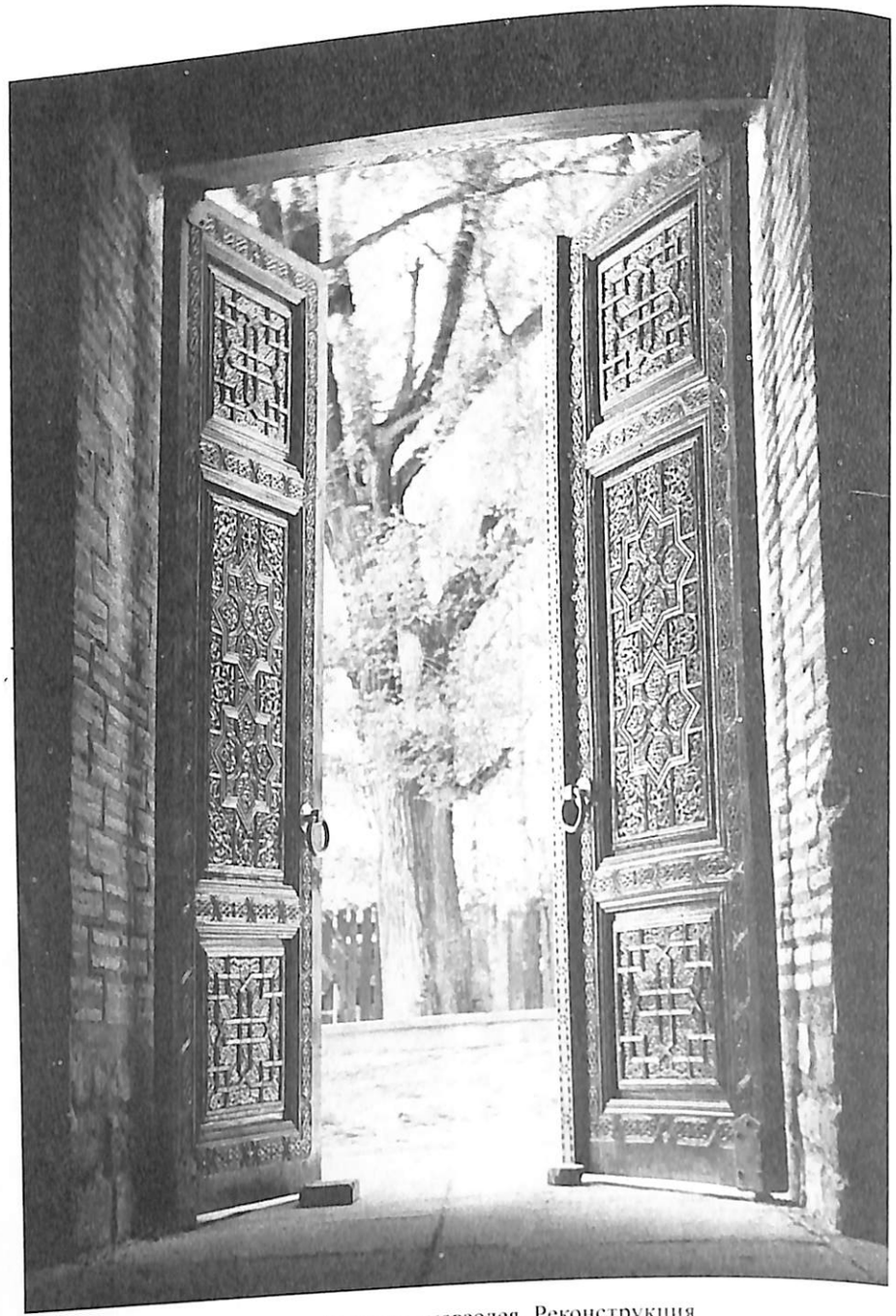
Западная колонна перекликается южной колонной портала схожим ромбическим рисунком, но они здесь выполнены из прямоугольных кирпичиков, поставленных вертикально. Диаметр всех угловых колонн равен 89 см, однако южная колонна, зажатая кладкой примыкающего Южного мавзолея, видна с лица только на 84 см. Облицовка колонн, кроме южной, не менялась при строительстве Северного и Южного мавзолеев. Так, в выломе на западной колонне видна тыльная сторона той ее четверти, которая теперь закрыта Северным мавзолеем. Судя по этой части колонны, орнамент ее такой же, как и на лицевой стороне. Очевидно, что при строительстве Северного мавзолея его западную колонну облицевали как западную Среднего, а северную аналогично северной колонне Среднего. Эти параллели еще раз подтверждают влияние Среднего мавзолея на общий строй архитектуры Северного мавзолея.

Остатки северной угловой колонны

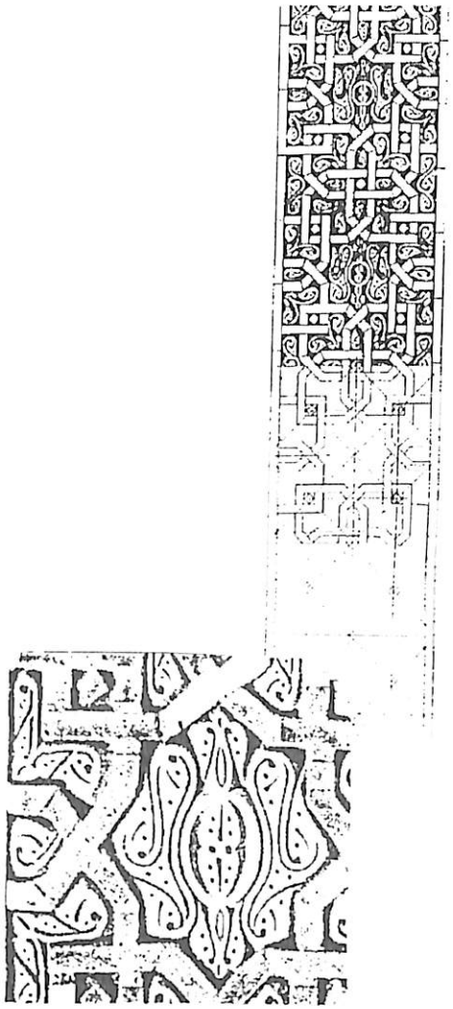

Остатки восточной угловой колонны

Резная дверь Среднего мавзолея. Реконструкция

Заострим внимание на проемах Среднего мавзолея, так как в разных публикациях они трактованы по-разному. Б.Н.Засыпкин полагал, что мавзолей имел проемы на восточном и северном фасадах. Исследования К.С. Крюкова показали, что в древности проема на северном фасаде не было, но устроена только ниша. Наши исследования подтвердили точку зрения К.С. Крюкова, так как в результате расчисток были выявлены остатки кладки от ниши, сохранившиеся после устройства дверного проема из Северного в Средний мавзолей. На восточном фасаде нами также было установлено наличие проема, забранного решеткой-панджарой, паз которой сохранился. Точно так же проем со стороны южного портала не был входом – и здесь найден паз от панджары.

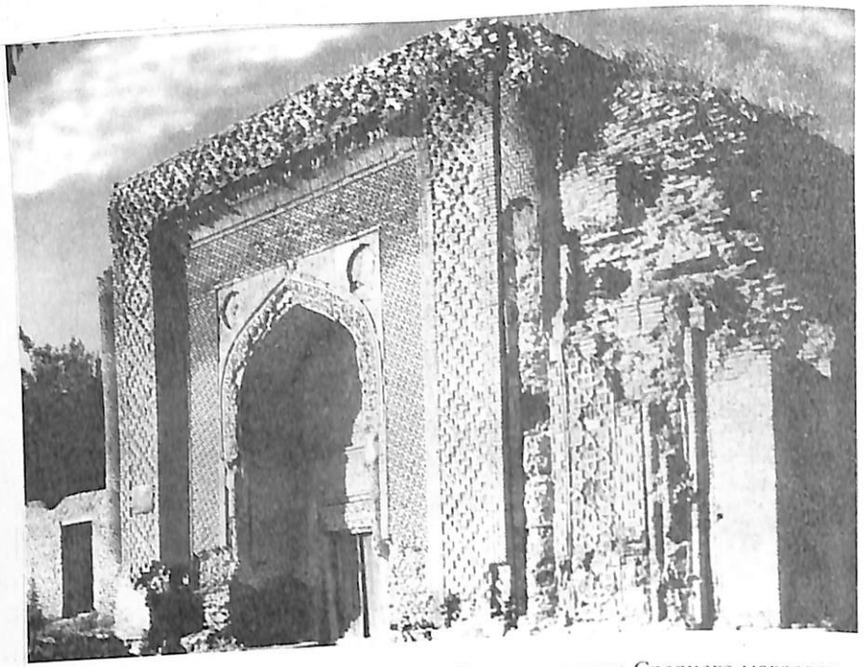
Архитектурный орнамент широкого пояса портала Среднего мавзолея

Таким образом, Средний мавзолей в плане в древности представлял собой сооружение с одним входом на западном портале, двумя проемами с восточного фасада и южного портала, забранными панджарой и одной нишей в северной стене интерьера. По углам его располагались 3/4 колонны, два фасада были выполнены в виде портала. Предыдущие публикации по тем или иным данным не соответствуют этой композиции, установленной нами в

ходе последних исследований на Узгенских мавзолеях. Такая композиция не характерна для памятников Средней Азии.

Второй портал (южный), по сути дела, порталом не являлся, так как проем был зарешечен панджарой. По нашему мнению, оформление южного фасада Среднего мавзолея в виде портала связано с чисто градостроительными соображениями – мавзолей стоял на краю крутого холма поймы Кара-Дарьи и был хорошо виден из нижнего Узгена. Южный фасад Южного мавзолея, пристроенного к Среднему в 1187 г., также разработан декоративно с тремя стрельчатого очертания проемами в прямоугольных нишах, т.е. повторяет идею южного фасада Среднего мавзолея.

Не мог Средний мавзолей выполнять функции дарвазаханы и тем более зиаратханы, что утверждается в ряде публикаций /68/ вслед за Б.Н.Засыпкиным, так как в этом случае он должен был иметь два сквозных проема. Кроме того, за Средним мавзолеем в XI в. не было захоронений.

Узген. Фасад Северного мавзолея и левый пилон портала Среднего мавзолея

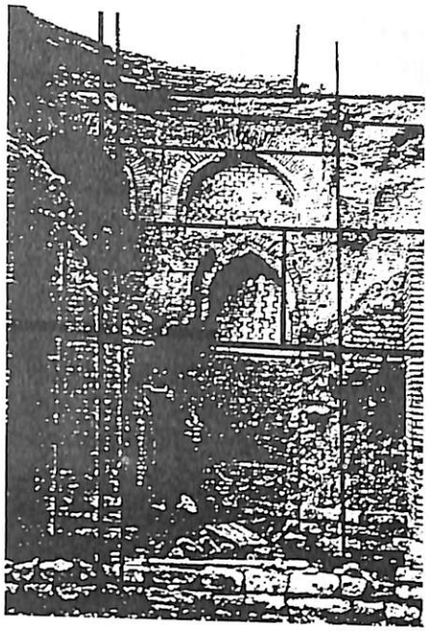
Сопоставляя данные К.С.Крюкова с данными последних исследований, следует отметить спорные моменты, имеющиеся в проекте графической реконструкции Среднего мавзолея, выполненном им.

Примыкающий к колонне поясок, по реконструкции К.С.Крюкова, огибает портал в виде буквы «П». Такое решение не может считаться правильным. Как отмечалось выше, Северный мавзолей пристраивался в ансамбль к Среднему и архитектоника их фасадов была во многом схожа. Поэтому мы вправе сравнивать композиционное размещение поясов портала Северного со Средним и наоборот. Если взять за аналогию поясок портала Северного мавзолея, то мы увидим, что он доходит лишь до уровня завершения колонн и упирается в архитрав. Орнаментальный пояс здесь без всяких промежуточных рамок непосредственно граничит с архитравом. Очевидно, что такое же решение было и у Среднего мавзолея.

Дело здесь не в догадках – у Северного мавзолея членения портальной рамы сверху вниз располагаются так: карниз, архитрав, орнаментальная рама, полочка выкружки, выкружка.

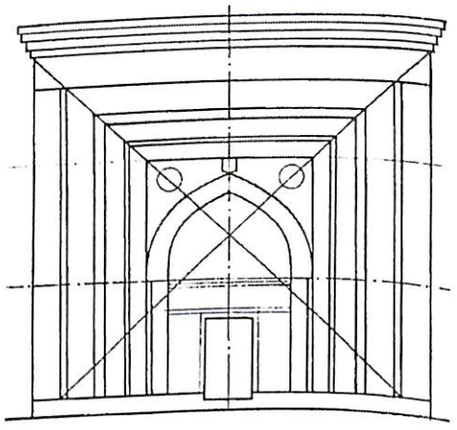
В Среднем мавзолее мы видим все то же самое, только роль полочки выкружки играет поясок из спаренных кирпичей со вставкой из торцового кирпича, а сама выкружка заменена жгутом (4 полосы), которая, как и выкружка, обеспечивает заглубление для размещения арочной ниши с тимпаном и второй (малой) П-образной рамы.

В конце концов, самой серьезной причиной, по которой трудно представить, чтобы данный поясок загибался П-образно, является тот факт, что при развороте горизонтально утрачивается орнаментальный смысл пояска, чи-

Руины Среднего мавзолея. Входная ниша

таемого при его движении по вертикали. Это несоответствие видно и на чертеже упомянутой реконструкции, где горизонтальный шаг пояска не совпадал с вертикальным на правом пилоне.

Реконструкция Среднего мавзолея

На невозможность существования горизонтальной части этого пояска указывает то, что этот поясок не огибает орнаментальную раму снизу и с внутренней стороны, как на портале Южного мавзолея, где аналогичный поясок огибает орнаментально-эпиграфический пояс по всему периметру.

На чертеже реконструкции Среднего мавзолея у К.С.Крюкова не совсем верно показан жгут, играющий роль выкружки – в натуре четыре полосы жгута соединены между собой тремя полосами попарно, расположенных вставкой, у К.С.Крюкова почему-то только две полосы вставок /69/.

На одной из фотографий сохранившегося левого пилона Среднего мавзолея виден узенький поясок, разграничивающий жгут и пояс с надписью, который не нашел отражения в реконструкции К.С.Крюкова.

На чертеже К.С.Крюкова щипцовая стена показана вплотную примыкающей к щековым стенам и обрамлению входной двери без отграничивающего пояска, что маловероятно, если учитывать их наличие в этих местах в Северном и в Южном мавзолеях.

То же самое можно сказать о розетках на тимпане Среднего мавзолея. Без них тимпаны кажутся пустыми на фоне тимпанов с розетками Северного и Южного мавзолеев.

И последнее. В Северном и Южном мавзолеях дверные проемы порталов венчают горизонтальные прямоугольной формы пояса с эпиграфическими надписями. Вряд ли это было новаторством Северного мавзолея и повторением в Южном. Скорее всего эта идея впервые была заложена также в Среднем мавзолее.

Пропорции главного фасада Среднего мавзолея определяются довольно легко, так как сохранилась высота арки входной ниши южного портала. Отсюда берем высоту входной ниши юго-западного портала такой же (8,3 м), как закономерность, оставшуюся в наследство от памятников центрических. По остаткам кирпичей арки входной ниши, а вернее – обрамления щипца представляется возможным легко установить форму арки юго-западного портала. Так как орнаментальные рамы должны огибать арочную входную нишу в виде буквы «П», то ясно, что высота портала определяется габаритами орнаментальных рам, которые хорошо сохранились в нижней части левого пилона.

Единственно неясным размером остается реконструкция парапета и ячеистого карниза, но если учесть, что обычно ширина их без дандана равна примерно двум диаметрам колонн, в соответствии с ордерной системой X в. – нач. XI в. в архитектуре Средней Азии, то задача еще более сузится. Приблизительно такие же размеры парапета и карниза дает графический чертеж. Угол разворота орнаментальных рам мавзолея при вычерчивании проходит по диагоналям, проходящим от углов подошвы цоколя, за вычетом величины колонны, до углов завершающего парапета по внешнему контуру.

Фрагмент широкого орнаментального пояса портала

По вертикали портал делится на три равные части – от верха цоколя до пят архивольта и начала щипца, от начала щипца до верха щитка арки, от завершения щитка арки до завершения парапета. Выше парапета располагается ячеистый карниз, масса которого равна массе парапета.

Вычерчивание юго-восточного фасада Среднего мавзолея дает точно такие же результаты, что подтверждает правильность реконструкции. Пропорции портала Северного мавзолея близки к Среднему и дают соотношение высоты портала к ширине, равной 0,92, в то время как у Среднего оно близко к квадратному и равно 0,99.

Предложенный нами вариант реконструкции юго-западного портала Среднего мавзолея, в силу вышеназванных аргументов, несколько отличается от графической реконструкции К.С. Крюкова.

Северный мавзолей

К Среднему мавзолею примыкает пристроенный в 1152 г. Северный мавзолей. Интерьер этого памятника прост – гладко оштукатуренные стены с проемами по трем сторонам помещения. Противоположная от главного входа стена – глухая. Направо от входа размещался проем, соединяющий Северный мавзолей со Средним. Проем открыт в 1973 г. во время исследований СНРПМ с целью реставрации.

Ярус парусов оформлен здесь в виде четкого восьмигранника, низ которого подчеркнут полочкой и небольшим уступом. Грани восьмигранника подчеркнуты прямоугольной рамочкой.

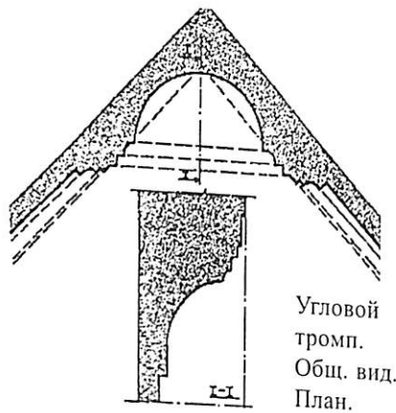
Интерьер в плане – квадрат с размером стороны, равной 7,55 м. Наружные габариты равны 10,6 м х 12,3 м, толщина задней и боковой (северо-западной) равна 1,76 м, толщина прилегающей к Среднему мавзолею стены – 1,18 м, а портальной – 2,55 м.

Арки парусов выложены с уступом и в виде выкружки, а заполнения парусных пазух представляют собой полукупола. Над ярусом парусов имеется небольшой восьмигранный барабан, на котором опирается купол. Кладка купола и стен выполнена по системе «тычок-ложок», но в отличие от Среднего мавзолея кладка не из спаренных кирпичей. Размеры кладочного кирпича равны 28х14х4 см. Интерьер оштукатурен с последующей затиркой белым ганчевым раствором.

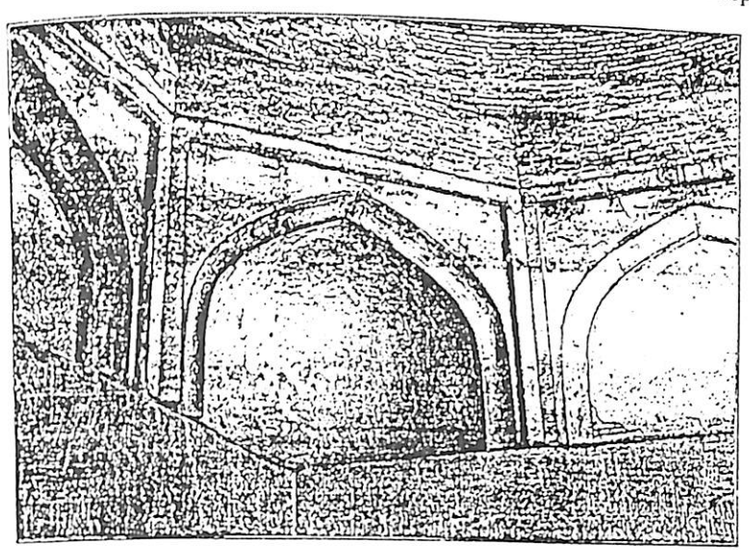
Северный мавзолей считается классическим примером портальной архитектуры. Большую ценность представляет юго-западный фасад, обработанный как портал. Здесь использованы как традиционные, известные по Среднему мавзолею приемы, так и применены новые приемы орнаментально-декоративного искусства.

Как отмечалось выше, строители Северного мавзолея удачно выполнили его в ансамбль Среднего мавзолея, что объясняет применение некоторых схожих со Средним облицовок, которые наряду с другими средствами позволяли достигнуть композиционного единства двух мавзолеев, а затем и трех, после пристройки к Среднему в 1187 г. Южного мавзолея.

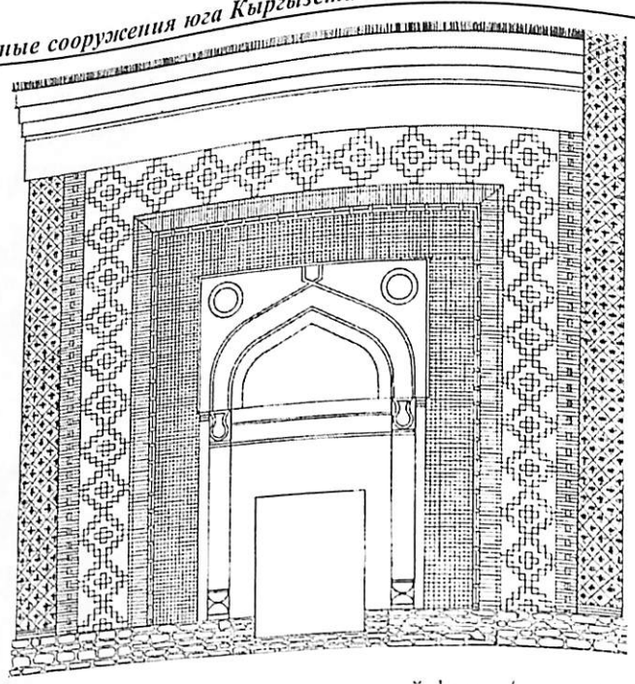
Средневековые зодчие, не повторяя предыдущие сооружения, в то же время соблюдали традиции, преемственность посредством поиска новых художественных решений за счет

Угловой тромп. Общ. вид. План. Разрез.

Ярус парусов интерьера Северного мавзолея

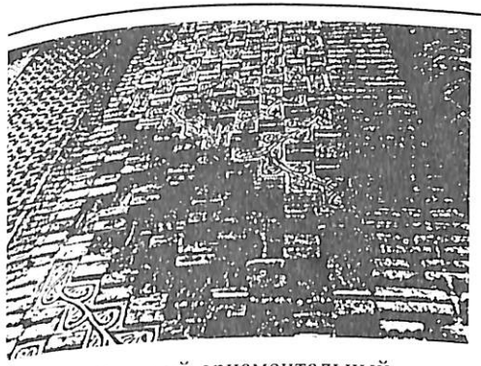

Северный мавзолей. Юго-западный фасад /портал/

применения новых комбинаций уже известных видов орнамента и декоративных отделочных материалов.

Например, широкий орнаментальный пояс Северного мавзолея, сделанный из спаренных кирпичей тычками, образует ромбический рисунок с ганчевым орнаментальным фоном, повторяющий мотив пояса юго-восточного фасада Среднего мавзолея. Но его компоновка сделана так, что она воспринимается совершенно по-другому, чем на Среднем мавзолее.

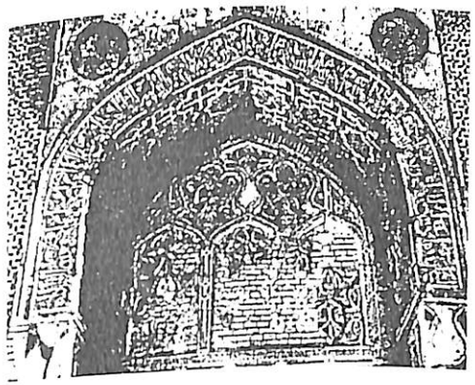
Следующая за этим поясом выкружка создает плавный переход ко второй плоскости портала, начинающейся ажурным поясом, огибающим тимпан. Этот пояс набран из мелких шлифованных кирпичиков, создающих мотив соединенных в виде бесконечных лент «свастик» или «вертушек», в которых мы видим усовершенствование одного из старых решетчатых узоров, встречавшихся в минарете Бураны. На этом легком решетчатом фоне четко выделяется оформление входной ниши с тимпаном и архивольтом. Арка стрельчатого очертания чрезвычайно тектонична и по своим про-

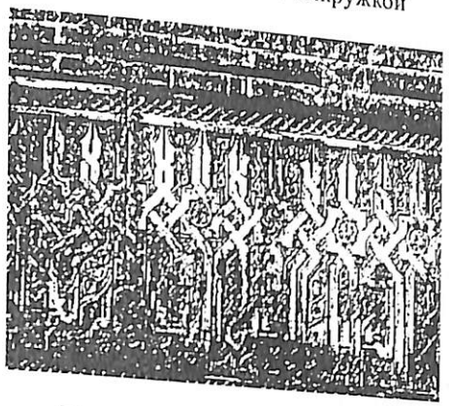
Широкий орнаментальный пояс Северного мавзолея

Фрагмент портала Северного мавзолея с выкружкой

Портальная ниша Северного мавзолея

Терракотовый фриз над входом в Северный мавзолей

порциям прекрасно вписана в тимпан. Архивольт выполнен в резной терракоте с надписью почерком «насх», подчеркнуто оживляющей верхний контур входной портальной ниши. Терракотовый фриз над входом, наоборот, в отличие от архивольта, смотрится декоративно, орнамент фриза с надписью почерком «куфи» имеет спокойный и ровный характер начертания.

Чрезвычайно образно смотрятся формы входной ниши. Из капителей 3/4 колонн, трактованных как бутоны цветков, распускается буйная орнаментальная растительность архивольта. Напряженность и движение архивольта поддержаны чешуйчатым мотивом (система модахиль) поверхности стволов колонн, устремляющихся кверху. По мнению Б.Н.Засыпкина, в создании этих монументаль-

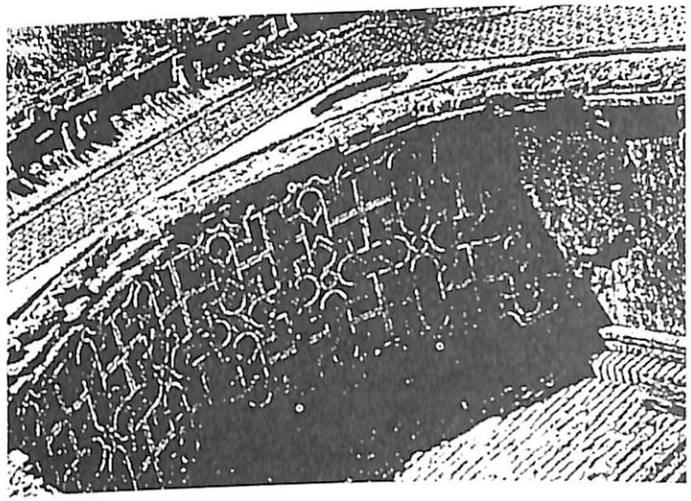
ных терракотовых колонок древние мастера умело использовали мотив деревянной колонны /70/.

Тимпан мавзолея трактуется как гладкий фон, разделяющая плоскость между рамой, аркой и медальонами. Он облицован плитами резной терракоты, имитирующими кладку в «елочку», где традиционно размещены два медальона. Щипец и соффит памятника украшены резным ганчем, хорошо сочетающимся по характеру резьбы с архитектурным решением входной арочной ниши.

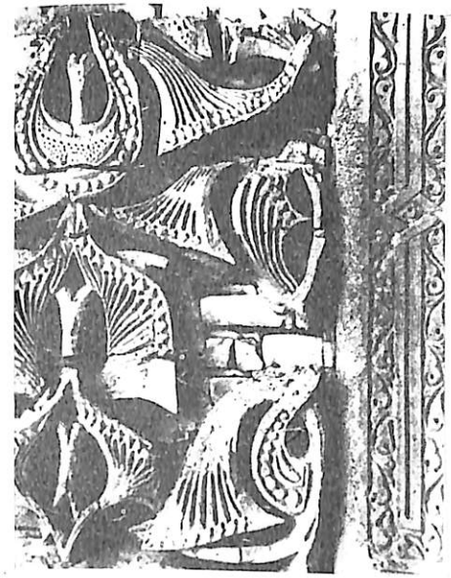
В мотиве облицовки соффита довольно распространенная форма – переплетение восьмиугольных звезд, которое здесь приобретает утонченность. Геометрический рисунок подчеркивается густым орнаментальным фоном из растительного орнамента.

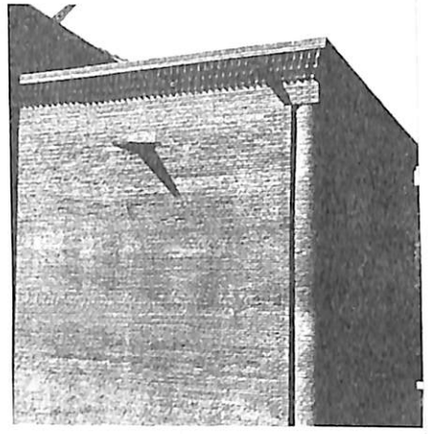
1/4 угловая колонка входной ниши портала Северного мавзолея

Орнамент соффита Северного мавзолея

Фрагмент рельефной орнаментальной резьбы на щипце портальной ниши Северного мавзолея

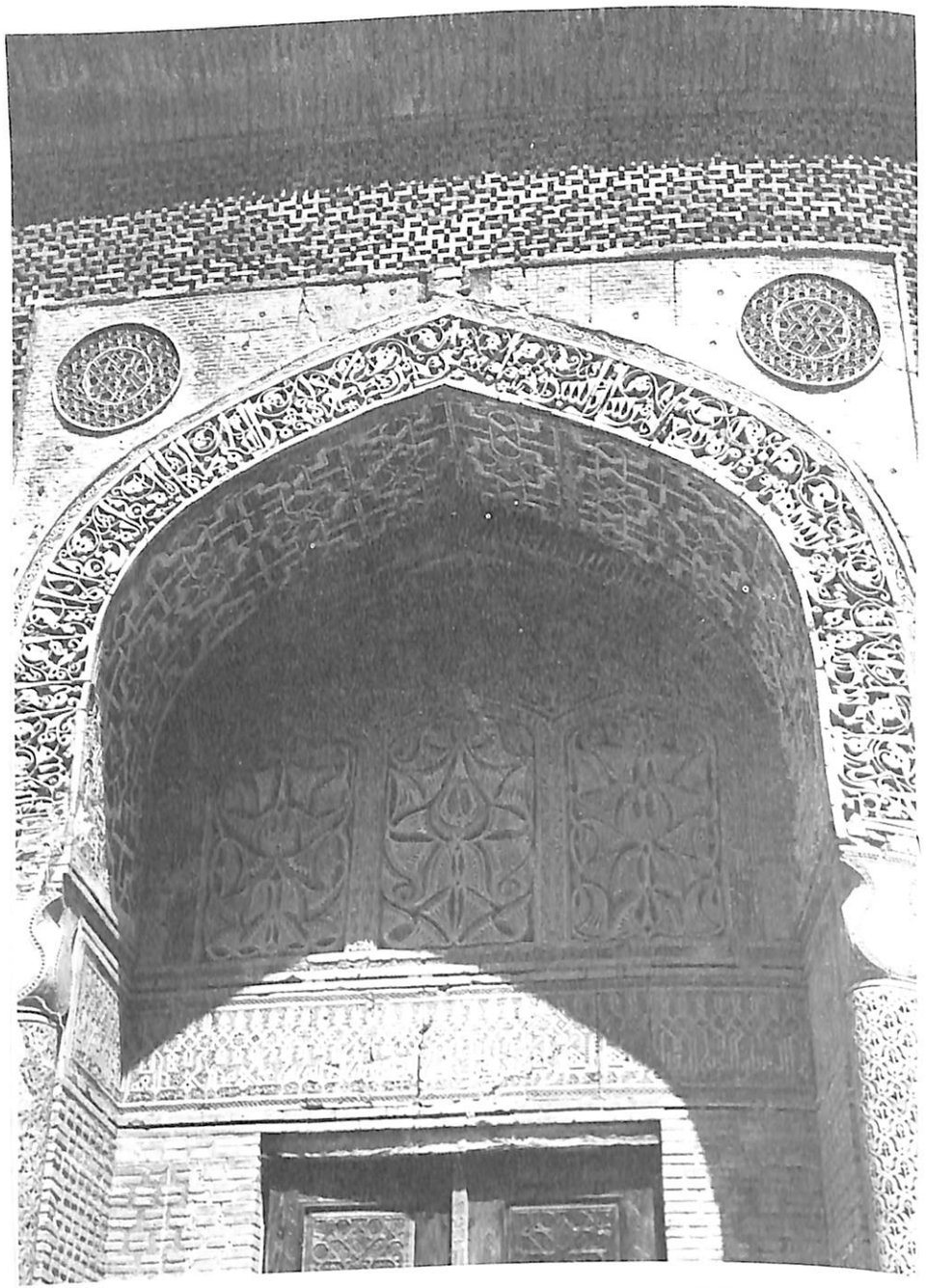

Задний фасад Северного мавзолея.

Наиболее близкую аналогию применения в резном ганче этого мотива можно видеть на Айшабиби (XII в.) в Таразе. В последующем он применяется как в ганчевой резьбе, так и в облицовках из резных кирпичиков в караван-сарае Рабат и Малик, Магоки-Аттари, Шахи-Зинда.

В орнаментальном искусстве портала Северного мавзолея весьма примечательны мелкие детали – бордюры, ленты и пояски, применяемые в рамках, обрамлениях и геометрических орнаментах. Из них выделяются те, которые подчеркивают те или иные архитектурные формы. Например, надписи куфи и соффит окаймлены рамками из двойных тонких кирпичных (шлифованных) лент, с обязательным их переплетением. Надпись куфи внутри этой рамки имеет еще бордюр из терракоты, состоящий из гладких рамок и средней полосы с мелким изящным узором, образованным из переплетения четырех волнистых линий.

Примером бесконечной ленты, образующей архитектурно-декоративный мотив, является

Портал Северного мавзолея после реставрации. 1980 г.

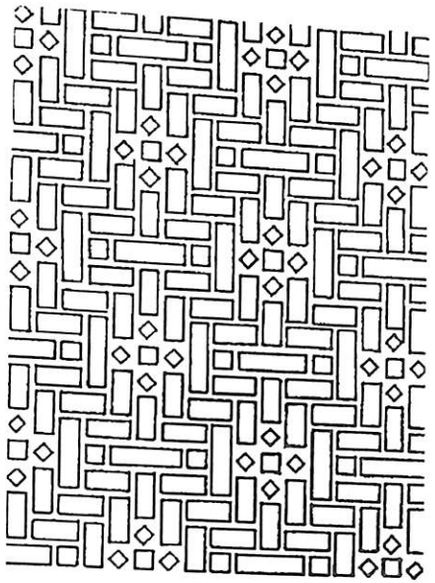
композиция на щипце. Все эти мелкие детали в виде поясков, рамок, бордюров, кроме связывания элементов декора в единое целое, использовались еще для усиления и выявления форм и плоскостей. Так, плавные формы капителей подчеркнуты не только линейным очертанием, но и бордюрчиком из бусинок.

В Северном мавзолее мы видим использование большинства видов орнаментальных приемов от простых кирпичных до тончайшей резьбы по терракоте.

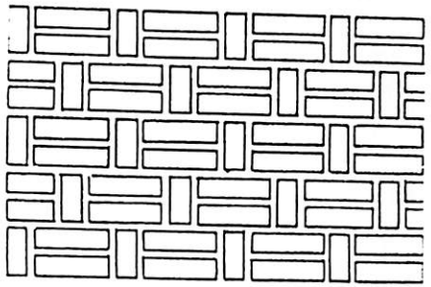
Композицию портала завершает кирпичный антаблемент, состоящий из гладкого фриза и ячеистого карниза, который в будущем трансформируется в сталактитовый карниз (шарафа).

Анализ портала Северного мавзолея показывает использование приемов как уже применявшихся в архитектуре, так и тех, что найдут применение позже. Уникальность портала заключается в удивительно гармоничной, архитектурно-пластической композиции, выявленной в ее архитектонике. Здесь мы видим удачное использование художественного приема выкружки в качестве одного из обязательных элементов портала.

Введенная в практику резная терракота отлично вписалась в палитру отделочных материалов XII в. в сочетании к замечательно разработанными орнаментами и эпиграфическими надписями.

Орнамент 3/4 колонны
портала Северного мавзолея

Орнамент 3/4 колонны западного
фасада Северного мавзолея

Южный мавзолей

Через тридцать пять лет в 1186-87 гг. в противоположной от Северного мавзолея стороне к юго-восточному фасаду Среднего мавзолея пристраивают еще один мавзолей, так называемый Южный, которому, как и Среднему и Северному, суждено стать своего рода этапным в архитектуре Средней Азии.

По размерам он значительно меньше своих предшественников. Так, если Средний мавзолей имеет ширину портала 12,5 м и купол диаметром 8,45 м, Северный соответственно – 11,45 м и 7,5 м, то Южный – 8,7 и 6,4 м.

В кладке Южного мавзолея использован обожженный кирпич квадратной формы с размерами 27x27x4 см.

Интерьер Южного мавзолея представляет собой простое помещение с арочным парусным ярусом. Паруса выложены перспективными арочными, все они обрамлены выступающими прямоугольными рамами.

В мавзолее имеется три проема, а в четвертой – северо-восточной стене устроена ниша.

Главный фасад Южного мавзолея, оформленный как портал, пристроен в одну линию, как и Северный мавзолей, с юго-западным фасадом Среднего мавзолея.

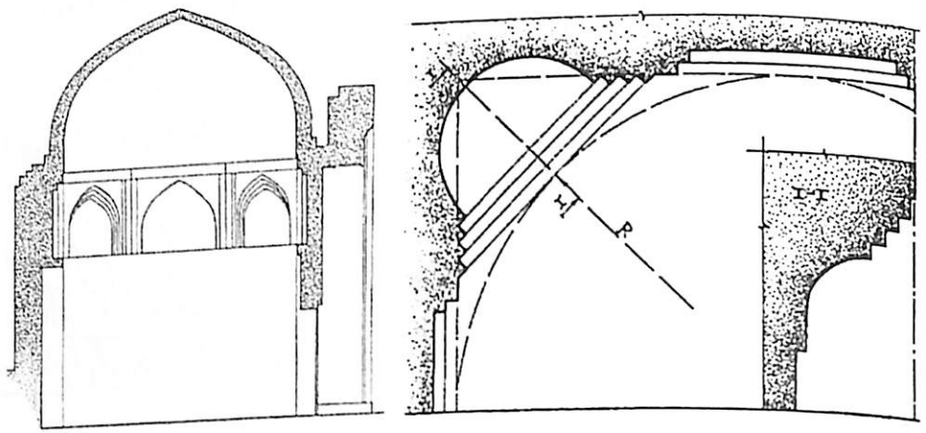
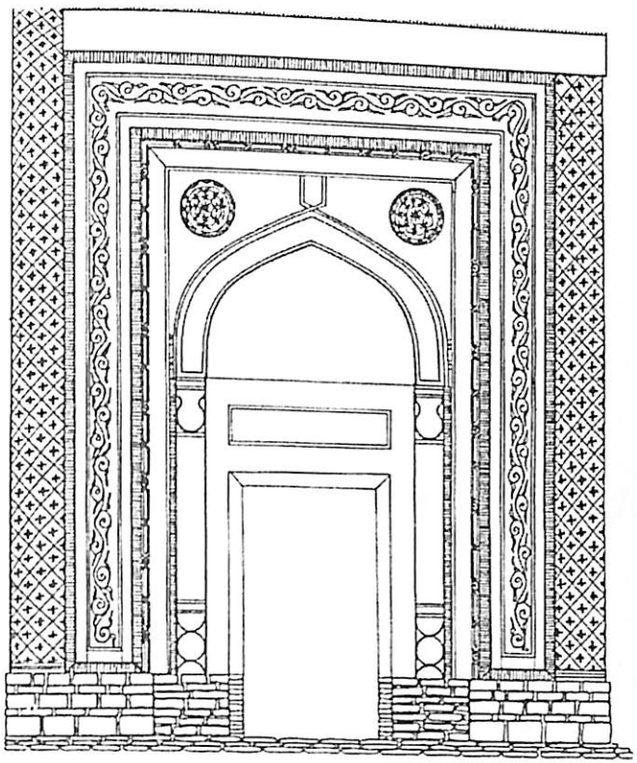

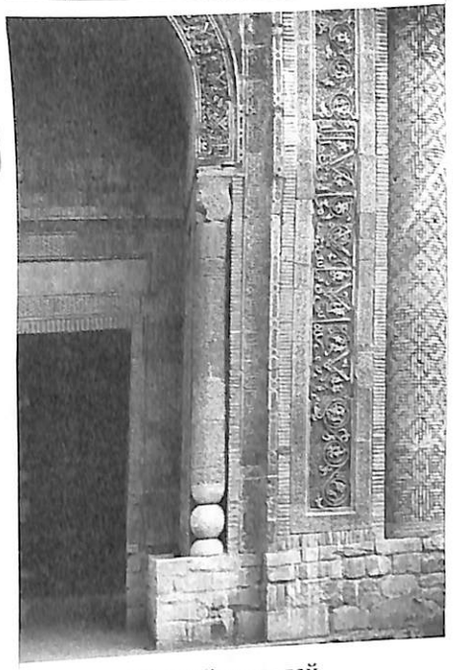
Схема перспективного паруса Южного Узгенского мавзолея. 1187 г.

Портал Южного мавзолея показывает налицо преемственность между ним и трактовкой Северного мавзолея, а также демонстрирует несомненно новые разработки традиционного портала. Это подтверждает наш тезис о том, что мастера средневековья никогда не останавливались на достигнутом и, совершенствуя приемы, получали новые решения.

Углы портала фланкируют традиционные мощные цилиндрические колонны, облицованные мелкими кирпичами в виде ромбического узора и повторяющие мотив украшения колонн портала Северного мавзолея. Размеры у них такие же, как и у Северного, однако создают впечатление более мощных. Они, как и два других мавзолея, выглядят тектонично, отчего центральная часть портала хорошо уравновешена, несмотря на своеобразное членение плос-

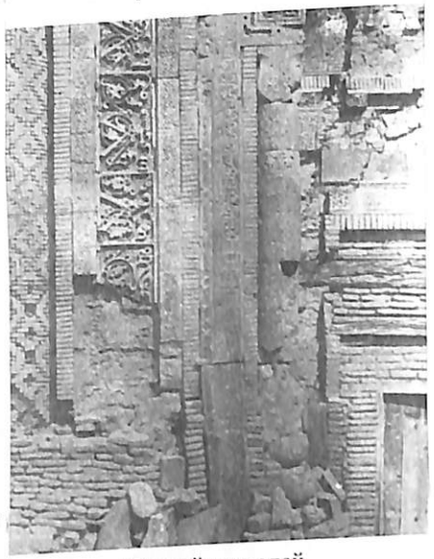
Узген. Южный мавзолей. XII в. Фасад

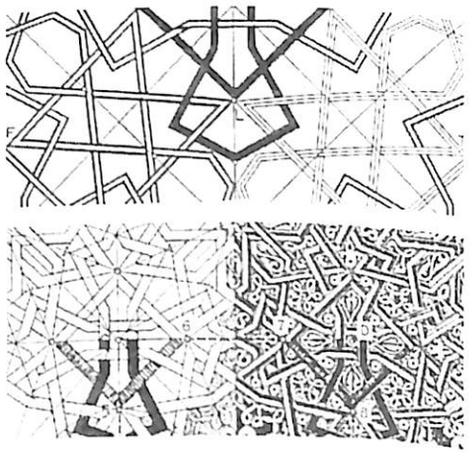
Южный мавзолей.
Фрагмент портала

костей. Портал Южного мавзолея повторяет почти все мотивы Северного мавзолея, но со своеобразной трактовкой элементов. В Южном мавзолее выкружка непосредственно примыкает к нише в виде обрамления.

Все детали портала Южного мавзолея разработаны с целью исполнения их в технике резной терракоты. Широкий орнаментальный пояс выполнен из крупных плит с монументальной резьбой почерком «насх». Начертания слов и букв с использованием орнамента со спиральными завитками и крупными фигурными листьями перекликаются схожестью с надписью

Южный мавзолей.
Фрагмент портала до реставрации

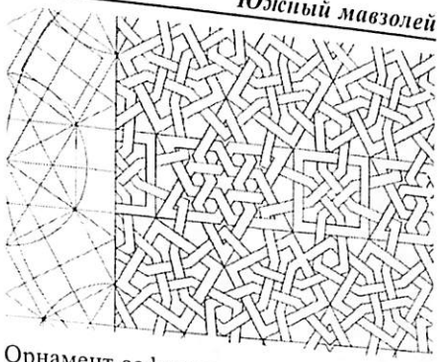
Анализ построения орнамента
3/4 угловой колонки входной
ниши и щипцовой стены
/По М.С. Булатову /

на архивольте арки входной ниши портала Северного мавзолея. Тем не менее, надпись Южного мавзолея более ритмична и выполнена в виде трехплановой резьбы. Фоном для крупных букв и листьев служит мелкий растительный орнамент.

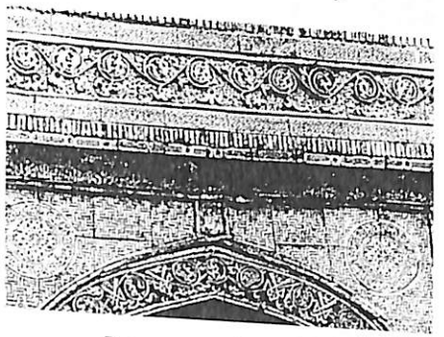
По-другому, чем в Северном мавзолее, задумана выкружка Южного мавзолея. Она изготовлена из крупных терракотовых блоков и имеет поясок, на котором вырезаны узоры из двух лент, образующих при переплетении различные геометрические фигуры – кружки и шестиугольники, где фоном для лент служит резьба с мотивом «ислими».

На самой выкружке размещена резная куфическая надпись. Резьба букв и фона из мелкой густой растительной орнаментики выполнена в одной плоскости, что не нарушает цельности выкружки.

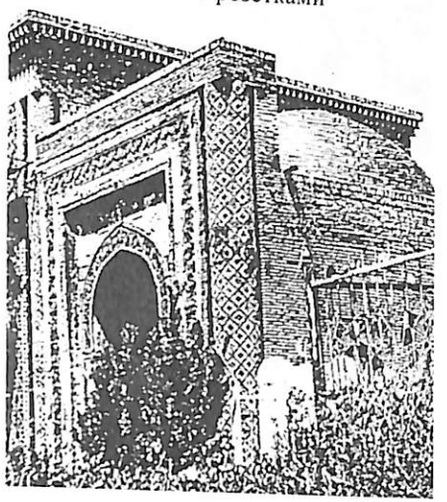
Входная ниша портала также имеет богатую гамму резной терракотовой облицовки. Она повторяет в общих чертах входную нишу Северного мавзолея, но здесь этот прием решен в другой орнаментальной и фактурной разработке.

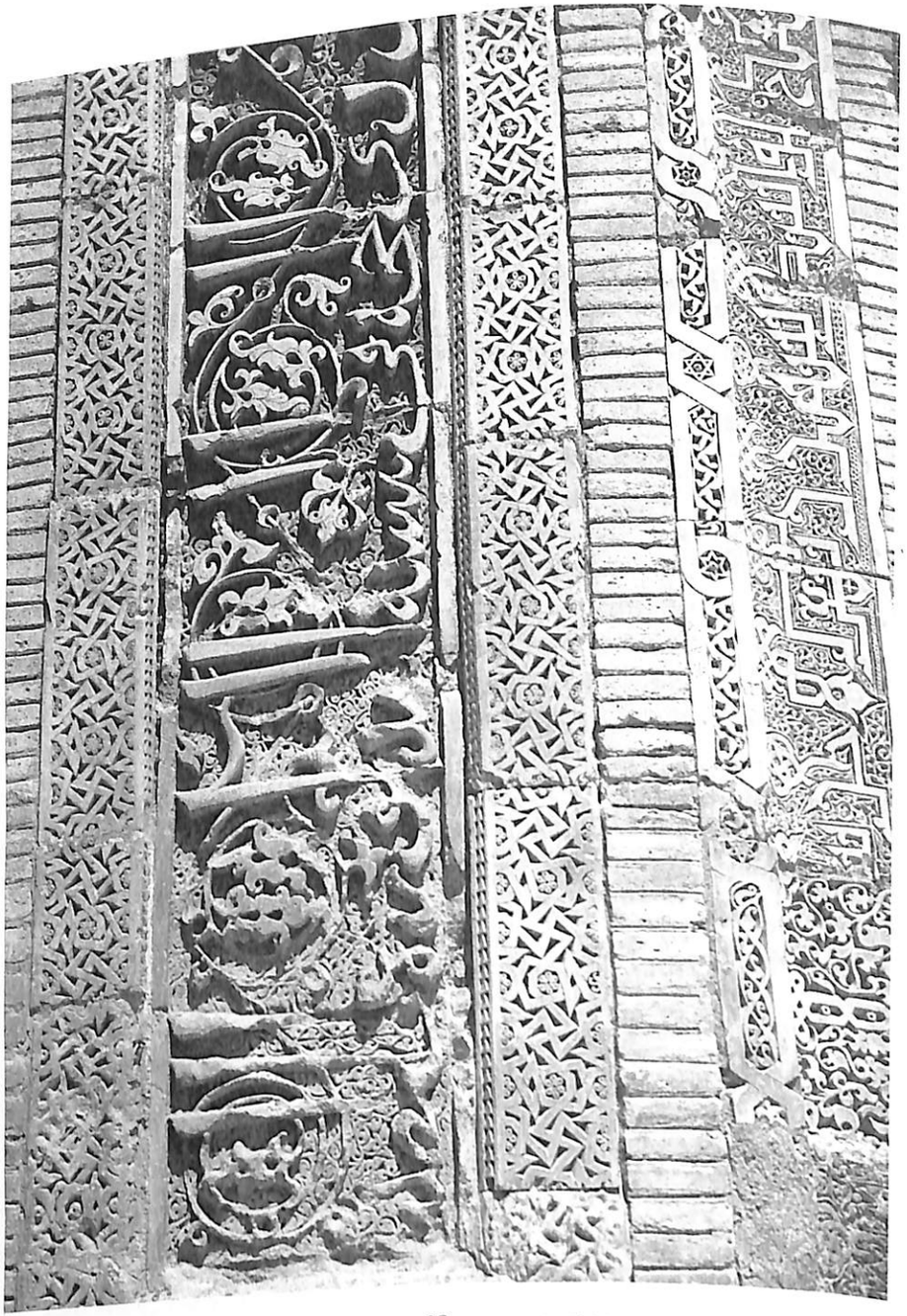
Орнамент софита входной ниши портала. /По Б.Н. Засыпкину/

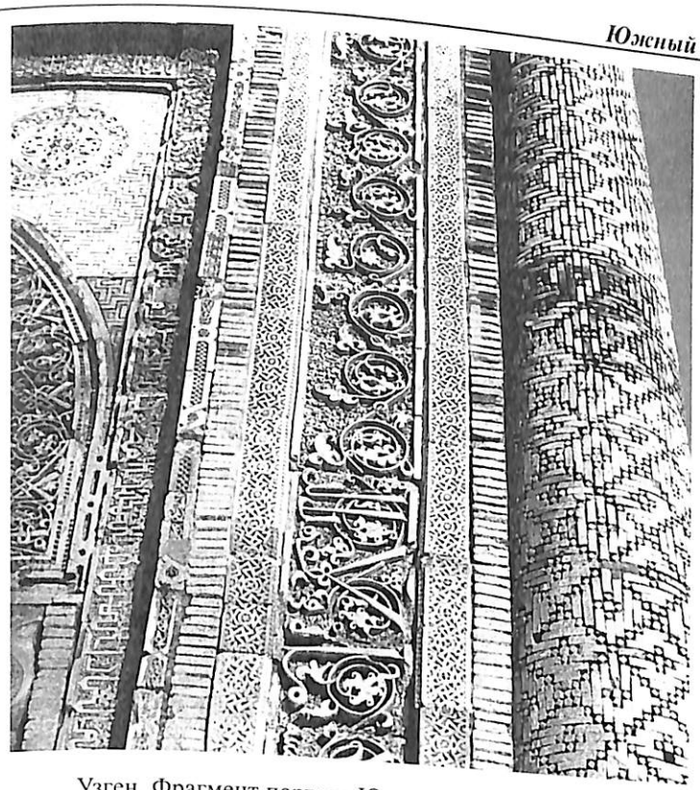
Тимпан с розетками

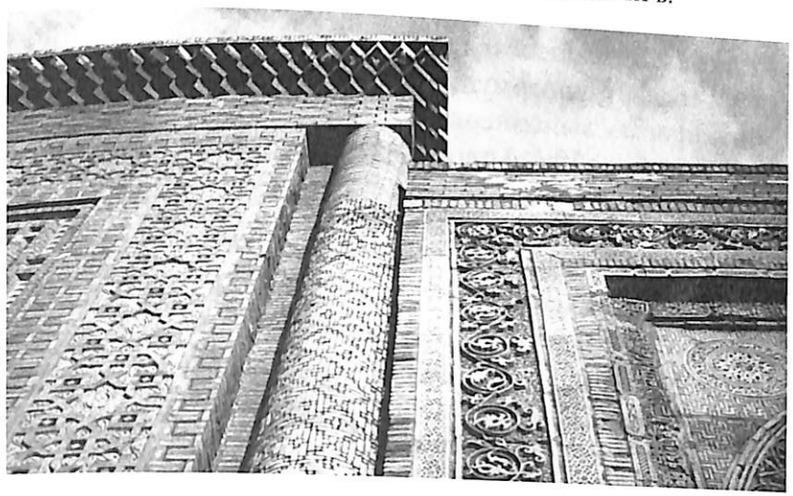
Общий вид Южного мавзолея
с юго-запада

Фрагмент портала Южного мавзолея

Узген. Фрагмент портала Южного мавзолея. XII в.

Узген. Фрагмент фасадов Среднего и Южного мавзолеев. XI-XII вв.

Тимпан Южного мавзолея имеет, как и на Северном, два медальона. Геометрический орнамент тимпана основан на ломаных свастиках, но также вырезанных на плитах.

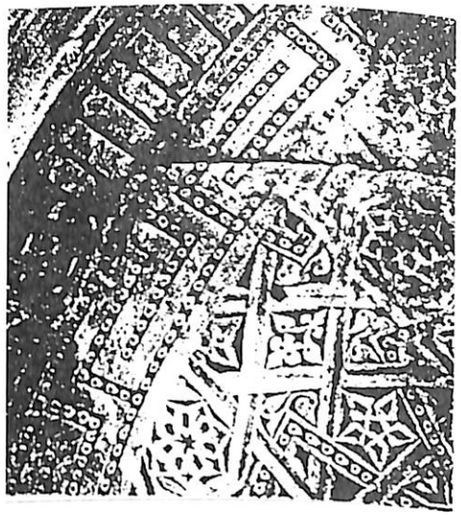
Формы элементов Северного мавзолея применены здесь и в трехчетвертных колоннах входной ниши портала, и в архивольте с надписью. Ствол колонки состоит из трех основных поясков, каждая из которых украшена резными орнаментальными узорами. Под капителью размещен поясок с куфической надписью с геометрическим начертанием высоких букв. Под этим поясом, как и над базой колонок, помещены бордюры сложного рисунка, похожие на орнамент на щипцовой стене входной ниши Северного мавзолея.

Построение орнамента ствола колонны представляет собой гирих, основанный на сочетании восьмиконечной звезды, вписанной в квадрат, и близкий по начертанию с гирихом щипцовой стены.

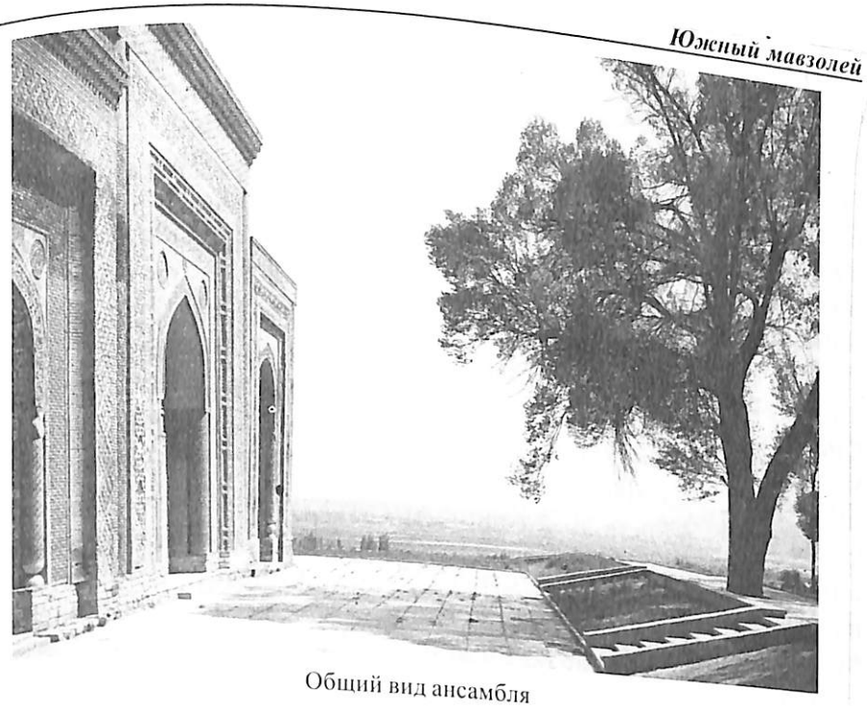
Интересна конструкция колонок, представляющая собой цельные цилиндрические блоки из терракоты с выемкой для крепления их к консольным выпускам кирпича из кладки. Каменные базы колонок выполнены из двух полушаров и одного шара между ними и опираются на блоки цоколя.

По-иному, чем в Северном мавзолее, сделана обработка ниши портала. Здесь необходимо отметить соффит, потому что только эта форма выполнена из ганча на фоне всеобщего терракотового окружения портала Южного мавзолея. Вся поверхность соффита равномерно покрыта сложным гирихом на основе шестиугольной звезды.

Щипец ниши обведен кирпичным поясом и бордюром в виде меандра, мотив которого мы встречали на стволе Узгенского минарета. Но выполненная

Кирпичный поясок и бордюр вокруг щипца

Общий вид ансамбля

здесь в технике терракоты, она утончена, и фон полос меандра покрыт сплошными лентами бусинок.

Плоскость щипца покрыта изящным гирихом, представляющим оригинальный рисунок, в основе построения которого квадрат и его производные в виде различных фигур. Этот и другие архитектурные орнаменты, размещенные на входной нише портала Южного мавзолея, проанализированы М.С.Булатовым /71/ и свидетельствуют о высочайшем уровне орнаментального искусства, достигнутом в эпоху караханидов.

Б.Н.Засыпкин, А.Н.Прибыткова, И.Ф.Бородина и др. считают архитектуру Южного мавзолея классическим примером использования терракоты в портальном строительстве. Здесь почти вся декоративная облицовка не связана с конструктивной кирпичной кладкой. За счет 3/4 колонн портала создается плавный переход к кирпичной фактуре бокового фасада, а изобретательно использованные орнаментальные мотивы хорошо увязаны с архитектурными формами всего сооружения.

Узгенский архитектурный комплекс, состоящий из Среднего, Северного и Южного мавзолеев, создававшийся на протяжении более чем 150 лет (1012-1187 гг.), стал этапным в архитектуре Средней Азии в целом и мемориального зодчества в частности. Каждый из этих мавзолеев знаменует те или иные достижения в процессе эволюции архитектурных форм, декора, строительных приемов зодчества Средней Азии.

Рассмотрение отдельных вопросов композиции порталов, архитектурного декора, реконструкции юго-западного портала Среднего мавзолея позволяет дополнить знания об этих замечательных творениях средневековых мастеров. Особенно важны были новые данные о памятниках в связи с их реставрацией в конце 70-х – начале 80-х годов. Архитектурно-строительные приемы, выявленные на памятниках Узгена, показывают взаимосвязь разных архитектурных школ, но единого историко-культурного региона Средней Азии.

Если в композиции Среднего мавзолея среди отдельных мотивов орнаментов мы видим влияние мавзолея Исмаила Самани, то и традиции Узгенских мавзолеев продолжаются в архитектуре Средней Азии последующих веков. Узгенские мавзолеи представляют яркий пример творческих исканий и достижений архитектуры XI-XII вв. Они наглядно иллюстрируют путь, приведший к созданию классического типа портально-купольного мавзолея. Как было отмечено выше, древние зодчие не просто копировали портал Среднего мавзолея при строительстве Северного, а творчески его обогатили исходя из условий композиционной целостности двух фасадов и целей ансамблевого строительства. То же самое можно сказать и о Южном мавзолее, сооруженном в одну линию со Средним и Северным, но окончательно оформившем ансамбль из трех мавзолеев.

Средний мавзолей, несмотря на свою загадочность формы двухпортального сооружения, тем не менее ясно совмещает в себе идеи центрических и портально-купольных мавзолеев. Кубическая форма, конструкция яруса парусов, трехчетвертные угловые колонны сближают Средний мавзолей с мавзолеем Исмаила Самани. С другой стороны, появление выкружки портала, новые

архитектурно-декоративные приемы позволяют увидеть свежие струи портального искусства, которое наглядно совершенствуется в Северном мавзолее, а затем и в Южном.

В Северном мавзолее мы видим классику портального искусства XII в. В портале Северного мавзолея выкружка приобретает неотъемлемое значение художественного приема и элемента портала. Здесь вводится в практику резная терракота, причем уже в высокоразвитой технике и в поразительной согласованности с кирпичной орнаментацией и резьбой по ганчу.

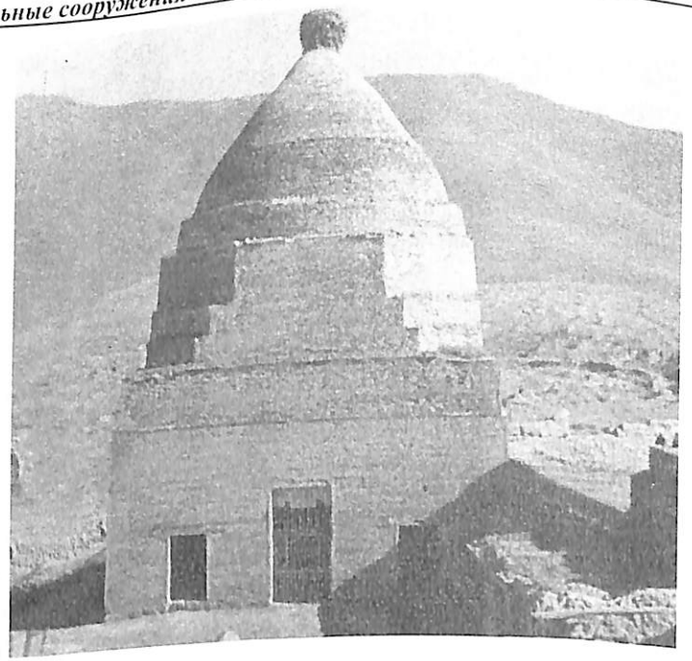
Опыт и достижения в строительстве портала Северного мавзолея использованы в портале Южного мавзолея, построенного через 35 лет после него, но с совершенно качественно новыми результатами. Все исследователи сходятся в том, что портал Южного мавзолея демонстрирует исключительные достижения керамического искусства XII в. Большинство видов геометрического орнамента архитектурного декора портала Южного мавзолея впервые применены здесь и использованы в дальнейшем в других памятниках.

Мавзолей Шах-Фазиль

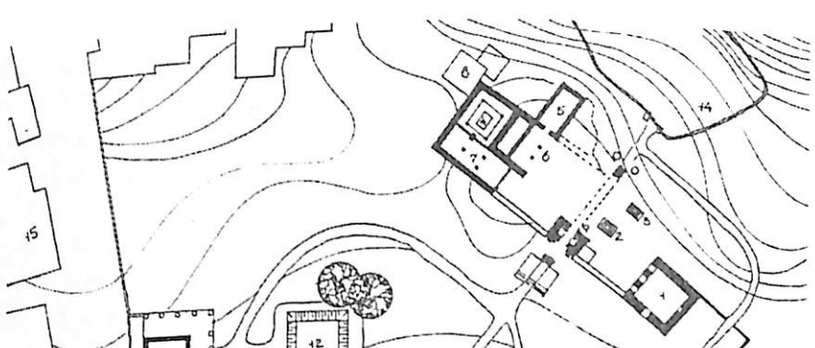
Мавзолей Шах-Фазиль занимает в архитектурном наследии Кыргызстана не менее важное положение, чем мавзолеи Узгена. Это значение определяется неординарностью его архитектуры, древностью сооружения, высокоразвитым искусством архитектурного декора, воплощенными в этом памятнике.

Сведения о нем начали публиковаться с конца прошлого столетия /72/. Шах-Фазиль дважды (в 1928 г. и в 1947-51 гг.) обстоятельно изучал Б.Н.Засыпкин, и в основном по его материалам последующие авторы писали об этом памятнике.

В 1983 г. увидел свет научно-популярный сборник В.Д.Горячевой /73/, в котором дан историко-археологический очерк Мазарского городища, где расположен мавзолей Шах-Фазиль, а также краткое описание и библиография изучения памятника. В связи с ограниченностью рамок исследования, не останавливаясь на истории его изучения, подробно рассмотрим архитектуру Шах-Фазиля как одного из наиболее значимых памятников монументальной архитектуры Кыргызстана X-XII вв.

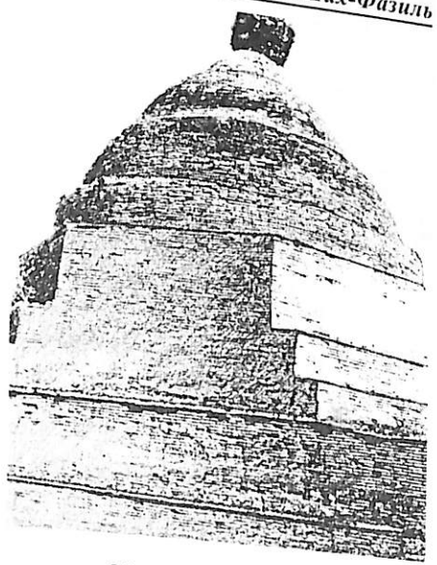

Мавзолей Шах-Фазиль. Главный фасад

Схематический план комплекса «Шах-Фазиль»

В 1982-84 гг. на памятнике были произведены реставрационные работы, заключающиеся в перекладке верхней части купола и восстановлении утраченных фрагментов архитектурного декора интерьера. Проектные и реставрационные работы велись под руководством автора данной работы.

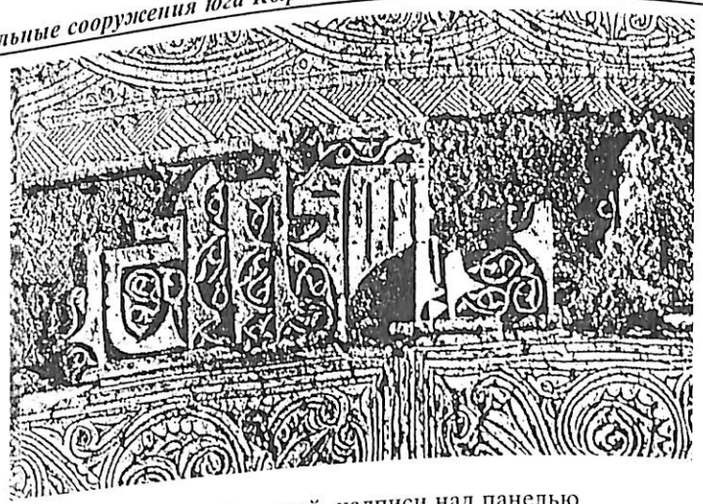
Шах-Фазиль. XI в.
Купол до реставрации

Мавзолей Шах-Фазиль находится на северо-восточной окраине с. Гулистан Ала-Букинского района Ошской области Кыргызстана. Построенный на древнем кладбище, на склоне небольшого холма, мавзолей прекрасно обозревается с юго-восточной части долины, запоминаясь своим монолитно-строгим силуэтом.

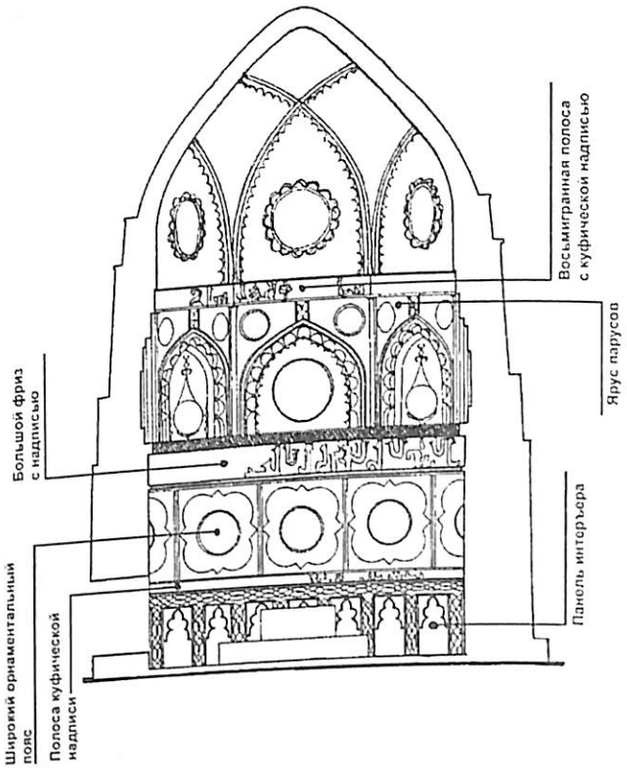
В плане памятник представляет собой квадрат, имеющий внутренние размеры 7,84х7,84 м, наружные – 11,12х11,16 м. С северной стороны мавзолея, обращенного во двор комплекса разновременных мемориальных сооружений, имеется два дверных проема по бокам и один большой проем в центре с дверной решеткой. Деревянная перемычка над этим проемом и сама решетка позднего происхождения и отношения к первоначальному облику памятника не имеют.

Мавзолей сооружен на скалистом основании, выходящем в этом месте на поверхность рельефа. Фундамент и цоколь здания сложены из блоков известняка на лессовом растворе. Верх цоколя северо- восточного угла возвышается на 30 см от уровня двора.

Жженый кирпич желтоватого оттенка с размерами 15х27х3,5 см служил основным стеновым материалом, из которого сложен мавзолей. Встречаются размеры 15,5х27х3,4 см. Габариты кирпича очень близки к размерам кирпича Северного мавзолея (14х28х4 см). В кладке стен использован глиняный раствор, но

Полоса куфической надписи над панелью

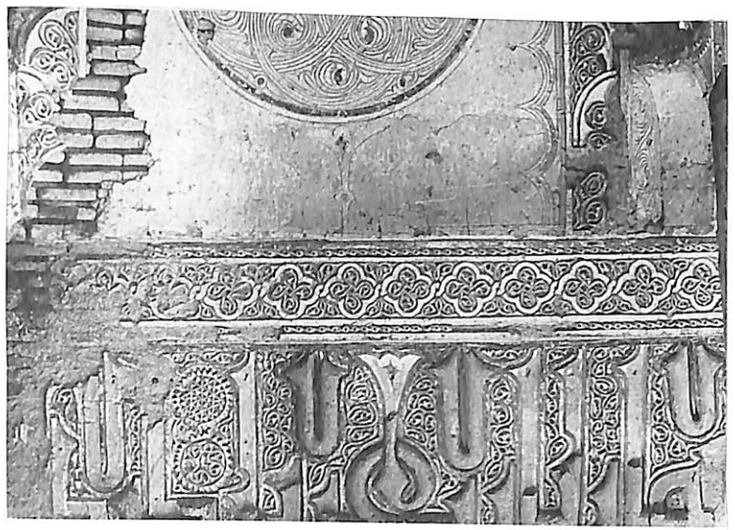
Мавзолей Шах-Фазиль. Разрез.
Схема размещения орнаментальных плоскостей

швы расшиты ганчем. Ответственные конструкции – арки, купол, паруса – сложены на ганчевом растворе. С внутренней стороны кладка выполнена впустошовку, на которую нанесен отделочный слой. В парусах и в нижней части купола применены крупноразмерные кирпичи – 32x32x5 см и 53x53x5-6 см соответственно. В ремонтной кладке наружных стен встречается кирпич со сторонами 40,42,45 см и толщиной 5-6 см.

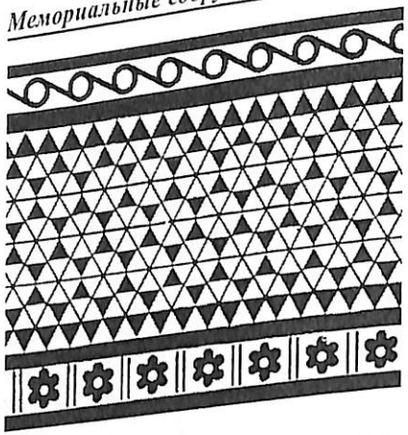
Стены мавзолея выполнены из кирпича по системе «тычок-ложок». Купол в нижней части сложен так же, как и стены, а в средней только из тычков. Выше середины кладка купола деформирована неровными ремонтными кладками.

Четверик стен интерьера на высоте 4,7 м имеет выступ, нависающий на 8-10 см, высотой 0,29 м, на который опирается ярус парусов высотой 3,11 м. Ярус парусов завершает консольно выступающий пояс в виде правильного восьмигранника.

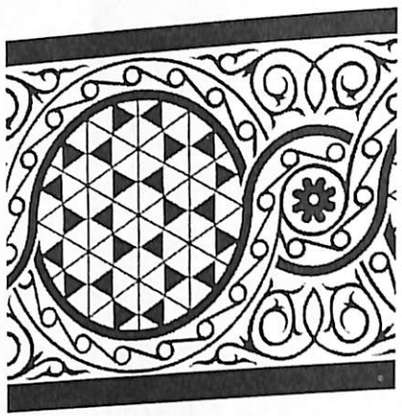
Обращают на себя внимание внешние формы подкупольной части мавзолея. Четверик стен на отметке 5 м имеет уступ шириной 20 см и далее возвышается еще на 1,54 м. Затем, после небольшого уступа (30 см), возвышается восьмигранный объем, соответствующий

Большой фриз с надписью и бордюром

Орнаменты бордюров большого фриза

внутри ярусу парусов и восьмигранному поясу, на который опирается купол. Этот восьмигранный объем имеет трехступенчатый срез в углах, где размещаются арочные пояса. Форму правильного восьмигранника этот объем принимает только на уровне верхнего уступа. За ним возвышается купол, который также на высоте 1,1 м имеет уступ в 0,36 м. Общая высота до верха купола составляет 15 м.

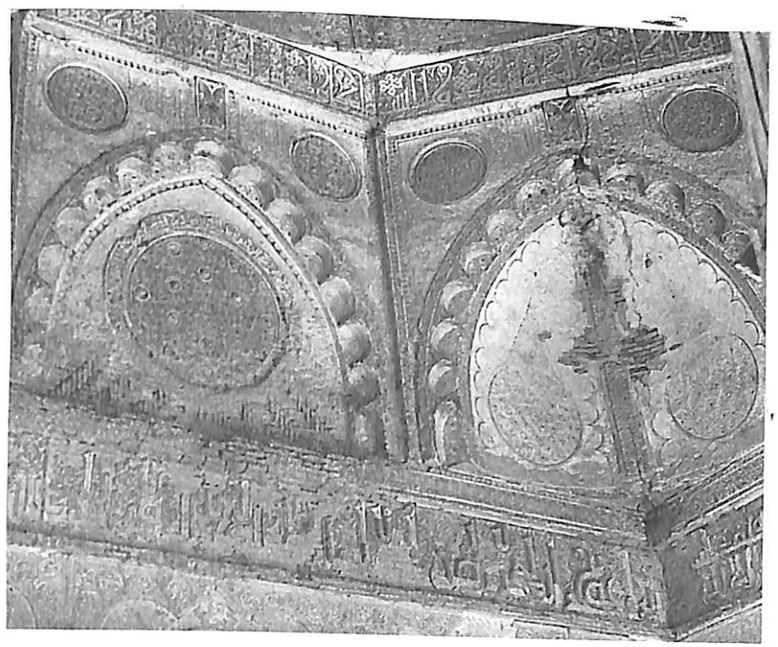
На анализе внешних форм мавзолея Шах-Фазиля мы остановимся ниже, после рассмотрения архитектурного декора интерьера мавзолея, вызывающего наибольший интерес исследователей.

Первое впечатление при входе в мавзолей (при искусственном освещении в верхней части купола) – это монументальность форм внутренних поверхностей памятника. Несмотря на небольшие размеры в плане стен четверика, пространство интерьера кажется просторным за счет большой высоты и гармоничного соподчинения ярусов и плоскостей от пола и до верха купола. Большие утраты ганчевой резьбы (40 % на уровне стен и яруса парусов, 60 % на куполе) не снижают впечатления монументальности и богатства интерьера.

Художественный эффект достигается за счет оригинальной композиции с использованием разных орнаментальных форм, строящихся то на сочетании, то на контрасте. Например, гладкие белые поверхности и однообразно орнаментированные плоскости сочетаются с квадратными, с полуокружными очертаниями, круглыми медальонами и бордюрами с рельефной резьбой, деталями с графической резьбой и эпиграфикой и т.д.

Для большей убедительности вышеназванных качеств интерьера рассмотрим более подробно декор мавзолея по вертикали начиная с панелей четверика.

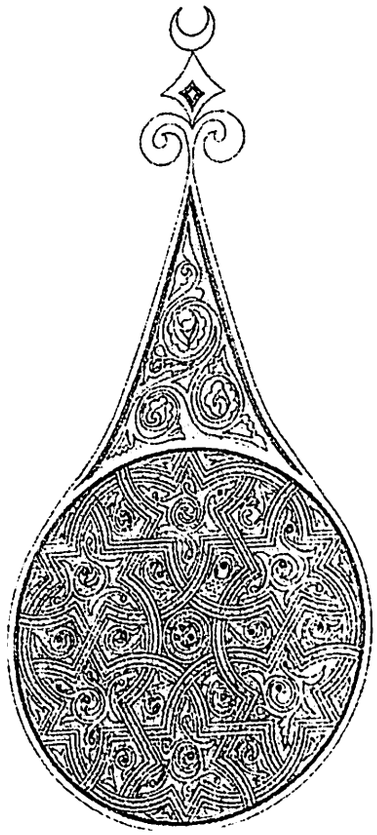
Панель интерьера состоит из вертикальных панно, ограниченных с трех сторон широким бордюром из четырех пересекающихся и переплетающихся лент, вырезанных в технике графической резьбы. Ленты – трехполосные, средняя окрашена в синий цвет, крайние – в белый. Фон лет заполнен спиралевидными побегами и листьями в такой же технике резьбы, что и полосы.

Мавзолей Шах-Фазиль. Интерьер. Юго-Западный угол яруса парусов

Плоскость панно в верхней части состоит из пятилопастной фестончатой арки с килевидным завершением. По сторонам арки плоскость сверх панно заполнена резьбой в виде розетки с завитками и листьями. Высоту панно и вертикальных бордюров определить невозможно из-за разрушенной нижней части стен. По-видимому, пол от панно отделял поясок или сапожок, который не сохранился.

Пояс панелей от второго широкого орнаментального пояса отделяет полоса куфической надписи, сохранившейся в трех местах. Крупные, четкие буквы завершены в верхней части заострением и оживлены мелким растительным фоном.

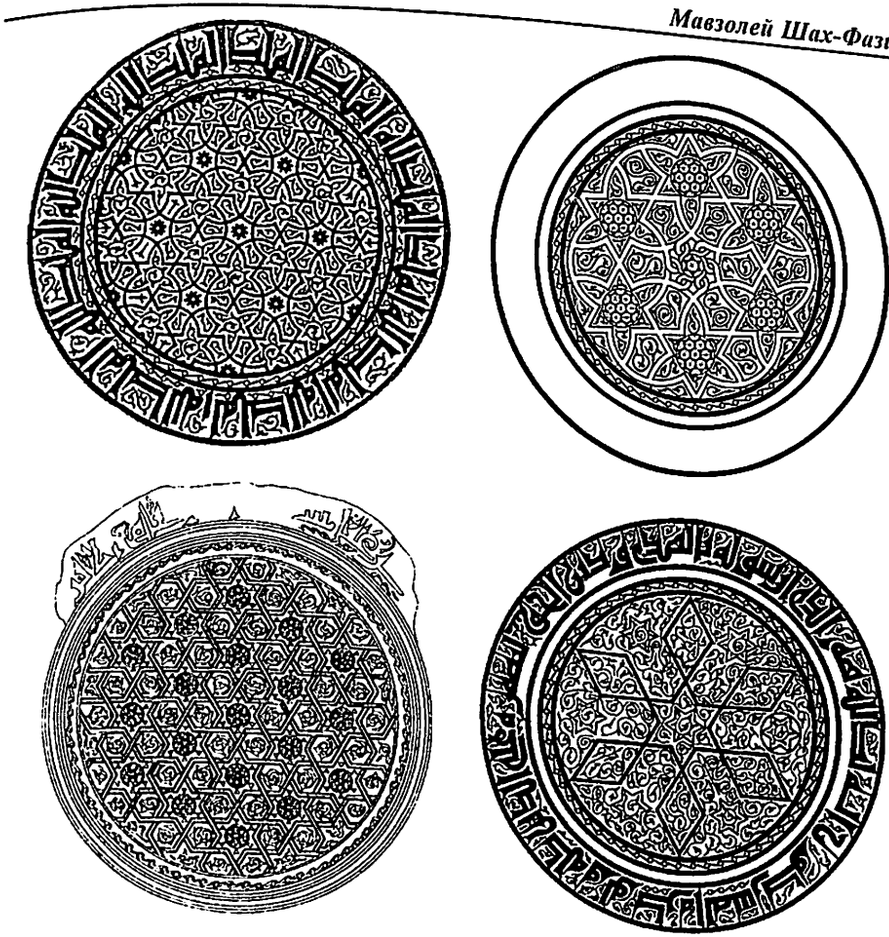

Медальон с навершием
Юго-западного углового паруса интерьера мавзолея Шах-Фазиль

Широкий пояс состоит из 16 крупных квадратных панно, беспрерывно огибающих стены, посредством перегибающихся в углах панно. Каждое панно состоит из медальонов в виде квадрата с полукружиями по сторонам, поставленного на угол, в центре которого размещена орнаментальная круглая розетка. Фоном для медальонов служит густая резьба в графической манере в виде спиралей, стеблей, листьев.

Шестнадцать круглых розеток можно подразделить на две группы: восемь из них сделаны в рельефной резьбе с надписями по кругу, а восемь – в графической резьбе с гладкими кольцами по кругу без надписей.

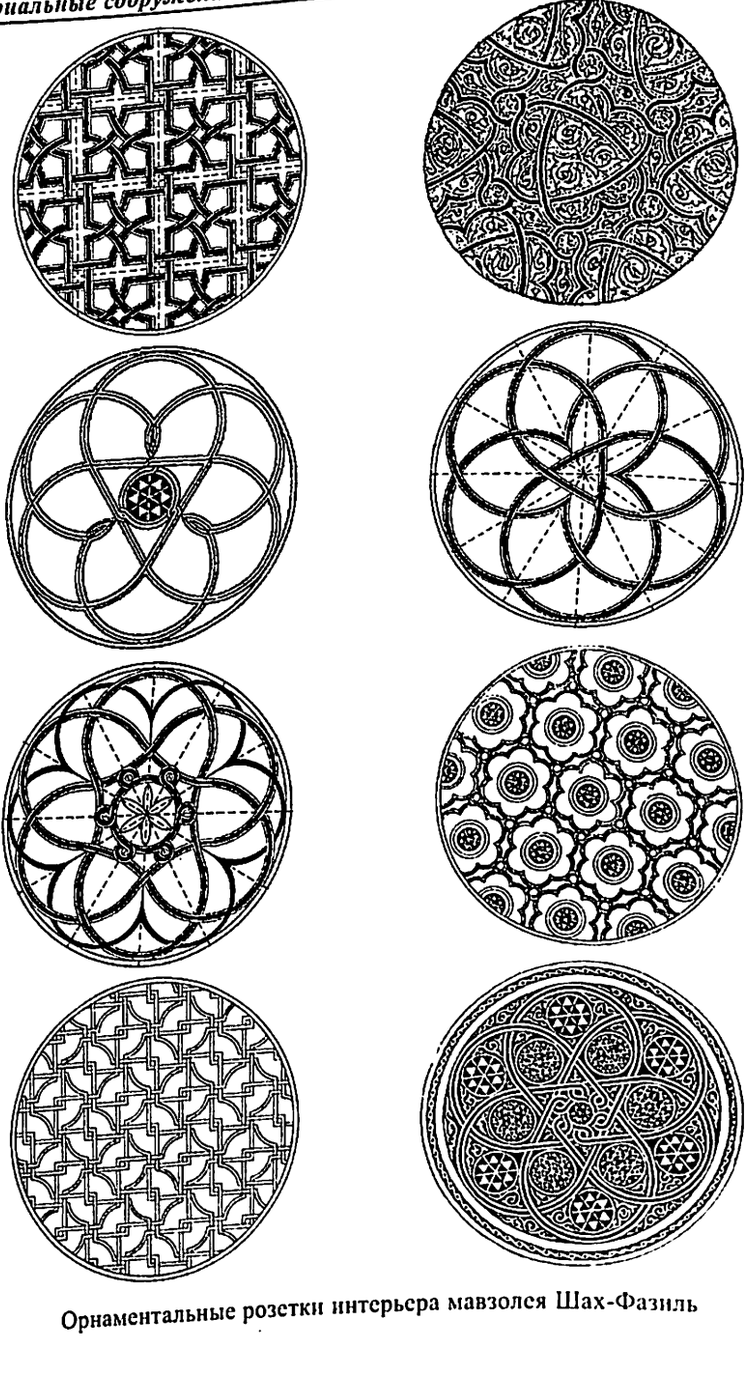
Композиция розеток выполнена в виде широких лент из трех полос, подкрашенных белой (по краям) и голубой (в центре) красками. В рельефных

Розетки широкого орнаментального пояса

розетках размещены орнаментальные геометрические мотивы на фоне мелких завитков и листьев.

Четверик стен завершает большой фриз шириной 68 см с выпуклой надписью. Фриз ограничен с двух сторон – небольшой полочкой в нижней части и крупным прямоугольным выступом в верхней части, служащей основанием яруса парусов. Буквы надписи расположены свободно с крупным овальным рельефом. Фон букв еще больше подчеркивает начертания букв и состоит из маленьких розеточек и мелких спиралевидных завитков с листьями.

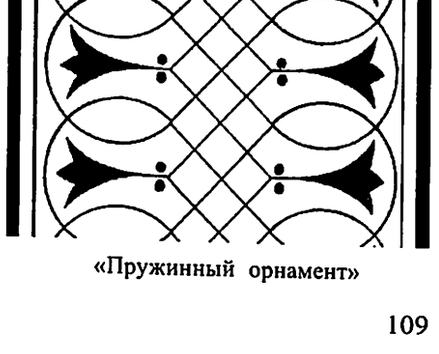
Орнаментальные розетки интерьера мавзолея Шах-Фазиль

Верхний выступ фриза оформлен в виде бордюра, который на каждой стороне имеет свой рисунок. Резьба этих бордюров отличается сложностью рисунка и тщательностью резьбы мелкого масштаба.

Ярус парусов особенно выделяется в интерьере своей архитектоникой, крупными размерами, разнообразным сочетанием кривых плоскостей. Арки выполнены двумя уступами, первая из которых имеет форму фестончатой. Форма арок при размерах у основания 3 и высоте 2,62 м вписывается в равносторонний треугольник. Сами арки имеют вытянутые стрельчатые очертания и двухцентровое построение. Стройность арок подчеркивают фестоны и бордюры. Среди бордюров отличается пояс с так называемым «пружинным орнаментом» на полуарках в пазухах парусов, разделяющих их на две части. Тимпаны арок оконтурены бордюром из пересекающихся полуокружностей. В углах тимпанов размещены круглые розетки с насыщенной рельефной резьбой. Сегменты угловых парусов также обведены фестонами, вырезанными в виде трех раскрашенных полос в линейной технике. В центре сегментов парусов размещены фигуры, состоящие из круглого медальона с навершием, увенчанным завитками и заостренным квадратом с полумесяцем.

В арочных нишах яруса парусов на белом гладком штукатурном фоне размещены самые крупные четыре розетки с надписями по кругу. Три розетки имеют геометрический мотив, построенный на осях шестигранника. Мотив орнамента четвертой построен по системе переплетающихся квадратов, сдвинутых по диагонали и соединенных между собой дугами.

Завершает ярус парусов восьмигранная полоса с непрерывной куфической надписью в манере «изящного куфи». Верхние части букв в одних местах переплетаются в узлы, в других местах превращаются в завитки из листьев или имеют остро закругленные концы, т.е. все они развиваются в растительные элементы.

«Пружинный орнамент»

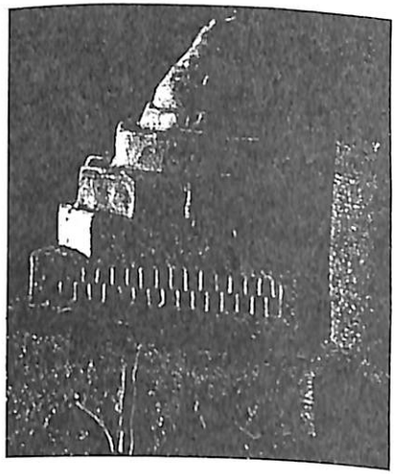
Сохранившаяся в нижних частях купола штукатурка с резьбой дает достаточное представление о декоре купола. Восемь орнаментальных поясов начинались в углах восьмигранника с надписью, затем раздваивались и, по-видимому, переплетались в верхней части купола, образуя звездчатую фигуру. Стрельчатые сегменты на куполах, наподобие таких же элементов в парусах, обведены фестончатой аркой в технике графической резьбы. В этих арках размещены круглые розетки, обведенные по кругу такими же фестончатыми поясками.

Орнаментальные пояса, разделяющие поверхность купола на сегменты, арки и звездчатую фигуру, выполнены рельефно и выступают из плоскости купола на 3-4 см. Резьба на ней также рельефная, мотив – растительный.

Для общей характеристики памятника дополним кратко о его внешней форме, также необычной для данного региона. Необычность объема мавзолея заключается в трехступенчатом срезе внешних углов яруса парусов. Если смотреть в разрезе, то срез угла на фасаде расположен на отметке около 70 см выше пят арок яруса парусов. Появившееся утолщение стены на этом уровне хорошо гасит распор от купола и арок парусов.

Мазар Шир-Кабир. IX-X вв.
/Туркмения/

Мавзолей-мечеть в Ал-Дхале.
/Йемен/. IX–X вв.

Внешняя восьмигранная призма на отметке 9,3 м посредством уступа переходит в основание купола, которое также расположено выше восьмигранного фриза в интерьере. На высоте 1,25 м от основания купол имеет один уступ шириной 26 см.

Подчеркнутое оформление на фасадах углов парусных арок в виде постепенного трехступенчатого среза выделяет Шах-Фазиль среди других памятников. Например, в мавзолее Рубахад (XIV в.) в Самарканде ярус парусов на фасаде оформлен в виде правильного восьмигранника, поставленного с уступом на стенах четверика. В мазаре Шир-Кабир (Машад, IX-X вв.), внешними формами отдаленно напоминающем мавзолей Шах-Фазиль своими чуть наклоненными вовнутрь стенами, ярус парусов снаружи также оформлен в виде восьмигранной призмы.

Сходство подкупольной части фасадов мы находим в мавзолее-мечети (IX-X вв.) в Ал-Дхале, близ Адена в Йемене. Здесь четверик стен обведен арочным айваном, но подкупольная часть в виде гладкой поверхности с четырех сторон восьмигранника чередуется с трехступенчатым срезом в углах, где расположены паруса купола.

Сходство отдельных форм архитектуры на памятниках, столь далеко удаленных друг от друга, говорит скорее не о каком-либо заимствовании или традициях, а о глубоко местных причинах возникновения таких форм.

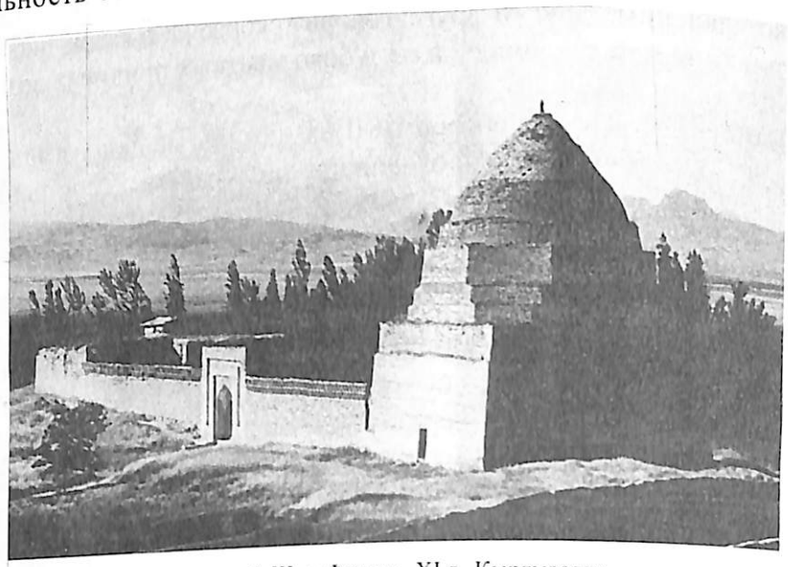
Необычность внешней формы Шах-Фазиля, на наш взгляд, дополняло и наличие светового фонаря над куполом. Еще раньше такую мысль высказал Б.Н.Засыпкин /74/. Такое предположение основывается на условиях восприятия внутреннего пространства мавзолея. Два небольших проема по сторонам центрального входа с северного фасада вряд ли давали достаточное освещение интерьера, художественный облик которого был явно рассчитан на произведение эффекта на посетителей. Такое эффектное освещение возможно только при верхнем освещении.

Как отмечалось выше, верхняя часть купола деформирована и переложена при поздних ремонтах крупноразмерным кирпичом. Относительно трех проемов на северном фасаде можно сказать следующее. Входом в помещение служил изначально централь-

ный проем, который шире и выше, чем те, что по сторонам от него. В настоящее время он зарешечен современной решеткой с деревянной перемычкой поверх проема также позднего заложения. Этот проем в древности, по-видимому, имел арочное очертание. Боковые проемы небольших размеров служили как световые и были зарешечены.

На углах северного фасада просматривается вертикальный пояс, выложенный парами кирпичей – длинные торцы пары кирпичей перемещаются поставленными поперек двумя парами коротких кирпичей. Наличие этого ограничивающего пояса говорит о том, что углы северного фасада мавзолея в древности фланкировали трехчетвертные колонны, поддерживающие фриз, размещенный на верхнем уступе четверика, хотя поздние ремонтные заклады и штукатурки не дают однозначного ответа.

Итак, композиционная структура памятника представляла собой центрально-купольный объем, довольно распространенный в Средней Азии. Необычность подчеркивалась трехступенчатым срезом внешних углов яруса парусов, чем достигалась монументальность облика и вытянутость объема ввысь, чему еще более

Мавзолей Шах-Фазиль. XI в. Кыргызстан

способствовало наличие (возможное) купольного светового фонаря на самом куполе мавзолея.

Сложная конструкция светового фонаря могла быть причиной разрушения верха купола, который был неоднократно переложен. В остальном же здание сохранилось довольно хорошо для сооружения XI в., что говорит о правильно рассчитанных конструкциях.

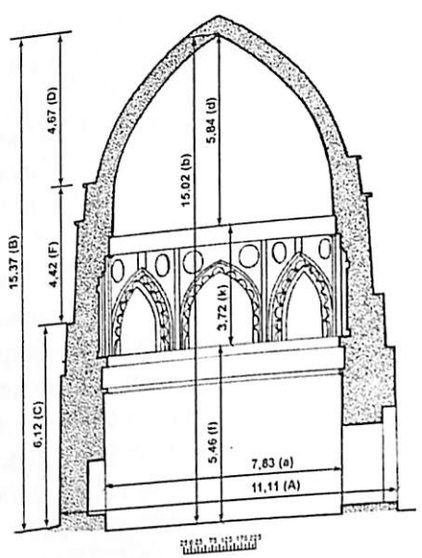
У исследователей мавзолея Шах-Фазиль нет единого мнения о дате его строительства. В своих начальных работах Б.Н.Засыпкин датировал мавзолей не позднее первой половины XIIIв. Затем он пересмотрел свою точку зрения и считал XI в. наиболее правильным в определении даты строительства /75/. Б.П.Денике называет рубеж XII и XIII вв. /76/, А.Н.Бернштам относит дату к концу XIII – началу XIV вв. /77/. Он основывал эту датировку тем, что Джамал Карши, писавший об Испид Булане в 1282 г., не упоминает ни о мавзолее, ни о культе Шах-Фазиля. Архитектор В.Е.Нусов, неоднократно изучавший памятник, датировал его XI-XII вв. /78/. В.Д.Горячева по аналогиям эпиграфических надписей считает XII в. наиболее приемлемой датой строительства /79/, остальные авторы используют данные вышеназванных публикаций.

Разновременный характер построек вокруг мавзолея Шах-Фазиль также затрудняет выяснение даты его строительства. Мавзолей построен в комплексе сооружений, состоящих из высокой кирпичной ограды, примыкающей с севера к западной стене мавзолея, и имеющих в центре портально-купольное проходное помещение, а также кирпично-каркасных построек с айванами из резных деревянных колонн. Одно из помещений связывают с могилой 2700 воинов ислама, погибших якобы на этом месте в битве за веру, а другое – считают могилой легендарной женщины Сафид Булан.

Мавзолей Шах-Фазиль, соединенный кирпичной оградой с декоративной решеткой, с проходным помещением, с постройками, с вышеназванными могилами, образует замкнутый двор, раскрытый на восток, где расположено древнее кладбище. Во дворе имеется несколько надгробий в виде сагана. На некоторых сагана лежат черные камни-кайраки. Кайраки Шах-Фазиля подробно описаны /80/ и сообщают о погребенных жителях Сафид Булана. Хотя кайраки и не проясняют дату строительства мавзолея (они могли быть

принесены сюда и раньше, и позже), зато они являются свидетельством, что в XI-XII вв. здесь уже было кладбище с мазаром (почитаемой могилой). Сами по себе эти кайраки являются отпечатками доисламских тюркских культовых традиций. Эта древнейшая традиция тюрков продолжает существовать долгое время и после принятия ислама у народов Средней Азии.

Существование древнего поселения на месте комплекса Шах-Фазиль в IX-XV вв., а также формирование здесь мест поклонения мусульманами /81/ являются примечательными с точки зрения неслучайности появления мавзолея Шах-Фазиль в этом месте. Остатки монументальных построек VIII-IX вв. говорят о еще более древнем периоде функционирования этого поселения, тесно связанного с территориями, издревле заселенными тюрками.

B:A = 1,38:1	a:b = 1:1,92
C:B = 1:2,51	f:b = 1:2,75
C:D = 1,31:1	k:f = 1:1,47
D:B = 1:3,29	k:d = 1:1,57
C+F=A	f = d-0,38
C«A	f:a = 1:1,43

Мавзолей Шах-Фазиль. Разрез.

По мнению Б.Н.Засыпкина, наименование Шах-Фазиль, подобно Шахи-Зинда, не является собственным именем, а есть собирательное значение прозвища Шах Фазиль как мифического покровителя земледелия, плодородия, ставшего культом для поклонения /82/.

Поскольку наиболее интенсивный уровень культурного слоя городища относится к X-XI вв., к периоду, когда ислам уже давно стал религией тюрков /83/, вторая половина XI в., по нашему мнению, является наиболее вероятной датой сооружения мавзолея Шах-Фазиль.

Для обоснования этой датировки вернемся к анализу мавзолея Шах-Фазиль, его архитектуре, декору. Большинство исследователей мавзолея Шах-Фазиль отмечают необычность как его внешнего облика, так и внутреннего убранства.

При описании фасадов мавзолея мы уже обратили внимание на особенность внешней формы яруса парусов в виде трехступенчатого среза углов четверика, не встречаемого в других памятниках. Эту особенность мы считаем рудиментом (т.е. остаточным явлением) центрической композиции. В X-XI вв., когда формировались классические типы портально-купольных мавзолеев, а центрические еще не исчерпали своих возможностей, в силу чего древние зодчие вели поиски различных форм. В случае с мавзолеем Шах-Фазиль, по-видимому, имелись в виду и конструктивные, и художественные причины. В разрезе мавзолея видно, что утолщения стен в углах поднимаются выше яруса парусов и основания купола, т.е. в местах, наиболее подверженных усилиям распора. С другой стороны, срезанные углы четверика уменьшают массу стены в верхней части и тем самым увеличивают ее прочность.

С художественной точки зрения, горизонтальные членения объемов мавзолея (на уровне четверика, яруса парусов, купола) создают ритмический ряд, способствующий зрительно разнообразить и несколько облегчить суровый, монументальный внешний облик памятника.

Особенный интерес исследователей вызывает декор интерьера мавзолея Шах-Фазиль. По выражению Б.П.Денике, «Во всей Средней Азии нет другого памятника из числа уцелевших на поверхности земли, где так широко была бы применена резьба по стуку...» /84/. Энциклопедией орнаментов назвал резьбу по ганчу в мавзолее Шах-Фазиль Л.И.Ремпель /85/.

Резной ганч. Шах-Фазиль. XI в.

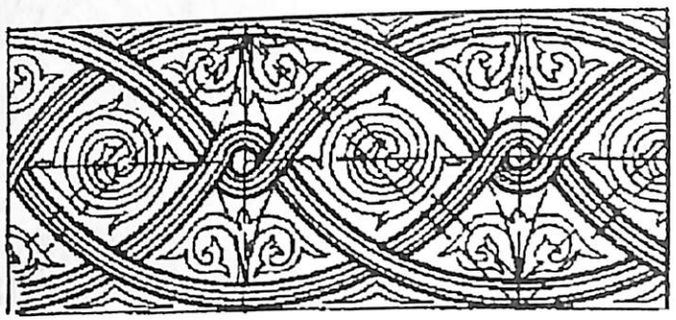

Резной ганч. Афрфснаб. X в.

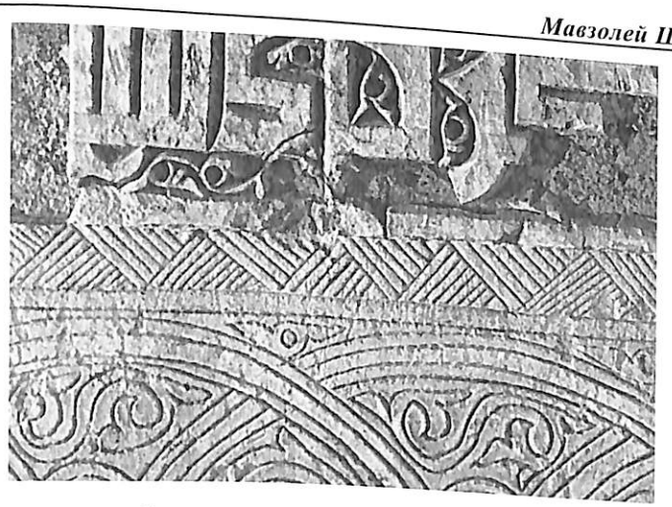
Как было отмечено выше, орнаментальные композиции покрывают все плоскости стен мавзолея, от пола до верха купола. В пространстве интерьера главное положение, как и на фасадах, занимает купол. Это главенствующее положение купола подчеркнуто системой членений поверхностей интерьера, где орнаментально усилены конструктивные части сооружения – четверик, ярус парусов, восьмигранный барабан купола, которые выделяются на фоне второстепенных, не тектоничных плоскостей. Устремление купола вверх усиливали легкие орнаментальные пояски в виде каркаса из раздваивающихся и затем переплетающихся лент, покрывающих купол.

Несмотря на то, что все исследователи сходятся на определении отсутствия аналогий орнаментам мавзолея Шах-Фазиль в памятниках Средней Азии, Ирана и т.д., мы попытаемся с целью уточнения датировки все же привести примеры отдельных аналогий в орнаменте, а также найти объяснение истокам техники резьбы, примененной здесь.

Первое, что хотелось бы отметить, характеризуя интерьер Шах-Фазиля – это единство стиля. Оно складывается на основе слияния в

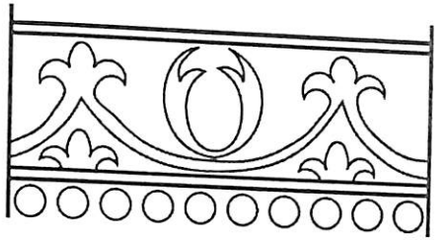
Резной ганч. Бордюр панели. Шах-Фазиль. XI в.

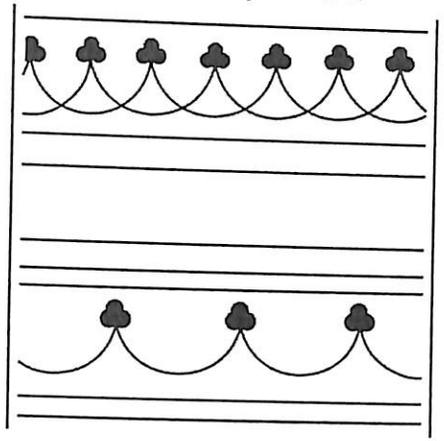
Бордюр панели. Шах-Фазиль. XI в.

нем разных составляющих источников. Двухъярусность композиции стены четверика, разбивка на фигурные рамы, крупные розетки и медальоны характерны для старого времени – VI-VIII вв. /86/. Но они сочетаются с ранними проявлениями гирихов и соподчинением растительных форм очертаниям геометрического узора панелей, розеток, медальонов.

Композиционную основу розеток, медальонов, бордюров мавзолея составляют преобладающие ленточные полосы и плетения в виде трехполосной линии, центральная полоска которой, как правило, окрашена в белый или голубой цвет. В строгом подчинении по отношению к ним находятся листья, веточки, завитки, бутоны.

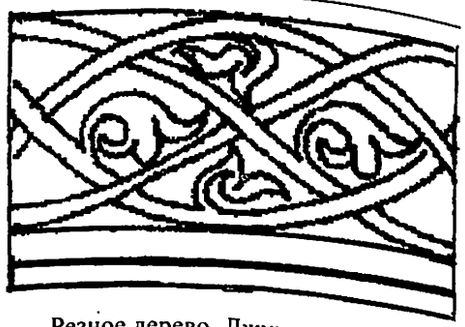
Бордюр дастархана. X в.

Бордюры архивольта
Шах-Фазиль. XI в.

Орнамент очажка. XI в.

Резное дерево. Джума-мечеть. Хива, X–XI вв.

Общий художественный эффект плоскостей интерьера основан на сочетании в композиции различных фигур в виде гладких белых пятен, ровных поверхностей графической резьбы, поясов с надписями и фоном из графической резьбы, круглых розеток и бордюра с рельефной резьбой и т.д.

Вся орнаментация мавзолея выполнена в двух техниках – графической и рельефной резьбы. Разбивка графической резьбы проводилась прямо на ганчевой поверхности, где сразу же за прочерченными линиями производилась резьба орнамента на стене под острым углом в два хода специальным резцом на глубину до 4 мм.

Приемы рельефной резьбы заключались в наиболее распространенном косом срезе, прямом срезе с выемкой фона и гладким рельефом и в двойных лентах с косыми срезами. Графическая плоскостная резьба мавзолея Шах-Фазиль, по мнению Б.П. Денике /87/, по своей технике тесно связана с техникой резьбы или гравировки по металлу. Аналогом же резьбы мавзолея Шах-Фазиль в графической технике он видит графическую резьбу (но другую, более монументального типа), открытую в 1925 г. в михрабе на Афрасиабе (X в.).

В декоративном убранстве мавзолея Шах-Фазиль довольно широко использованы фестончатые формы. Это и объемные фестоны арок яруса парусов, это и фестончатые обрамления в виде резьбы пазух угловых парусов, это обрамления крупных розеток и вертикальных поясов в виде фестонов на куполе и др.

Среди памятников Средней Азии, имеющих архитектурную форму в виде фестончатой арки, большинство относится к раннему средневековью. К ним относятся знаменитые михрабы мечетей в Искодаре (IX в.), Мешхеди и Мисриане (X в.), Аште (X в.), мавзолей Араб-Ата в Тиме (X в.). Самым интересным для нас является тот факт, что два выдающихся памятника архитектуры Кыргызстана XI века – Узгенский Средний мавзолей и караван-сарай Таш-Рабат имеют в своем декоре мотив фестончатой арки. Мы считаем, что очень важным слагаемым в это число памятников XI в. входит мавзолей Шах-Фазиль.

По мнению Г.А.Пугаченковой, фестончатое оформление арочек в архитектуре Средней Азии возникло не без влияния арабских архитектурно-декоративных приемов /88/. Мотив фестончатых обрамлений входит в оформление жилых домов Самарры (IX в.) /89/. Фестончатое обрамление имеет аркатура Большой мечети в Кордове (VIII-IX вв.) /90/. Арка свода мечети Кубба Баадийин (VIII в.) в Марракеше /91/ выполнена в виде фестончатого очертания. И наконец, арочные проемы зала Большой мечети в Алжире (1096 г.) имеют фестончатый профиль.

Общеизвестно, что керамические изделия в виде дастарханов и очажков, бытовавшие в IX-XI вв. в Средней Азии, изображали декоративное убранство архитектурных сооружений, которые брались мастерами из окружающей их действительности. На одном из них мы видим старый мотив фигурного венчания стен в виде полукруглых волнистых линий с трилистником /92/. Схожий мотив

Резной ганч. Шах-Фазиль. XI в.

Резной ганч. Хульбук. X–XI в.

расположен на бордюре архивольта парусных арок. Другой очажок венчает мотив широко распространенных в X-XI вв. треугольников, состоящих из линий /93/. Схожий мотив отделяет пояс панелей от декоративной надписи в интерьере Шах-Фазиля. Поясок на стволе резной колонны Джума-мечети в Хиве /94/ (X-XI вв.) напоминает бордюр нижних панелей мавзолея Шах-Фазиль. И наконец, широко распространенный мотив рельефной резьбы в виде треугольников на шестиугольной сетке в розетках, медальонах, бордюрах Шах-Фазиля имеется на фрагменте резного ганча из дворца в Хульбуке (X-XI вв.) /95/.

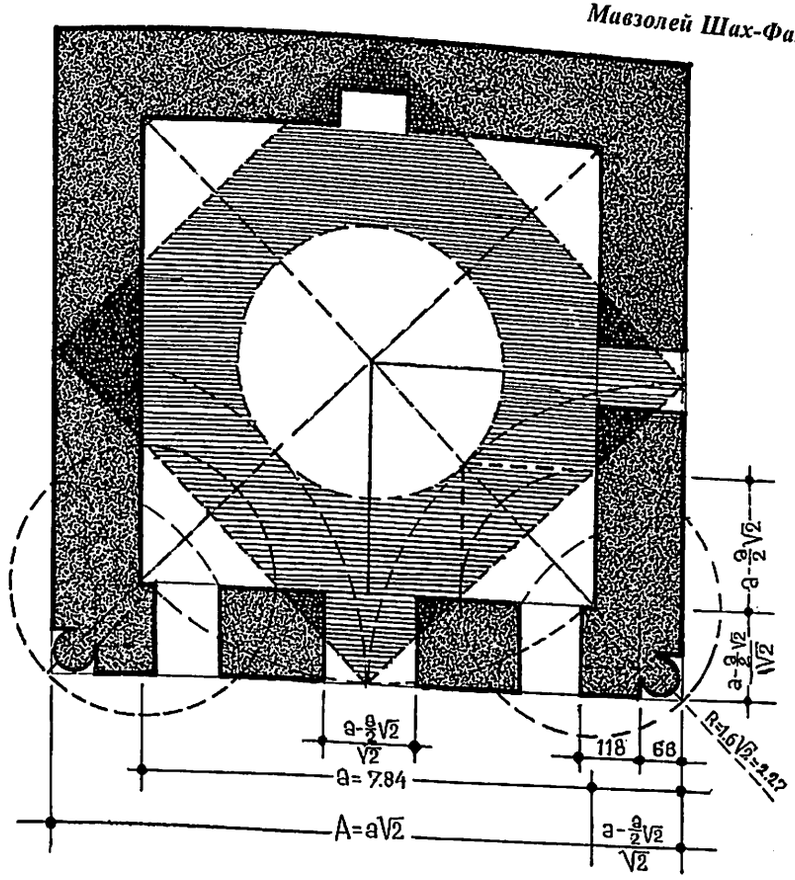
Итак, стилистически композиции узора поверхностей интерьера мавзолея Шах-Фазиль принадлежат раннему средневековью. Это достаточно убедительно видно из вышеперечисленных примеров. К этому следует добавить, что гирихи мавзолея Шах-Фазиль, размещенные в медальонах и розетках, самобытны, что однозначно говорит о местном их генезисе, они не встречены пока на других памятниках. В то же время они еще не приобрели той сложности построений, которую мы видим на Северном и Южном Узгенских мавзолеях, следовательно, и это является аргументом к тому, что Шах-Фазиль построен раньше XII в.

Эпиграфические надписи мавзолея Шах-Фазиль так же самобытны, как и архитектурный декор. Они гармонично вписаны в общую канву архитектурно-художественного решения. Из огромного числа эпиграфических надписей на памятниках Среднего Востока некоторое сходство в начертании букв можно видеть на фризе с ганчевой резьбой г. Савэ (Иран, XI в.) и надписи над первым ярусом (панели) мавзолея Шах-Фазиль.

К сожалению, надписи сохранились фрагментарно, из-за чего затруднена их расшифровка. М.Е. Массоном переведены лишь отдельные слова в большой горизонтальной куфической надписи под ярусом парусов – «шахид», «ханака», «сарай», а также религиозный текст: «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед посланник его» /96/.

Надписи вокруг розеток выполнены также в почерке «куфи» и содержат коранические тексты.

Мавзолей Шах-Фазиль, как и другие памятники Кыргызстана X-XII вв., несомненно, имеет пропорциональные соотношения. Об

Мавзолей Шах-Фазиль. План. Анализ пропорций

этом можно судить по плану мавзолея, где сторона квадрата интерьера с размером 7,84 м имеет диагональ, равную 7,84x√2=11,06 м, т.е. длина равна стороне квадрата внешнего контура стен. Размеры кирпича, из которого сложен памятник, имеют пропорции отношения половины основания к высоте равностороннего треугольника: 15,6 см x √3 = 27 см.

Знакомство с этим памятником, анализ его композиции, конструктивных приемов и орнаментально-декоративного оформления, дающих полное право считать его одним из выдающихся памятников архитектуры и орнаментального искусства, наводит на мысль, что это не случайное явление в архитектуре Кыргызстана.

Мы уже упоминали выше о сложении в этом месте древнего культа Шах-Фазиля. Вполне может соответствовать действительности и легенда о гибели 2700 воинов ислама, если ее исторически связать с завоеванием Ферганы Кутейбой ибн Муслимом в 713-715 гг., о чем сообщает В.В.Бартольд /97/. Возможно, именно здесь, на месте древнего культа, и произошла битва, на котором позже, в X-XI вв., мусульманское духовенство создало легендарного Шах-Фазиля и миф о белой женщине, о чем свидетельствует древнее и большое по размерам кладбище рядом с мавзолеем.

Исторически эти события соответствуют времени усиленного принятия ислама тюркоязычными кочевыми племенами северных районов Ферганы. К этому времени тюркоязычное население Семиречья, принявшее ислам еще раньше, имело мощную государственную структуру в лице династии караханидов. Расцвет феодального хозяйства, экономики, культуры получил большое развитие с приходом к власти именно этой династии. В конце X в. владения караханидов распространились на весь Мавераннахр. При караханидах оформилась «икта» – форма предоставления земель феодалам и «ильджа» – отдача крестьянами своей земли и себя под власть тех же феодалов. Результатом этой системы явился еще больший расцвет товарного производства, международной торговли, обмена, вызвавших новый рост ремесленного производства в городах и сельской местности.

Именно в условиях ремесленного объединения труда накапливался и обобщался опыт мастеров и зодчих, в котором совершенствовались все стороны архитектуры, начиная от конструкторско-технических и композиционных приемов и кончая вопросами художественного творчества. Именно в этой непрерывной творческой и практической деятельности формируются эстетические взгляды народа на архитектуру, искусство.

Рассматриваемый период очень важен для понимания архитектуры Кыргызстана X-XII вв. Города караханидов этого периода были центрами сосредоточения культуры, искусства, архитектуры. Это особенно касается столичных городов – Баласагуна, Узгена. В X-XI вв. города Баласагун, Кашгар, Барсхан, Тараз становятся восточным форпостом мусульманской учености. Здесь можно было получить глубо-

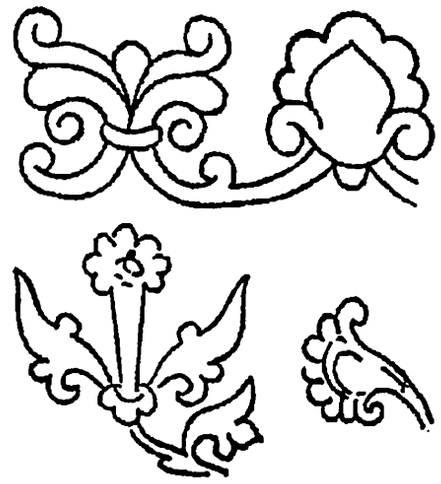
кие знания по математике, астрономии, медицине и т.д. В Баласагуне была создана первая тюркоязычная поэма «Кудатгу билик» Жусупом Баласагыном, где отражены местные тюркские традиции, имеются рассуждения о людях разных профессий, в том числе о строителях.

Высокоразвитые архитектурно-художественные традиции, оставшиеся от этих городов, мы видим на примерах многочисленных архитектурных сооружений, сохранившихся в виде археологических данных. Жилища городов Семиречья, их культовые постройки, общественные здания VII-IX вв. создали предпосылки к появлению архитектуры караханидов X-XII вв.

Северные области Ферганы издревле тяготели к Семиречью, Тянь-Шаню. Об этом свидетельствуют древние погребальные сооружения мугхона, стоящие особняком в архитектуре Ферганы того периода. Правители Северной Ферганы, с их главными городами Ахсыкетом и Касаном, в этот период вели самостоятельное правление и подчинялись только столице караханидов – Баласагуну /98/. Отсюда вполне реально, что возведением мавзолея Шах-Фазиль, как, впрочем, и других сооружений Ферганы и Мавераннахра, занимались строители Баласагуна, Тараза и других мест Семиречья.

Как было сказано выше, архитектура Шах-Фазиля, его декор не имели ничего общего с архитектурой Мавераннахра, тем более Хорасана, если не считать некоторых орнаментальных мотивов, являющихся общими в ареале исламского искусства и позволяющих уточнить дату возведения мавзолея.

Имея на примере мавзолея Шах-Фазиль памятник с такими развитыми архитектурно-художественными качествами, можно с уверенностью предположить их возникновение в предшествующую пору и в определенном регионе.

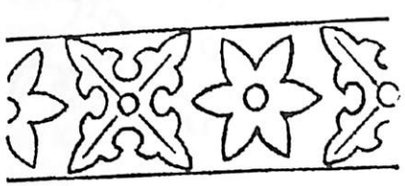
Мотивы хакасского /древнекыргызского/ искусства. Серебряный сосуд. VI–VII вв.

Уже в VI-VIII вв. декоративное искусство, как и архитектура в целом, носило вполне оригинальный и самобытный характер в Согде, Хорезме, Фергане и в Семиречье. В Согде, особенно Фергане, чувствовалась мощная струя степного искусства, связывавшего Среднюю Азию со степями Казахстана, Кыргызстана, Южной Сибири. В этот период, по мнению Л.И.Ремпеля, «ряд мотивов растительного орнамента, имевших, быть может, своим первоисточником древневосточное искусство, особенно земледельческих оазисов юга страны (Мавераннахр), возвращался степными племенами в VI-VIII вв. на юг в преображенном виде. Таковы, в частности, мотивы хакасского (древнекыргызского) искусства, имеющие близкие аналогии в прикладном искусстве Средней Азии, в частности, из Кафыр-Кала под Самаркандом» /99/.

«Наиболее близкими к степной тюрко-кочевнической среде этой эпохи можно признать мотивы стилизованного изображения рогов барана («кочкор»), сливавшиеся часто с мотивом трилистника».

Ученые сходятся во мнении о самобытности интерьера мавзолея Шах-Фазиль, о неповторяемости орнаментальных мотивов и других предшествовавших или одновременных памятниках, о своеобразной, присущей только ему технике графической резьбы. Об особой школе графической резьбы мавзолея Шах-Фазиль делает догадку Л.И.Ремпель: «Возможно, конечно, что в резьбе по ганчу в ту пору существовала уже и особая школа графического рисунка, поскольку такая, несколько обособленно стоящая манера линейного узора наблюдается в архитектурном орнаменте киргизской части Ферганы» /100/.

По нашему мнению, не возможно, а действительно существовала своя, особенная, отличительная от Мавераннахра художественная школа резьбы по ганчу и штукатурке, основы которой заложены в искусстве семиреченских городов VIII-IX вв.

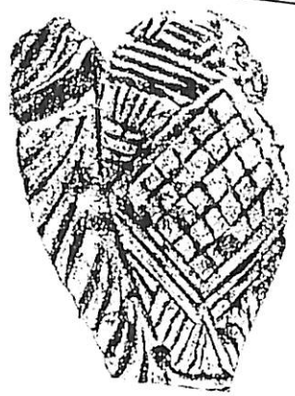
Мотив «кочкор». Резной ганч. Варахша. VIII в.

Раскопками А.Н.Бернштама, П.Н.Кожемяко и других на городищах Чуйской долины выявлено огромное количество архи-

тектурных деталей, фрагментов стен жилища и культовой архитектуры VIII-X вв. с образцами резьбы по ганчу и сырой штукатурке в технике графической и рельефной резьбы. В этом аспекте характерно описание резьбы стены жилого дома в Сарыге (Красная речка, Чуйская долина, VIII-X вв.), сделанное А.Н.Бернштамом: «Сюжет резного орнамента – плавная волнообразная линия с развивающимися концами и восьмилепестковыми розетками. Кроме того, имеются четкие геометрические фигуры в виде шестигранников. В дополнение к резьбе стены были раскрашены черной, синей, желтой и другими красками» /101/.

Данные археологов свидетельствуют о размещении резного декора на стенах ярусами в виде панелей, фризов, медальонов, а также на поверхностях арок и сводов. Техника резьбы на вскрытых образцах довольно разнообразна – от гравировки до глубокого рельефа /102/.

Некоторые фрагменты резной глины и ганча Красноречен-ского городища стилистически похожи на резной ганч Варахши (VIII в.). Однако графическая резьба разной глубины, толщи-

Резная глина. Красная речка. VIII-XI вв.

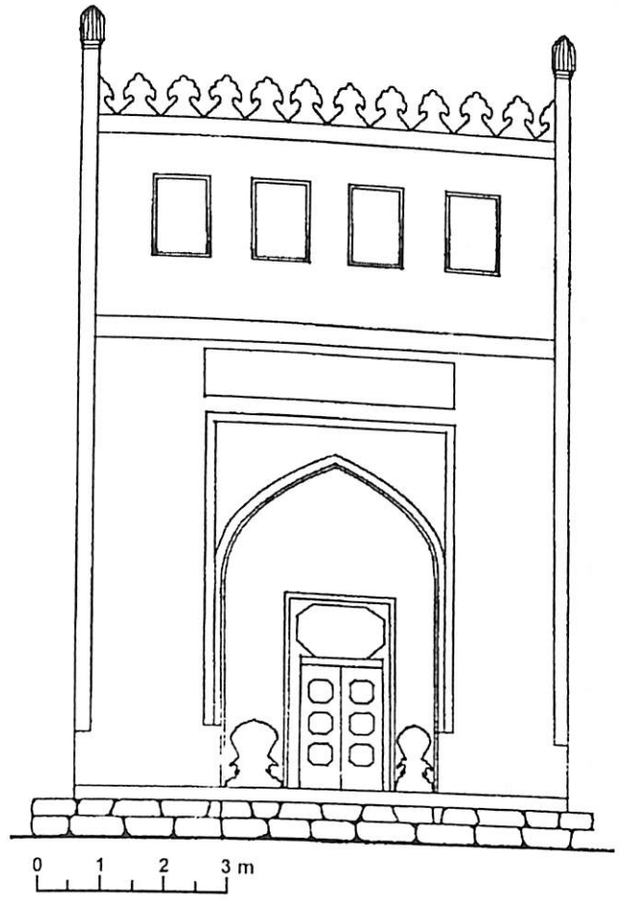
ны и сюжетов остается самобытной, имеющей в своей основе традиции бытовой керамики Семиречья. Традиции этой керамики и их развитие в архитектурный орнамент (терракота) можно видеть в архитектуре буранинских мавзолеев. По мнению А.Н.Бернштама, именно здесь, в городах Чуйской долины, происходил «процесс подготовки архитектурного изразца (неполивного), прошедшего предварительную школу в «изразцовом орнаменте на глиняной посуде». Он же пишет: «Здесь, в междуречье Чу-Талас, этот орнамент получил свое особенное развитие, поскольку здесь формировались силы караханидов, была их столица – город Баласагун» /103/. Реальность подтверждает этот тезис – лучшие образцы неполивной терракоты мы видим на памятниках Баласагуна, Узгена, Тараза, Аксыкета, Папа, Таласа – городов, являвшихся оплотом караханидов.

Из сказанного выше мы вправе предполагать, что мавзолей Шах-Фазиль является памятником северо-туркестанской (семиреченской) архитектурной школы. Его строили мастера из Семиречья, имевшие к этому времени богатый опыт возведения таких выдающихся сооружений, как минарет и мавзолеи Бураны, мавзолей Карахана в Таразе. Эти мастера не изменили высоким традициям и создали неповторимое классическое произведение, отметившее свое направление в искусстве и оставившее след в истории архитектуры.

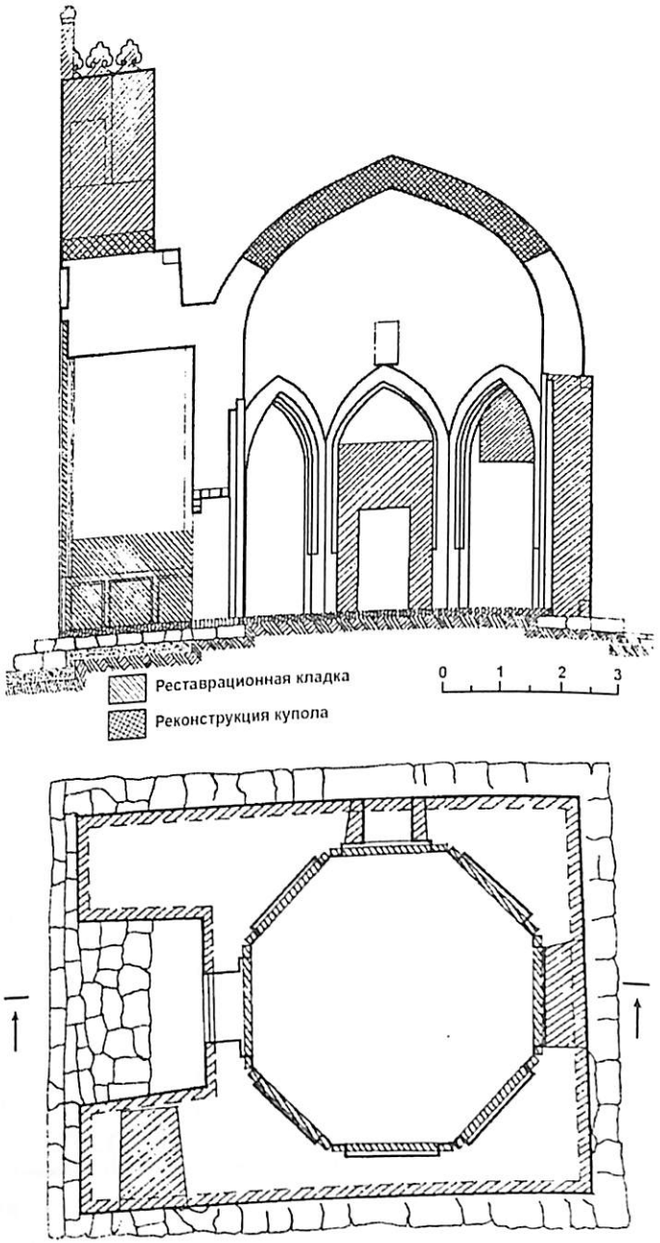
Мавзолей Шах-Фазиль был задуман нарочно противоположным по своему образу с мавзолеями Узгена. Если Узгенские мавзолеи являлись «давлет-хана», т.е. династическими, то мавзолей Шах-Фазиль, напротив, относится к так называемым «суфийским» мавзолеям, как, например, «священная усыпальница» Абу Саида в Мехне (XI в.) или более поздний мавзолей Рухабад в Самарканде. О принадлежности к общине суфиев этого мавзолея говорят и слова «ханака», «шахид» в надписях мавзолея. И наконец, скромный, аскетический внешний образ мавзолея Шах-Фазиль, резко контрастирующий с пышными, парадными порталами Узгенских мавзолеев – это ли не дань суфийским воззрениям, во всем проповедавшим аскетизм заказчиков.

Мавзолей Асаф ибн Бурхия

Ферганская долина представляет собой один из важнейших центров Средней Азии и в прошлом играла немалую роль в ее политической и экономической жизни. Фергана обогатила историю архитектуры не только такими выдающимися памятниками архитектуры, как Узгенский комплекс и мавзолей Шах-Фазиль, но и произведениями монументального зодчества последующих столетий. Это мавзолеи Касана (XIV в.), Ходжа Магыз в Мар-

Мавзолей Асаф ибн Бурхия. Фасад

Мавзолей Асаф ибн Бурхия. Разрез. План

гилане (XVIII в.), Ходжамны в Намангане (XVII в.), расположенные в Узбекистане. В кыргызской части Ферганской долины также известно немало мавзолеев периода XVII-XIX вв., восполняющих пробел в истории зодчества Кыргызстана. Большинство из этих мавзолеев не сохранилось до нашего времени, но имеющаяся о них информация позволяет сделать выводы об архитектуре этого периода.

Среди сохранившихся памятников наиболее интересен мавзолей или мазар (связанная с местными культами усыпальница «святых») Асаф ибн Бурхия в г.Ош, расположенный у северо-восточной стороны Сулайман-Тоо.

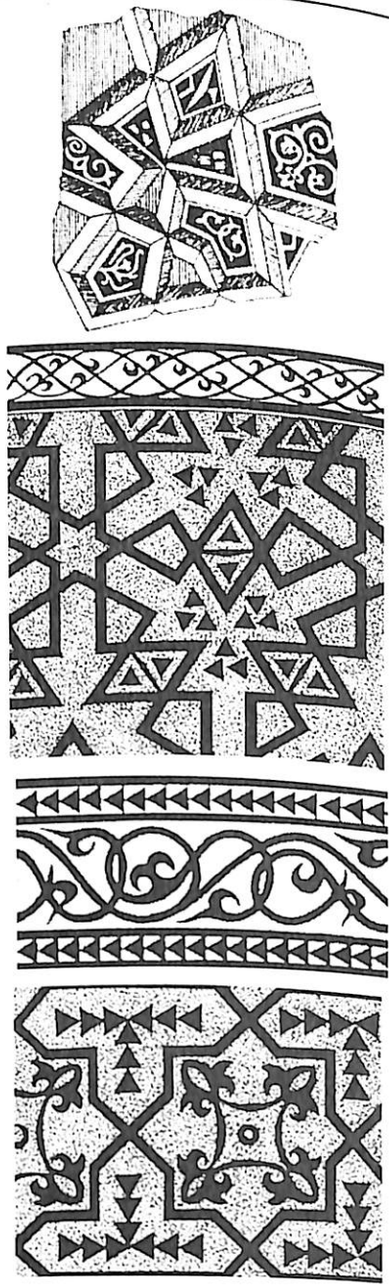
Первое известное упоминание о мавзолее Асаф ибн Бурхия содержится в «Мусульманском сказании о городе Оше», напечатанном в 1885 году в «Туркестанской туземной газете», которую в 1913 году перевел известный краевед Л.А. Зимин, добавив свои впечатления о памятнике, который он сам осмотрел в 1911 году. Интересное описание мавзолея сделал В.Л.Марков в статье «Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства», изданной в 1893 году в «Русском вестнике». Из его описания можно сделать вывод, что мечеть Джами, пристроенная к юго-западному боковому фасаду в начале века, была в виде айвана, без зимнего зала. «Из часовни мутавели повел нас к мечети, стоящей в глубине.

Это обычная галерея на резных колоннах с ярко расписанными потолками и стенами, только просторнее других, ввиду множества богомольцев, собирающихся сюда в некоторые дни» /104/. Из упомянутого сообщения Л.А.Зимина известно, что айван был прямоугольного очертания. «Непосредственно к мазару примыкает мечеть Джами, построенная в виде прямого угла, одна сторона которого начинается от мазара, по словам мулл, построена 5 лет тому назад, а другая сторона, перпендикулярная к первой, на четыре года раньше ее» /105/.

Небольшое упоминание о мавзолее Асаф ибн Бурхия содержится в книге «Архитектурный орнамент Средней Азии» известного советского искусствоведа Б.П.Денике, посетившего Туркестан и, в частности, Ош в 1924 году.

«Число дошедших до нас зданий, украшенных резной терракотой, не так велико, но несомненно, существовал еще ряд сооружений XII-XIII вв. с такой декорацией, так как в различных местах Средней Азии находили резные терракотовые плиты, происходящие из несохранившихся зданий этого типа. Такие плиты и их фрагменты были найдены в Самарканде, Термезе, Узгене, Оше, Грунч-Мазаре, Касане... В Оше при мазаре Яхия-ибн-Бурхайя находились два фрагмента с орнаментом в виде геометрического плетения и обрывками надписи среди растительных побегов» /106/. Как видно из цитируемого материала, Б.П.Денике также считал мавзолей Асаф ибн Бурхия поздним памятником, построенным на месте древнего сооружения XII-XIII вв.

Большая заслуга в изучении мавзолея Асаф ибн Бурхия принадлежит Е.В.Дружининой, многие годы проработавшей в Ошском областном историческом музее научным сотрудником. Она впервые обратила внимание широкой общественности на ценный памятник архитектуры в своей известной публикации «Ош наших предков» в областной газете «Ленинский путь» 11

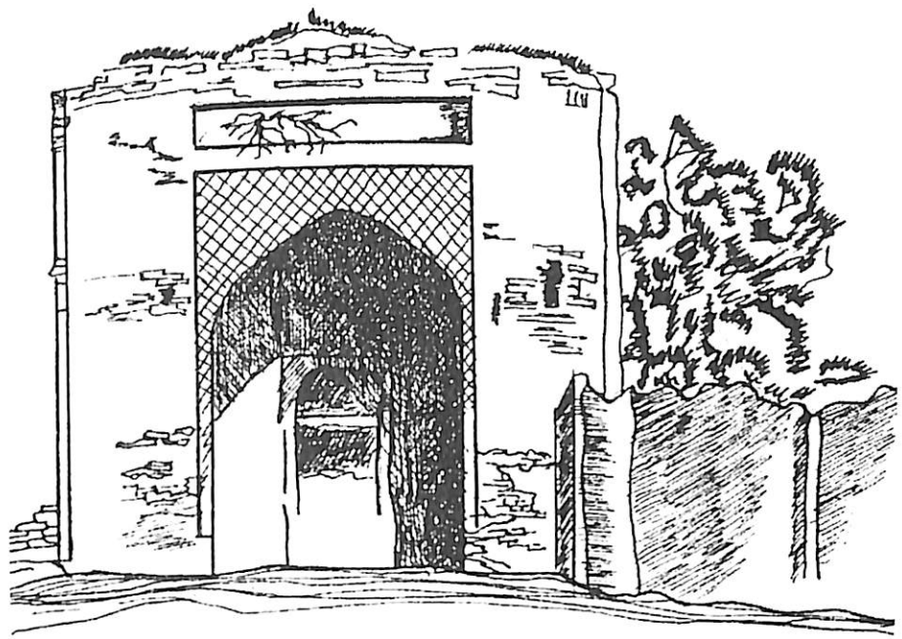
Терракотовые плиты, найденные в разное время в г. Ош

января 1972 года. По описанию Е.В.Дружининой, в айване мечети Джами имелось три ряда колонн (по тринадцать в каждом ряду), имевших резные базы и капители.

Большой архивный материал в виде документов, связанных с мазаром Асаф ибн Бурхия конца прошлого и начала XX в., приведен в книге А.Захаровой «Историко-архитектурное наследие города Ош», изданной в 1997 году.

Натурное изучение мавзолея Асаф ибн Бурхия с целью реставрации было начато в 1980 году специалистами СНРПМ Министерства культуры Кыргызской ССР под руководством автора данной работы.

Мавзолей представляет собой однокамерное портально-купольное сооружение, ориентированное главным фасадом на юго-восток. Внешние размеры памятника 7,49x9,89 м. Высота верха стен четверика от фундамента до верха данданы – 3,75 м. Верхняя отметка купола достигает 7,62 м, а портала – 11 м. Фундамент мавзолея выложен из грубо отесанных блоков известняка на ганчевом растворе. Глубина заложения фундамента – 0,4 м. Пол мав-

Асаф ибн Бурхия. Фасад. До реставрации. 1891 г.

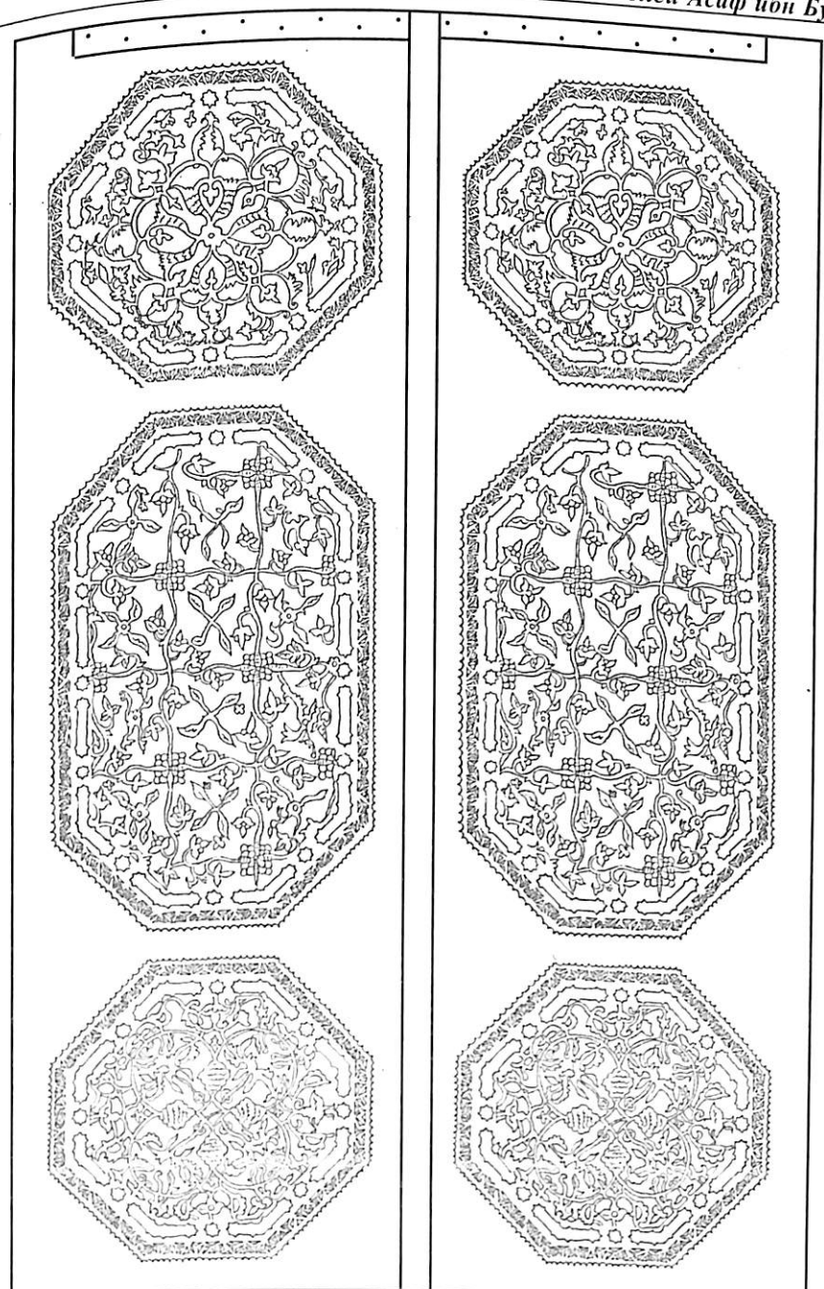
Мавзолей Асаф ибн Бурхия. 1911 г.

золея облицован жженым кирпичом с размерами 28 х 28 х 4,5 см. Камера мавзолея имеет восьмигранное очертание с размерами граней от 2,1 до 2,3 м.

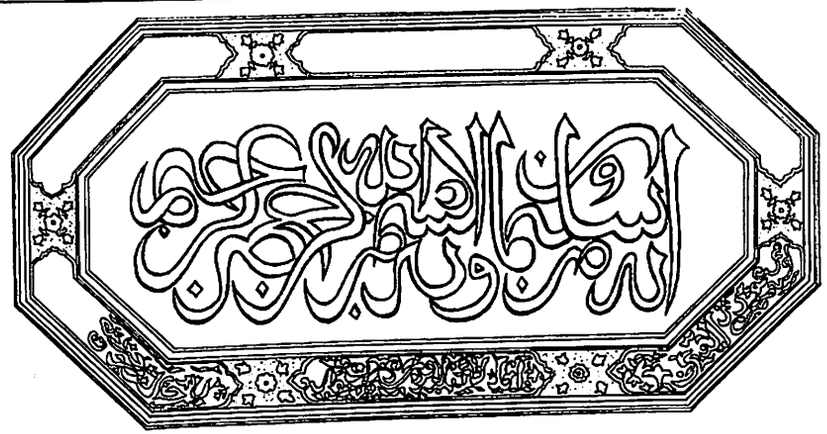
В древности мавзолей имел два проема – основной, в портальной нише главного фасада, и второй, на северо-западном фасаде. Позже в юго-западной стене был пробит еще один дверной проем для входа в мечеть Джами, пристроенную к мавзолею в начале XX в.

Стены интерьера мавзолея оформлены неглубокими нишами с арочным завершением стрельчатого очертания. Отделка стен выполнена в виде гладкой ганчевой штукатурки.

В ходе археологических раскопок под полом мавзолея на отметке 3,6 м обнаружено захоронение, выложенное в виде саганы. Надгробие стоит на древнем кирпичном полу и сделано из кирпича караханидского типа орнаментальной кладкой «в елочку», характерной для XI-XII вв. Раствор кладки – лессовый, также характерный для этого периода. Сагана ориентирована с северо-запада

Асаф ибн Бурхия. Резная дверь. Реконструкция

Панно с надписью

на юго-восток. В полуметре от нижней ступени саганы проходит стена из кирпича XI-XII вв. толщиной 26 см и высотой в 6 рядов. И стена, и сагана уходят под стену северо-западного фасада.

Это обстоятельство дает основание считать, что мавзолей Асаф ибн Бурхия возведен на месте древнего, разрушившегося и из его материалов. Существующий мавзолей был построен недостаточно точно, в результате чего древняя сагана оказалась под его стеной. Древность кирпича мавзолея Асаф ибн Бурхия подтверждается и находками в раскопах вокруг памятника, а также в ремонтных закладках, где была найдена резная терракота XI-XII вв. Итак, все материалы мавзолея Асаф ибн Бурхия относятся к XI-XII вв., за исключением одного глазурованного кирпича, уложенного в ремонтную закладку купола и относящегося к XIV-XV вв.

Первоначальный древний мавзолей разрушился, по всей вероятности, от оползня, так как представить сагану, выполненную в орнаментальной кладке глубоко под землей, невозможно. Остатки древнего пола имеют обмазку из слоя ганча толщиной 4 см. Ганчевая обмазка и состав раствора кладки пола одинаковы, что говорит об одновременности их выполнения.

Расчистка купола памятника показала, что верхняя половина купола переложена при одном из ремонтов. Очертание старой части купола характерно для позднесредневековой архитектуры. Ремонтная часть купола сильно деформирована и сделана в один кирпич. Купол

имеет два окна, выходящие на боковые фасады. Одно из окон, выходящее на северо-западный фасад, имеет перемычку из резной орнаментальной плиты XI в.

Портал мавзолея Асаф ибн Бурхия дошел до нашего времени в плохом состоянии. Верхняя часть портала отсутствовала. Документальные фотографии начала века позволили восстановить первоначальный облик портала мавзолея, представляющий наибольший интерес в трактовке его отдельных форм и пропорций.

На фотографии, являющейся приложением к статье Л.А.Зимина «Мусульманское сказание о городе Оше», выполненной ошским нотариусом П.И.Ульяновым, хорошо видны утраченные части мавзолея Асаф ибн Бурхия.

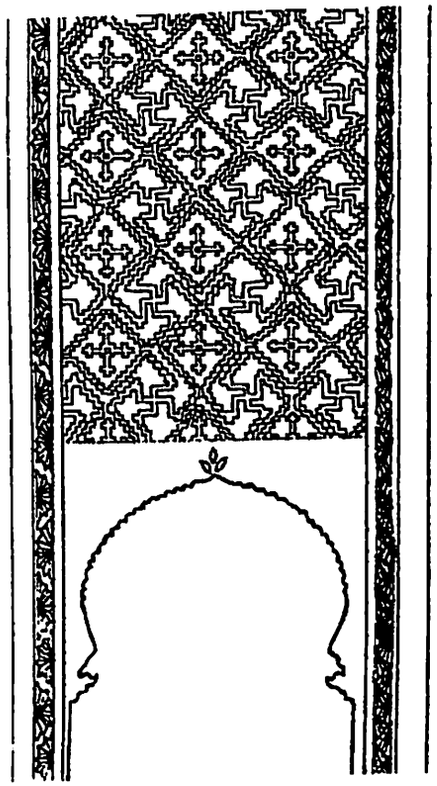
Восстановленный главный фасад мавзолея представляет собой гладкое панно в виде двух пилонов, сливающихся в верхней части и расчлененных нишами различной глубины и фактуры. Традиционная для среднеазиатских порталов глубокая входная арочная ниша выровнена до прямоугольника при помощи слегка западающей поверхности, включающей тимпан и вертикальные стороны входной ниши. Над тимпаном расположена горизонтальная ниша, в которой, несомненно, размещалась мемориальная надпись, содержание которой неизвестно. Верхняя часть портала включает аркаду из четырех прямоугольных сквозных окон, зарешеченных панжарой из ганча. Завершают портал навершия в виде стилизованных трилистников. В углах портала размещены тонкие минаретообразные колонны.

Входная ниша портала мавзолея полностью орнаментирована. Рисунок, масштаб, цветовая гамма орнаментированных плоскостей выполнены мастерами, возводившими мавзолей, с большим вкусом, со знанием архитектоники форм, что выразилось в четком обозначении каждой плоскости ниши.

Одно из полотен резной двери мавзолея было найдено в ремонтной закладке при натурном обследовании памятника. Выполненное из цельного деревянного массива, оно сохранилось хорошо и стало документальной основой для ее воссоздания. Над входом мавзолея расположено панно, обрамленное рельефной ганчевой рамочкой. Из работы Л.А.Зимина известно, что здесь «золотом по синему фону

написан хадис о Сулеймане». В переводе он звучит так: «От Соломона (Сулеймана). Во имя Бога милостивого, милосердного» (Коран, перевод Г.С.Саблукова, 1907, гл. 27, аят 30). Перевод текста выполнен каллиграфом Рахматулло Касымовым в 1985 г.

Щековые стены портальной ниши оформлены в виде панели, образуемой из декоративных стрельчатых арок «даурия поя». Выше панели размещается переходящий в соффит орнамент, представляющий упрощенный вариант сложного гириха. В основе этого орнамента лежит восьмиконечная звезда на квадратной сетке. Рельеф орнамента невысокий, но подчеркивается цветной мозаикой. Такой декоративный прием используется в памятниках позднего средневековья (XVIII-XIX вв.).

Мавзолей Асаф ибн Бурхия.
Орнамент щипцовой стены

Орнамент щипцовой стены, выполненной в такой же технике, представляет известный мотив из геометризованной плетенки двух бесконечно переплетающихся лент в виде диагонально расположенной сетки квадратов, в которых размещены в шахматном порядке фигуры сложных крестов и свастики. Подобный мотив известен на памятниках XIV-XV вв., которые, в свою очередь, являются отголоском кирпичных узоров в архитектурном декоре Средней Азии XI-XII вв.

Обрамление щипцовой стены сделано из каемки в виде трехгранно-выемчатой резьбы «занджира», также широко распространенной в Средней Азии, но в более позднее время (XIX-XX вв.).

Как отмечалось в предыдущем разделе, в Оше в XVIII-

XIX вв. сформировалась своеобразная строительная традиция, выраженная в местной трактовке так называемого «ферганского» портала. Фасады мавзолея Асаф ибн Бурхия повторяют традицию ошских медресе и мечетей, порталы которых выполнены в гладкой монохромной кирпичной фактуре. Отличие портала мавзолея Асаф ибн Бурхия от порталов ошских мечетей и медресе – в наличии в отделке цветной ганчевой мозаики. Но здесь она размещена в строго ограниченном объеме арочной ниши и не выходит на плоскость фасада, что, в свою очередь, повсеместно распространено на порталах этого периода в других районах Ферганы на территории Узбекистана. В качестве примеров можно привести порталы медресе Камол Кази, хазира Дахман-шахон, дворца Худояр-хана в Коканде, портал медресе Гумбаз в Шахристане, портал медресе Мулло-Киргиз в Намангане и др.

Мавзолей
Асаф ибн Бурхия.
Мечеть Джами
/пристройка/. План

Стройные пропорции портала мавзолея Асаф ибн Бурхия, строго ограниченные формы и детали, гладкая кирпичная фактура стен более сближают его с архитектурой мавзолеев, мечетей, медресе Южного Кыргызстана этого периода. Все они вместе, их архитектура, традиции отражают черты местной строительной школы XVII-XX вв., но в которой присутствуют узнаваемые формы «ферганского» портала, сформировавшегося в XVII-XVIII вв.

Мавзолей Идриса Пайгамбара

Популярный среди населения мавзолей Идриса Пайгамбара расположен в с. Джаны Базар Чаткальского района Джалал-Абадской области. Как и все мазары «святых», мавзолей Идриса Пайгамбара и стоящий рядом с ним мавзолей, согласно одной из легенд называемый именем Батмы Зууры окружены вниманием паломников и являются объектом поклонения круглый год.

Мавзолей Идриса Пайгамбара и Батмы Зууры. Чаткальский р-н

Оба мавзолея построены в живописном месте, на горе, откуда открывается панорама долины реки Чаткал. Вместе с расположенным рядом древним кладбищем они составляют мемориальный комплекс. Начало комплекса расположено у дороги, где имеются сооружения для приготовления и приема ритуальной пищи и отдыха. Здесь же имеются источники с родниковой водой, имеющие целебные свойства. Крутая извилистая тропинка, чередуясь со ступенями, ведет на горное плато со сложным рельефом. Контуры мавзолеев Идриса Пайгамбара и Зууры Батмы контрастно выделяются на фоне неба, обозначая завершение одного из высоких холмов плато.

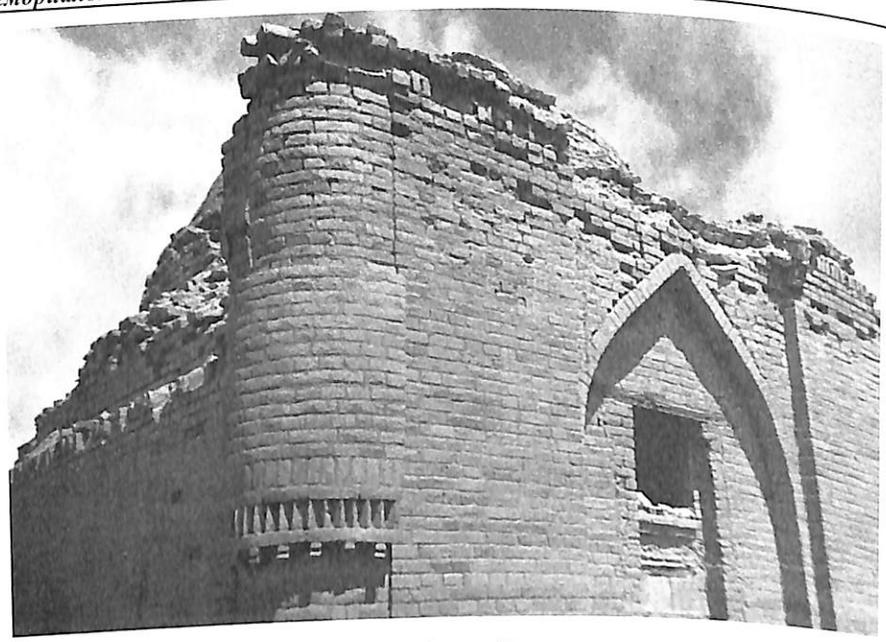
Оба памятника ориентированы фасадами на юго-восток. Расстояние между ними – 10,5 м. Мавзолей Батмы Зууры по своим размерам превосходит стоящий рядом мавзолей Идриса Пайгамбара. Размеры мавзолея по внешнему контуру составляют 7,6 м х 8,5 м. Портально-купольная композиция смотрится необычно за счет закругленных в виде колонн двух торцов портала. Эффект угловых колонн создается за счет округлой формы углов портала. Средняя часть колонн, утолщенная на полкирпича, делит саму колонну на три части. Декоративная кладка из тесанных кирпичиков выделяет среднюю часть угловых колонн.

Верх портала и четверика разрушены. Купол мавзолея сохранился, хотя и имеет отдельные выветренные места кирпичной кладки. Форма купола – сфероконическая с одним уступом. Верхняя часть купола выполнена с выступающими арками. Мавзолей полностью построен из кирпича с размерами 24...26х13х5...6 см, который начали использовать в сооружениях на юге Кыргызстана в конце XIX – начале XX в. В отдельных местах цоколя и вокруг мавзолея встречаются образцы древнего кирпича с размерами 32...34 х20...22 х4...4,5 см. Несмотря на разрушенные верхние участки портала и стен четверика, общее состояние сохранившихся стен и портала удовлетворительное.

Точную дату строительства выяснить методом опроса у населения не удалось. По использованному в строительстве мавзолея кирпичу он был сооружен на рубеже X1X-XX вв. на месте разрушившегося древнего мавзолея. Строительство новых мавзолеев на месте ранее существовавших и почитаемых в народе нередко имело место в мемориальной архитектуре. Примером служит мавзолей Асаф ибн Бурхия в Оше. В данном же случае при

Мавзолей Идриса Пайгамбара

Мавзолей Батмы Зууры

постройке нового мавзолея на месте почитаемого мазара Идриса Пайгамбара использован новый кирпич взамен утраченного по той или иной причине древнего кирпича.

Древность мемориального комплекса Идриса Пайгамбара подтверждается рядом стоящим сооружением, именуемым в народе мавзолеем Идриса Пайгамбара. Он также имеет портально-купольную композицию. Ширина портального фасада 5,22 м, длина бокового фасада равна 6 м. Мавзолей стоит на небольшой платформе, в передней части переходящей в фундамент из крупных камней. Сохранность памятника плохая – верх портала и стен четверика разрушен. Портал и купол полностью переложены из нового крупноразмерного кирпича с размерами 26x13x6 см. Пристроенный портал не имеет даже перевязки со стенами четверика с сохранившейся древней кладкой из жженого кирпича с размерами 33x20x4 см.

Купол мавзолея двухступенчатый, деформированный в верхней части. В отдельных местах бокового и заднего фасада сохранились остатки глиняной штукатурки. Раствор кладки стен и

купола также глиняный, во многих местах он выветрился. Дверной проем с размерами 1,1x1,6 м ведет в небольшую камеру с захоронением. Кирпичные стены мавзолея в интерьере не оштукатурены, в углах перекрыты деревянными балками, на которые опирается основание купола.

Данные предварительного осмотра памятника дают основание заключить, что полуразрушенный древний мавзолей был в начале XX века отремонтирован и тем самым сохранен от дельнейшего разрушения. Для детального изучения мемориального комплекса Идриса Пайгамбара необходимы археологические раскопки и натурные исследования самих мавзолеев. Требуется выяснение истории строительства и перестройки этих мавзолеев. Современное физическое состояние памятников угрожает их сохранности, что остро ставит проблему реставрации.

Нескончаемый поток паломников к мемориальному комплексу Идриса Пайгамбара определяет его ценность как памятника истории и культуры.

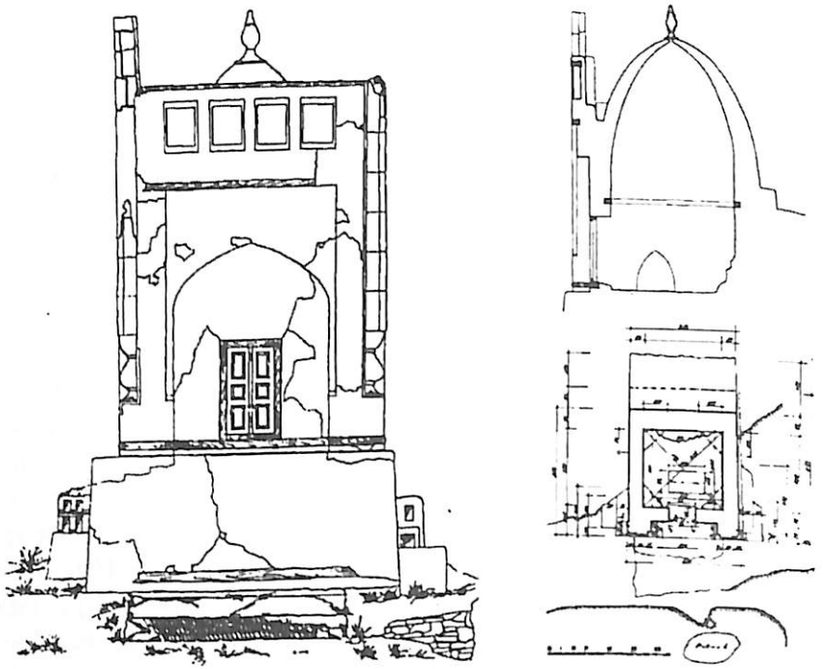
Мавзолеи XVIII-XIX вв.

Мемориальная архитектура юга Кыргызстана XVIII-XIX вв. еще недостаточно изучена. Малое число сохранившихся памятников не дает полного представления об их архитектурном облике, локальных чертах, строительных приемах. Отсюда возникает необходимость в выявлении неизвестных памятников, изучении по документальным материалам утраченных к настоящему времени ценных в историческом и научном отношении сооружений для восполнения пробелов в истории зодчества юга Кыргызстана этого периода. Мемориальная архитектура XVIII-XIX вв. ценна еще и тем, что создавалась она творчеством народных мастеров, не обремененных профессиональными рамками и ортодоксальными требованиями культовой архитектуры городских центров. Именно на примере этих мавзолеев Б.Н.Засыпкин видит влияние традиций кыргызских усыпальниц, широко распространенных по всей республике. Несомненно, эти мавзолеи сохранили едва уловимые черты древней профессиональной архитектуры, узнаваемые то в

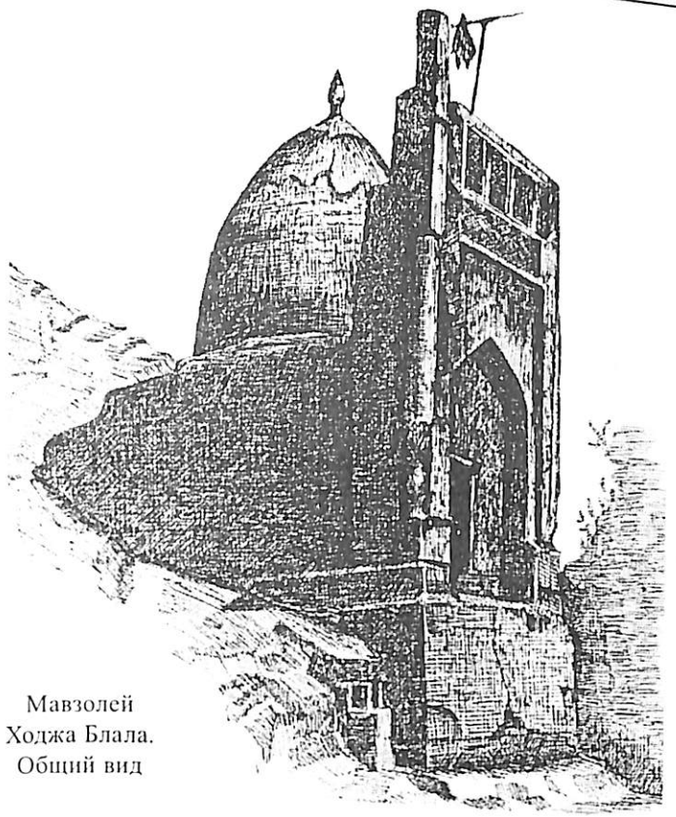
композиционных приемах, то в отдельных формах и деталях памятников. Однако не только это определяет их истинную ценность. Изучение позднесредневековой архитектуры поможет определить локальные черты, присущие им, арсенал строительных приемов и художественные вкусы народных мастеров. Все они по-своему восстанавливают картину народной архитектуры, сумевшей сохраниться в тяжелейшие периоды жизни страны. Широкие исследования и обобщающие выводы по архитектуре данного периода еще предстоит сделать. В данной работе ограничимся краткой информацией о некоторых из них.

Мавзолей Ходжа Блала

Мазар Ходжа Блала располагался вблизи с. Уч-Коргон Ошской области. Габариты мавзолея в плане небольшие – 4,45х5,4 м по внешнему контуру и 3,3х3,2 внутри погребальной камеры.

Мавзолей Ходжа Блала. Фасад. Разрез.
Обмеры В.Е. Нусова, А.А. Голованева, В.Н. Купцова. 1948 г.

Мавзолей Ходжа Блала. Общий вид

Высота стен четверика была 2,5 м, в то время как высота купола от основания до верха составляла почти 4,0 м. Мавзолей был сооружен из сырцовых кирпичей, что и стало причиной его недолговечности. Архитектура памятника необычна по своему внешнему облику. Объем четверика в задней части почти полностью врезается в склон горы, и в то же время вертикальные пропорции портала усиливаются высоким цоколем, на котором он расположен.

Чрезвычайно редкий прием виден и в соотношении высот четверика и купола мавзолея. Высокий, башеннообразный купол необычен по своей форме и не встречается в мавзолеях портально-купольной композиции. Высокие купола часто применялись в кыргызских гумбезах центрической композиции, т.е. без портала.

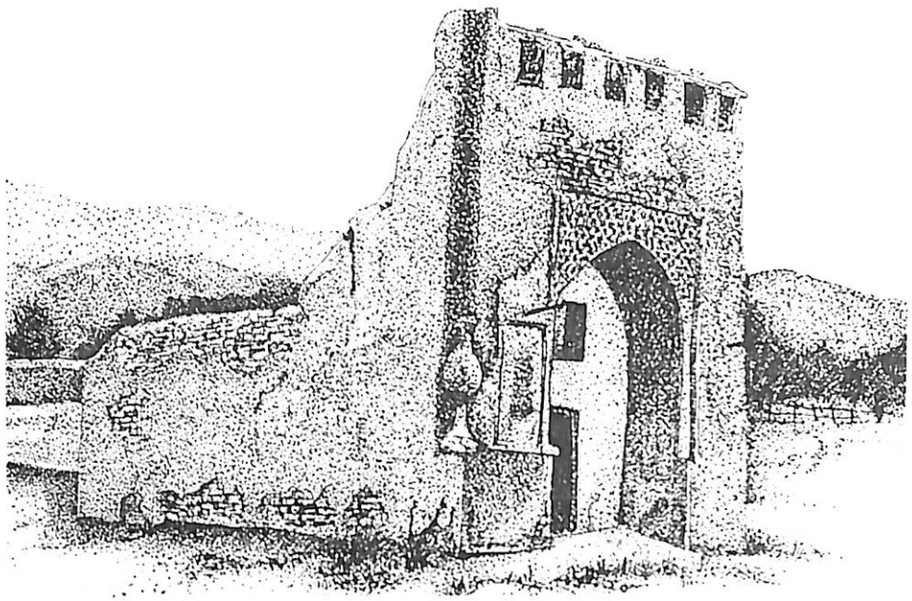
Традиционный портал мавзолея Ходжа Блала по пропорциям и членениям очень близок порталу мавзолея Асаф ибн Бурхия в Оше. Совпадает даже количество прямоугольных сквозных проемов верха портала – по 4 в каждом мавзолее.

Нетрадиционный облик мавзолея Ходжа Блала, необычное его расположение на крутом склоне горы сохранили запоминающийся образ этого памятника.

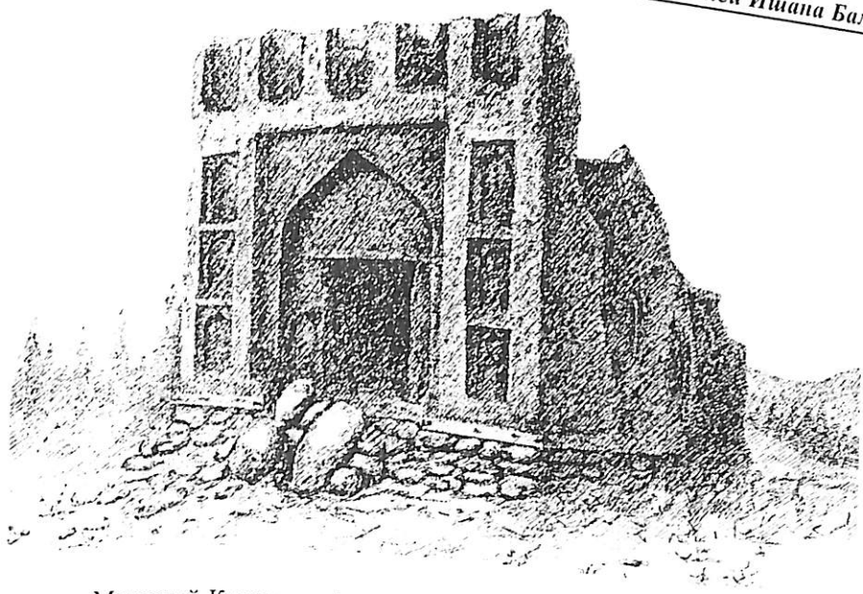
Мавзолей Ишана Балхи

Мавзолей Ишана Балхи, разрушенный в 50-х годах, стоял, как и мавзолей Ходжа Блала, на одной из окраин с.Уч-Коргон. Прямоугольник стен с размерами 7,7х5,7 м имел высоту 2,4 м. Высота сохранившейся части портала равнялась 6 м, но с учетом утраченной высоты была не менее 7 м.

Пропорции портала, набор деталей мавзолея Ишана Балхи очень близки к порталам мавзолея Асаф ибн Бурхия, Ходжа Блала и Кысырган-Ата. Объемная композиция мазара Ишана Балхи силь-

Мавзолей Ишана Балхи. Рисунок по фотографии Б.Н. Засыпкина. 1951 г.

Мавзолей Кысырган-Ата. XIX в. с. Маданият. Ноокатский р-н.
/Рисунок по фотографии Ч. Джумагулова/

но напоминает кыргызские прямоугольные гумбезы с высокой передней стеной, которая здесь трансформирована в традиционный портал. Традиция открытых стен гумбезов заменена плоской кровлей по деревянным балкам. Передняя стенка открытых гумбезов в данном мавзолее приобрела форму развитого портала.

Нетрудно представить по хорошо видной на рисунке базе угловые колонки – «гульдаста», возвышавшиеся над порталом. Завершение портала, возможно, было таким же, как и в мавзолее Асаф ибн Бурхия или в Арслан Бобе – в виде наверший-трилистников.

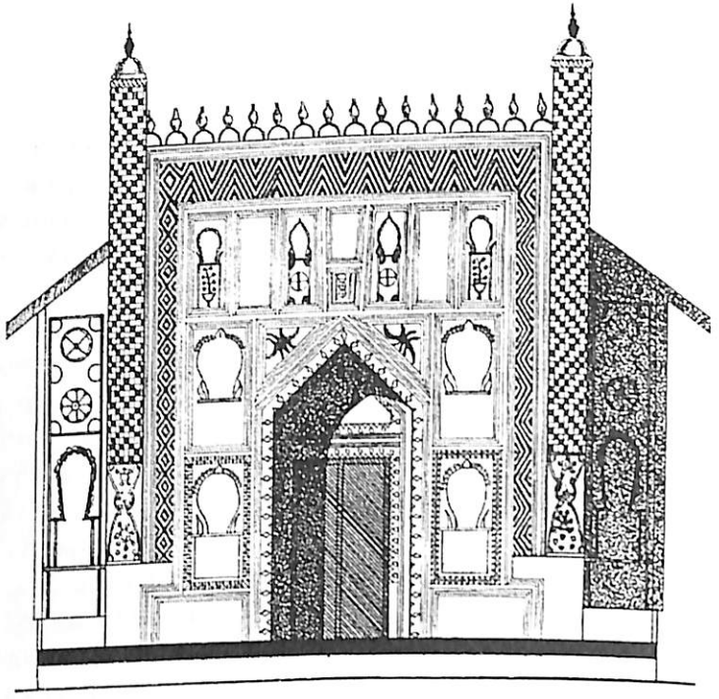
Недолговечный материал – сырцовый кирпич, из которого был сооружен мавзолей Ишана Балхи, является причиной его быстрого разрушения, если учесть, что построен он был в конце XIX в.

Архитектура мавзолея Ишана Балхи интересна как образец трансформации гумбезов в портальный мавзолей с плоской кровлей, т.е. слияние поздних мемориальных сооружений в виде прямоугольных стен-оградок с традициями портальной архитектуры Кыргызстана, имеющей древние корни.

Мавзолей в Арслан Бобе

Мавзолей, расположенный в Арслан Бобе Джалал-Абадской области, по своей объемной композиции схож с мавзолеем Ишана Балхи. Стены прямоугольного помещения были перекрыты плоской кровлей, а позже заменены на двускатное покрытие. Передняя стена представляет портал с традиционным набором деталей и форм. Единственное отличие от других мавзолеев – это отсутствие сквозных прямоугольных оконных проемов в верхней части портала. Измельченные по масштабу навершия по форме схожи с навершиями мавзолея Асафа ибн Бурхия. Плоскости портала и поверхность угловых колонн неоднократно ремонтировались, из-за чего установить первоначальные отделку или декор не представляется возможным.

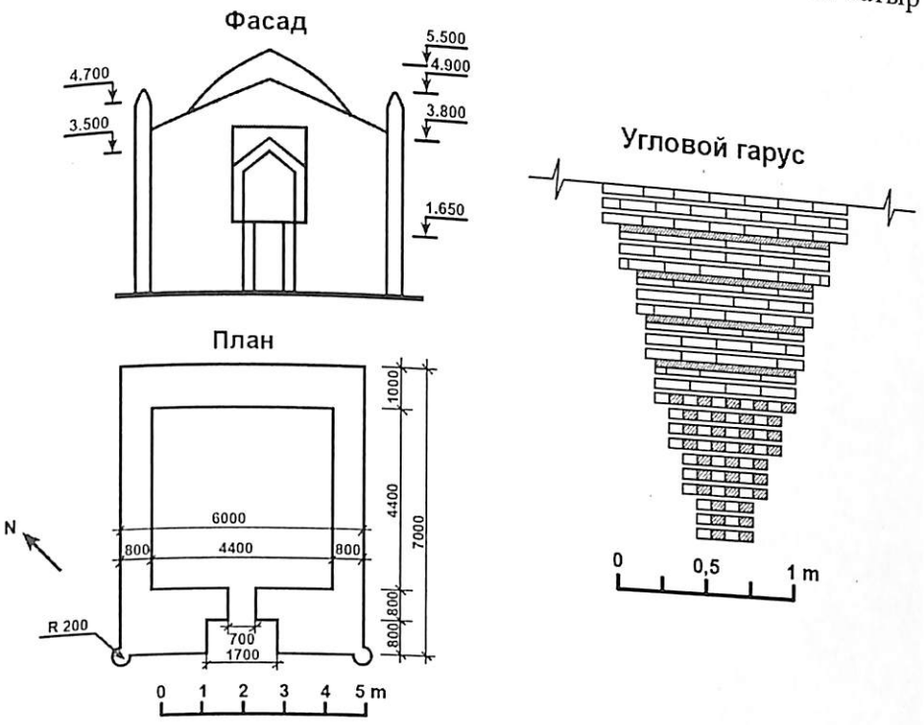
Портал в первоначальном виде имел довольно красочный облик, о чем свидетельствует разбивка плоскости на большое количество панно с утраченным в данное время декором. Усложненность и декоративизм портала мавзолея в Арслан Бобе отличает его от строгих по форме и лаконичных по отделке порталов мавзолеев Асаф ибн Бурхия и Ходжа Блала.

Мавзолей в Арслан-Бобе. Фасад. XIX в. /обмеры Е.И. Бударина/

Мавзолей Имам-Ата

Далеко в горах, в живописном месте среди густой зелени высоких деревьев, на окраине с. Ак-Суу Аксыйского района Жалалабатской области стоит скромный по внешнему облику мавзолей Имам-Ата. Согласно легенде, Имам-Ата был духовным сподвижником Мухаммеда Джарира – одного из правнуков пророка Мухаммеда. Соратников Мухаммеда Джарира, окруженных воинами Карванбоса, спас отряд кыргызов из 40 воинов, во главе которых был батыр

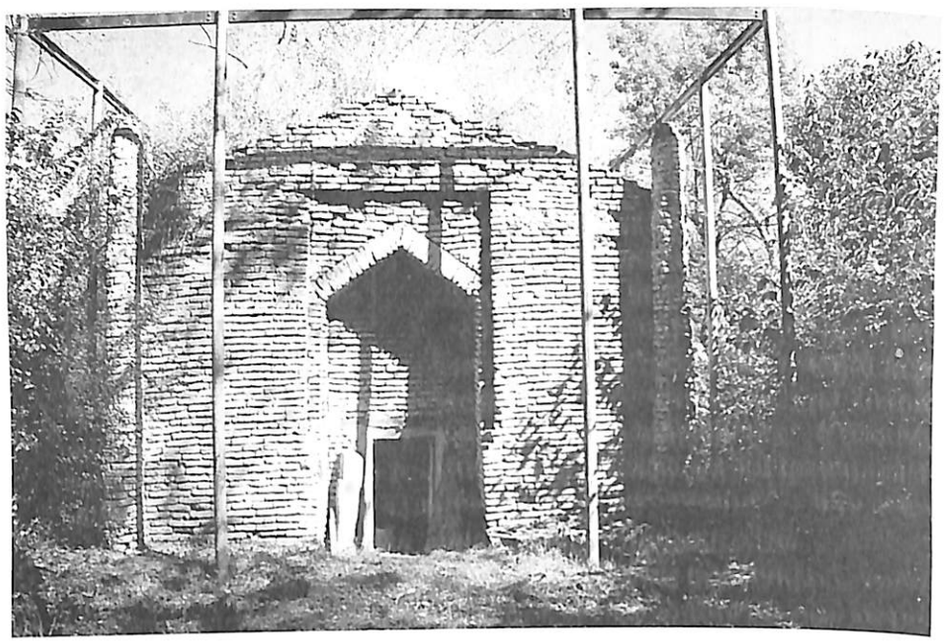
Мавзолей Имам-Ата

Мачак. Мухаммед Джарир спросил у жителей Ак-Суу, откуда родом были спасители – чем он может их отблагодарить за спасение. На это жители Ак-Суу просили согласия Имам-ата, раненного в бою, остаться с ними в качестве имама.

Имам-Ата согласился быть у них имамом. Когда он умер, жители села построили ему мавзолей, который стал мазаром. Таким образом, легенда связывает мавзолей Имам-Ата с мавзолеем Шаха-Фазиля, который являлся сыном Мухаммеда Джарира и похоронен в селении Сафид-Булан, где и произошла битва между арабами и воинами Карванбоса.

Наряду с мавзолеем Имам-Ата, в Жалалабатской области расположены еще семь мавзолеев-мазаров, так или иначе связанных с исламскими святыми – Бабаустун-Ата, Шарап-Ата, Бува-Ата, Тоскоол-Ата, Падыша-Ата, Арстанбап-Ата, Шудугор-Ата. Легенда описывает этих святых как сподвижников Мухаммеда Джарира.

Мавзолей Имам-Ата по внешнему очертанию плана имеет форму прямоугольника с размерами сторон 6,1 м х 7,15 м. Традицион-

Мавзолей Имам-Ата. Главный фасад.

ная для средневековой архитектуры кирпичная фактура стен памятника контрастно выделяется на фоне яркой зелени деревьев. Главный фасад мавзолея ориентирован на юго-запад. Портал фланкируют две трехчетвертные колонны – гульдаста, выложенные из тесанного кирпича. Входную нишу обрамляет архивольт с тимпаном. Глубокая входная ниша завершена треугольной аркой, что встречается довольно редко в мемориальной архитектуре Кыргызстана. Кирпичная кладка в верхней части портала разрушена, и определить ее точную форму не представляется возможным.

Интерьер мавзолея представлен в плане в виде квадрата с размерами 4.3м х 4.3 м. Переход от четверика к куполу осуществлен посредством ячеистых парусов. В северном парусе и на куполе видны следы ремонтной перекладки.

Мавзолей построен из жженного кирпича размером 29 х 14 х 5 см. Кладка стен выполнена на глиняном растворе, купол сложен на растворе из ганча.

Архитектура мавзолея Имам-Ата довольно архаична. Однако уровень строительной техники (качество кладки стен, парусов, арки) отличается от построек XI-XII веков, что затрудняет датировку памятника. Для уточнения времени строительства мавзолея необходимы археологические раскопки на памятнике и сравнительный анализ памятников подобного круга.

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА

С завоеванием арабами Средней Азии (VIII-X вв.) исламская культовая архитектура быстро распространилась по всей территории. Повсеместно стали строиться мечети – специально предназначенные здания, где верующие предавались молитве, соблюдая обрядность. Постепенно в городах Средней Азии, как в других исламских странах, мечеть становится главным сооружением города в социальном, политическом и градостроительном отношениях. Совершение пять раз в день намаза, который большинством верующих исполняется в мечетях, стало повседневным занятием жителей городов и сел.

Караханиды, принявшие ислам в качестве официальной религии, продолжили традицию возведения монументальных культовых сооружений на подвластных им территориях. Монументализация культовой архитектуры в этот период шла путем строительства крупных соборных мечетей в столичных городах. Сила и могущество феодальной знати, мощь их духовной опоры – ислам, воплотились в соборной мечети в Узгене, фундаменты которой выявлены в результате археологических исследований. Сохранившийся минарет этой мечети и сейчас доминирует среди окружающей застройки.

Монументальная архитектура Узгенского минарета, даже при неполной высоте, дает ясное представление о масштабе соборной мечети, при которой он был воздвигнут в XI в. Исследования архитектуры Узгенского минарета, проводившиеся в целях реставрации, дали возможность по-новому оценить его роль и место в эволюции среднеазиатских минаретов XI-XIII вв.

Составление суждения о соборной мечети Узгена возможно будет лишь после завершения обширных археологических раскопок, начатых на площади Узгенского минарета.

Узгенский архитектурный комплекс, состоящий из трех мавзолеев и минарета XI-XII вв., данные археологических раскопок и исторические сведения дают основания считать, что это место

было административным, культовым и мемориальным центром Узгена, избранного караханидами в качестве второй столицы после Баласагуна.

Культовая архитектура Оша X-XV вв. неизвестна, хотя по письменным источникам можно предположить о заметной роли, которую они играли в застройке города. Об имевшейся соборной мечети в Оше сообщает Макдиси, арабский автор X в., в своем труде «Лучшее разделение для познания климатов» /107/.

Мечеть под названием Джауза, с большим летним двором, упоминается в «Бабур-наме» Захиреддина Мухаммеда Бабура (1483-1530 гг.). Вполне вероятно, что сохранившаяся на восточном склоне Сулайман-Тоо мечеть Рават Абдуллахана является постройкой, сооруженной в XVII в. на месте современной Бабуру мечети Джауза.

Труды средневековых авторов, данные археологических раскопок, архивные документы XIX-XX вв. и сохранившиеся в настоящее время памятники архитектуры и истории свидетельствуют о том, что г.Ош и Сулайман-Тоо с древнейших времен являются культовым центром Ферганской долины.

Петроглифы Сулайман-Тоо, поселение эпохи бронзы, древние пещеры, священные камни, мазары и постройки исламского периода, красивый ландшафт самой горы сформировали уникальный культовый и мемориальный центр, пользующийся многовековой популярностью у населения.

Монументальная архитектура Оша периода XIX – начала XX вв. была преимущественно культовой. Многочисленные мечети, медресе, кори-хона и другие сооружения этого периода во многом известны по архивным материалам, так как почти все они были разрушены по причине чрезмерного атеизма местных властей в советское время. Мечети данного периода приобретают известные размеры (по вместимости), планировочные и объемно-пространственные контуры в зависимости от места размещения в системе городской застройки. В центральной части это крупные мечети (соборные, джума), как, например, известная по рисункам и фотографии мечеть на левом берегу р.Ак-Бура в центре Оша на фоне Сулайман-Тоо (мечеть, построенная сыном Абдур-Рахмана Афтобаши, по А.Захаровой).

Крупные загородные мечети-мусалла, где собиралась большая часть жителей города в дни мусульманских праздников Курбан и Орозо-айт, в Оше не обнаружены. Эти функции совмещали мечети Рават Абдуллахана и Джами у мавзолея Асаф ибн Бурхия.

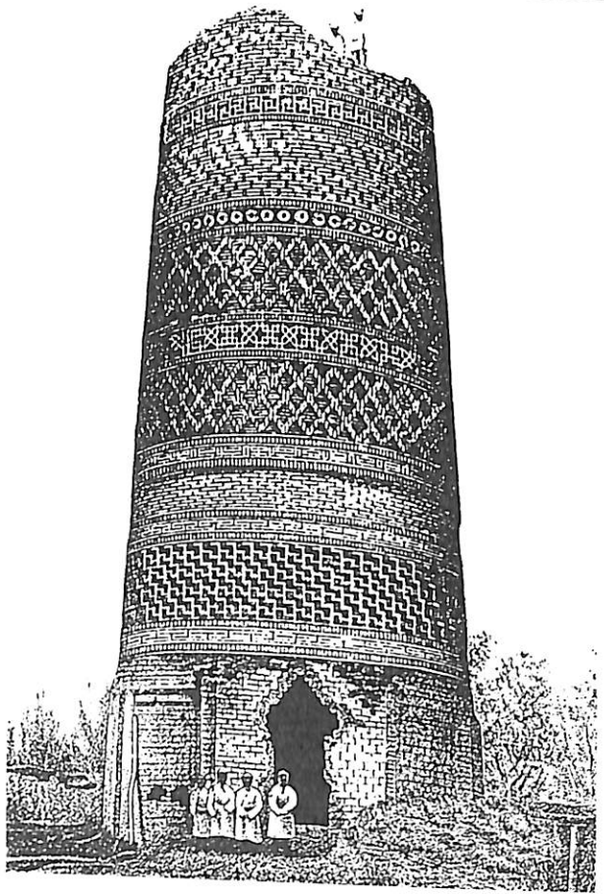
Образцом квартальной мечети (гузарной) может служить мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи по ул. Алебастровой с южной стороны Сулайман-Тоо. Последними историко-архивными и библиографическими изысканиями выявлено название 30 мечетей начала XX в. в г. Оше, хотя, по некоторым данным, в конце XIX в. их было 154 /108/.

Узгенский минарет

Значение Узгенского минарета выходит далеко за рамки архитектуры не только Кыргызстана, но и Средней Азии. Архитектура минаретов давно привлекает внимание ученых многих стран. Проблема их генезиса, типологии, архитектурно-художественного образа неоднократно становились предметом изучения архитектуроведов. Все эти проблемы также возникают при рассмотрении архитектуры Узгенского минарета, значение которого в зодчестве Средней Азии в должной мере еще не оценено.

Последние обширные исследования минарета в Узгене в связи с его реставрацией в 1982 г. выполнены специалистами СНРПМ Министерства культуры Кыргызской Республики (Д.Иманкулов, Б.Помаскин, В.Е.Нусов). Эти исследования позволили глубже узнать его архитектуру, роль в формировании зодчества XI-XII вв. в Средней Азии, сделать предложения по графической реконструкции его первоначального облика.

Минаретоподобные сооружения существовали в мировой архитектуре независимо и задолго до возникновения ислама. В Средней Азии это формы башен крепостных стен, известные с эпохи бронзы, в Северо-Западной Индии и Афганистане – «стамбха» -мемориальные столбы, относящиеся к буддийскому периоду, у многих кочевых племен это столбы-мили, отмечающие расстояния и служащие ориентиром в пространстве, у древних зороастрийцев – это цилиндрические или конические башни-бурджи, на вершине которых водружались идолы или зажигались огни, и наконец, маяки /109/.

Узгенский минарет. XI в.

От этих сооружений и производит большинство ученых генезис минарета. Наиболее известна теория, выводившая происхождение минарета от Фаросского маяка. Ряд ученых – Бутлер, Шуази, Тирш видели в формах каирских минаретов, состоящих, как известно, последовательно из прямоугольного, восьмигранного и круглого ярусов, явное сходство с Фаросским маяком.

Дальнейшие исследования генезиса минарета опровергли эту теорию. «...Минареты с последовательными этажами – квадратным, восьмигранным и круглым – являются почти редчайшим

типом, и те, которые принадлежат к этому типу, развились постепенно из элементов, не имеющих отношения к Фаросу», – писал Кресуэлл /110/. Он же прослеживает развитие форм минарета из древнейших прямоугольных башен сирийских церквей. Далее двигаясь на восток, по Кресуэллу, форма минарета видоизменялась, и в конечном итоге они появились в Иране. Среднеазиатские минареты причислены к памятникам персидской архитектуры.

По теории немецкого ученого Эрнста Дица, задолго до появления минарета с функцией провозглашения азана, в Азии существовали сооружения в виде караульных башен, башен-мавзолеев, жилых башен. Форма прямоугольных колоколен, по мнению Э.Дица, также была одной из причин формообразования минарета /111/. Позднее Э.Дицем высказывалось предположение, что прообразом минарета являлись «стамбха» – столбы или ступы мемориального назначения в Северной Индии и Афганистане. Распространение этой формы в виде колонн-обелисков с востока Э.Диц связывает с внутренним движением в халифате. По мнению Э.Дица, минареты на Востоке представляют собой цельный монумент, связанный с самыми ранними мифами, космогоническими представлениями и символическим значением. Эту версию подтверждает высокий минарет у с. Джам на севере Афганистана. Сооруженный в отдалении от населенного пункта на важном горном перевале, без мечети, отдельно стоящий минарет служил символом-монументом в знак победы арабских воинов в этой местности.

Идея высотного сооружения, с которого провозглашали азан – призыв к молитве, в Средней Азии распространилась вместе с исламом. Одним из первым минаретов в Средней Азии, известных по литературным источникам, был отдельно стоящий минарет с деревянным верхом в Бухаре, сооруженный рядом с соборной мечетью визирем Абу Убайдулла Джейхани в 918 г., упомянутый в «Истории Бухары» Наршахи /112/. По археологическим данным известны остатки минарета X в. на Афраснабе в Самарканде, раскопанные В.В.Бартольдом в 1904 г. Обнаруженное здесь основание минарета было сложено из крупных обожженых кирпичей с размерами 45,5 х 37,5 х 7 см на алебастровом растворе и состояло из прямоугольной платформы 4,7 х 4,5 м.

Если отдельно стоящие минареты в Средней Азии известны достоверно с X в., хотя вполне возможно, что они начали сооружаться уже в IX в., то угловые минареты, по мнению того же Э.Дица, имеют происхождение с Востока (т.е. и Средней Азии тоже), еще с эллинической поры, когда они были заимствованы античной архитектурой /113/.

По сведениям Максиди (X в.), в X в. существовал минарет в Гиренге: «Ахур (Гиренг) – главный город волости Дахистан... в нем минарет, видный издалека...» /114/. Еще два минарета X в. представлены в руинированном виде в Башане и на городище Кишман-тепе в Мервском оазисе.

По отдельным исследованиям, к X в. тяготеет минарет Бурана средневекового Баласагуна, развалины которого находятся в Чуйской долине Кыргызстана /115/. Большим количеством минаретов представлена архитектура Средней Азии XI-XII вв. Почти все из них не сохранили верхней части, кроме двух – минарета Калян в Бухаре и Вабкенского минарета.

Как видно из вышеизложенного материала, единого мнения ученых о происхождении архитектурной формы минарета не существует. Все предшествующие по времени минарету башенные сооружения как Запада, так и Востока в той или иной степени могли стать составляющими в генезисе минарета. Л.Н.Воронин в своей работе /116/ пришел к выводу, что однозначного ответа на проблему происхождения минарета не найдено. Это положение и на сегодняшний день верно, и вряд ли возможно нахождение единственного места зарождения минарета, по причине огромного ареала распространения этой архитектурной типологии. Также вызывает сомнение сама идея существования одного, единого прообраза минарета в силу слишком большого количества составляющих, впитавшихся в эту архитектурную форму.

Башенные сооружения древности, в частности, высотная форма, были порождены их же утилитарной функцией. Маяк, предназначенный для видимости издалека, имел соответствующую высоту. Эта же возможность увеличения обзора использовалась в сторожевых вышках, крепостных башнях, аташкедах, постаментах для идолов, в колоннах с ритуальным огнем наверху. Для колоколен со-

ответствующей высоты требовалась акустика, так же как и специальные приспособления в зиккуратах – обсерваториях. Идеологическая функция не менее влияла на высотную форму, в которой отразились космогонические и мифологические представления доисламских культов, выраженные языком символов.

Утилитарная, идеологическая функция плюс представления эстетического, художественного порядка также определяли архитектурную форму и художественный образ минаретов, появившихся позже. Высотная композиция минаретов играла огромную роль в облике городов, селений Востока. Неоспорима была их градостроительная функция в плотной и пестрой застройке восточных городов. Они служили четким ориентиром для верующих, в часы молитвы устремляющихся по узким улицам вдоль жилых, торговых и ремесленных кварталов к минарету, где расположена мечеть.

Многочисленны функции верхней площадки или фонаря минарета в Средней Азии. Это и место дозора за прилегающими к городу дорогами, это и место заточения провинившихся, и место казни путем выбрасывания несчастных на площадь минарета, это и место провозглашения высоких указов правителей.

Но самой главной функцией неизменно оставалась функция места азана, т.е. призыва к молитве верующих, которая произносилась из окон фонаря-ротонды минарета.

Минареты различаются по положению в строительстве – отдельно стоящие или пристроенные к стене мечети, медресе, караван-сарая и др.

Отдельно стоящие минареты находились обычно при мечетях или общественно-культовом комплексе. Они занимали определенное положение по отношению к основному сооружению: перед мечетью, на углу (минареты у мечетей Дахистана, Башана IX-X вв.; Калян в Бухаре, XП в.; Кальта-Минор у медресе Мухаммед Аминхана в Хиве, X1X в.; Узгенский минарет, XI в. и др.) или перед мечетью по центру (минарет Ал-Мальвия в Самаре, IX в.; ибн-Тулун в Каире, IX в. и др.).

Встроенные минареты сооружались как неотъемлемая часть крупных общественных зданий, на единой конструктивной и декоративной основе. Встроенные минареты располагаются по-разному в сооружении. Они могут быть встроены в центре одной из сторон сооружения (минарет мечети Хасана в Рабате, XП в.; минарет мечети Сиди Окба в Кайруане, IX в.; минарет Ханеги на р. Пирсагат, XШ в. и др.).

Немало примеров расположения минаретов в углу или в какой-либо части сооружения (Большая мечеть в Алжире, XI в.; мечеть Ан-Нури в Мосуле, XII в.; мечеть Кутуббия в Марракеше, XII в.; минарет в с. Ханлар близ Баку, XIII в.; минарет Бурана, X в.).

Встроенные минареты нередко фланкировали больших размеров пештаки (порталы) (ансамбль Регистан в Самарканде, XV в.; мечеть Анау в Туркмении, XV в.).

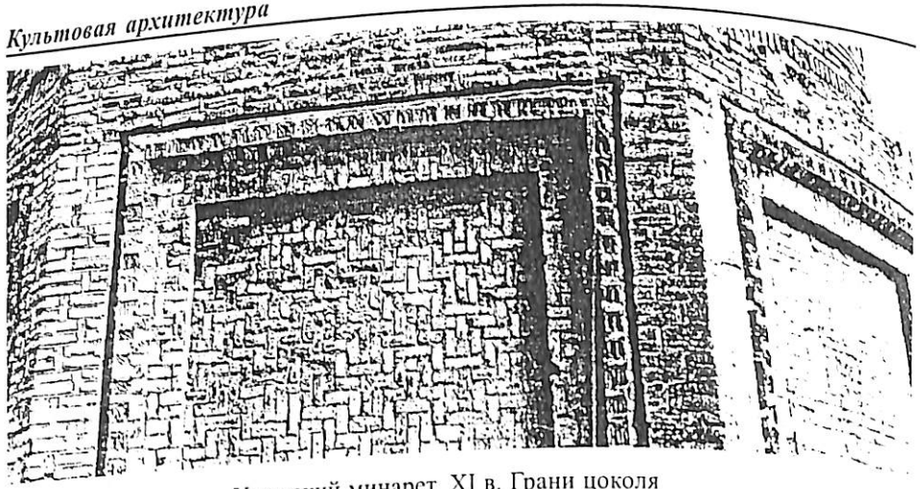
Минареты подразделяются по форме венчания – круглоствольные с фонарем наверху (минареты Бурана, Узгенский, Калян в Бухаре, Вабкентский) или многозвенные с игольчатым завершением (минарет Кутлуг в Куня-Ургенче, XIV в.; Сарабан в Исфахане, XII в.; в с. Джам в Афганистане, XII в.; Кутб-Минар в Дели, XIII в.).

Однозвенные минареты бывают с нависающим фонарем (посредством сталактитов) – Бурана, Узгенский, Калян, Вабкентский и другие, распространенные в Семиречье, Фергане, Мавераннахре. Однозвенные минареты с фонарем в теле конического ствола расположены в основном в Хорезме (Джума-мечеть, XIII в.; Магомед Маларрам, XIX в.; в комплексе Сеид-Шеликер-Бая, 1842 г.; Ислам-Ходжа в Хиве и др.).

Минареты Средней Азии можно отделить по форме нижней части цоколя минарета, на которую опирается непосредственно ствол минарета. Восьмигранный цоколь объединяет минареты Бурана, X в.; Узгенский, XI в.; Джаркурганский, XII в.

Минареты с квадратной формой ствола, распространенной в арабских странах, на территории Средней Азии не встречены.

Все вышеназванные устойчивые типологические признаки в минаретах Средней Азии: форма ствола (цилиндрическая, коническая); ярусность (однозвенные, многозвенные); формы завершения (фонарь, шарафа); формы основания (куб, восьмигранник-цилиндр) и месторасположения (отдельно стоящий, встроенный) – относятся к основным видовым признакам /117/.

Узгенский минарет. XI в. Грани цоколя

Орнамент, декор, членения и их пропорции относятся к разновидностям отдельных видов.

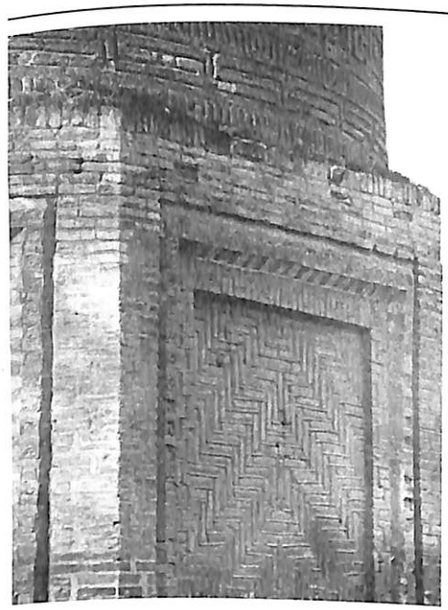
История изучения Узгенского минарета тесно связана с историей изучения Узгенских мавзолеев, литература которой достаточно изучена /118/. К этой литературе следует добавить работы, не упомянутые в ней /119/.

Минарет в Узгене является сооружением культового ансамбля X-XII вв. и расположен в 150 м севернее мавзолеев (Средний, XI в., Северный, 1152 г., Южный, 1187 г.).

Минарет строился в то время, когда уже был накоплен опыт сооружения монументальных построек из жженого кирпича, поэтому в сравнении с буранинским минаретом он предстает как качественно новое явление.

Как и большинство минаретов X-XI вв., он сохранился на половину своей высоты. Верхняя часть конического ствола и фонарь, по-видимому, разрушились во время одного из сильных землетрясений.

В композиционном отношении Узгенский минарет повторяет буранинский. На мощном квадратном подиуме размещен восьмигранный цоколь и затем конической ствол минарета. Здесь подиум цельный, в отличие от буранинского минарета, где он имеет двухступенчатую форму. Ступени винтовой лестницы в Узгенском минарете выполнены из кирпичей, поставленных на ребро, тогда как в буранинском они покрыты деревом.

Северо-восточная грань цоколя минарета

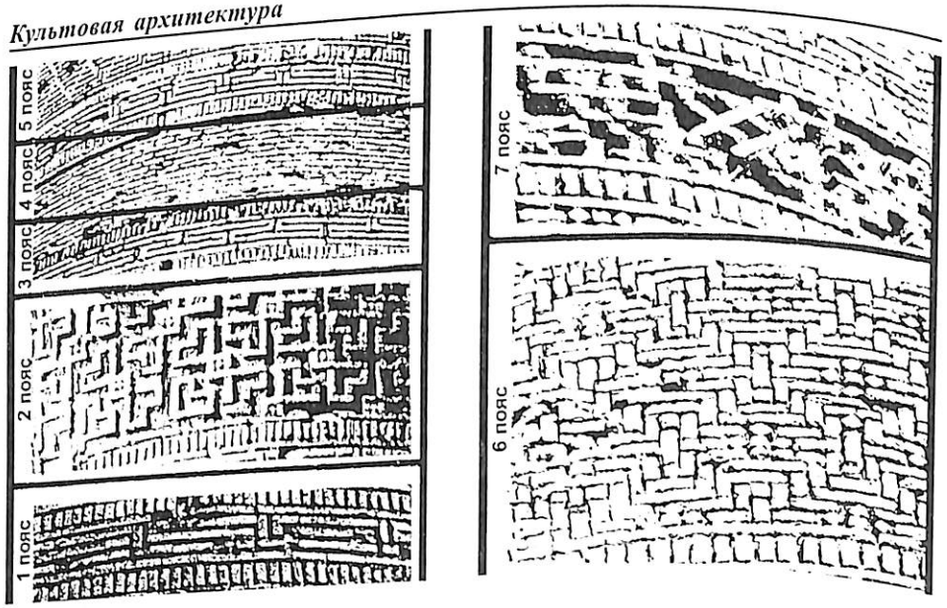

Северо-западная грань цоколя минарета

Поверхности стен винтовой лестницы украшены несложными кирпичными орнаментами и завершаются сводом стрельчатого очертания.

Грани цоколя Узгенского минарета представляют собой прямоугольные ниши, выложенные либо плотной фигурной кладкой из кирпича, либо в виде рельефного кир-пичного орнамента с фоном из резного ганча. Ниша обрамляется кирпичной рамой, которую, с свою очередь, обрамляет рама из граненых кирпичиков в виде половины шестигранника. Эти кирпичики уложены в шахматном порядке, промежутки которых заполнены ганчевой резьбой. Завершает плоскость восьмигранника гладкая кладка парами кирпичей, широкий вертикальный шов между ними заполнен ганчем в виде вертикальных полосок. Все грани цоколя вверху обложены рядом торцового кирпича в виде «данданы». Этот же прием используется для разделения орнаментальных поясов на теле минарета.

Ниша северо-западной грани заполнена рельефным орнаментом и ганчевой резьбой, имеющей сходство с резьбой Среднего

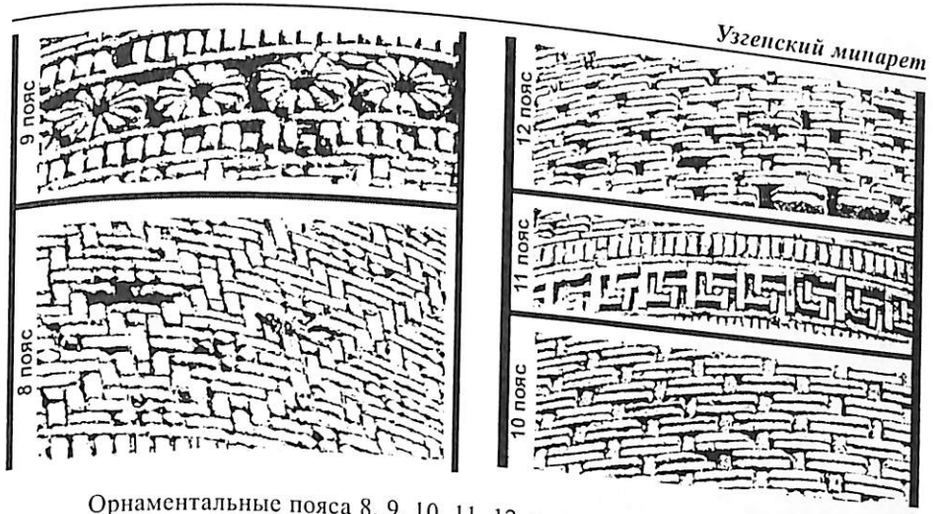
Орнаментальные пояса 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 конического ствола минарета

мавзолея. Заполнение западной, северной и восточной ниши повторяет орнаментальный мотив юго-западной колонны Среднего мавзолея, в «елочку» заполнена северо-восточная грань, а остальные выполнены в виде спаренной кладки.

Сохранившийся ствол минарета расчленен на 12 орнаментальных поясов с чередованием узкого и широкого пояса. Три нижних узких пояса разработаны в виде трех различных мотивов меандров, довольно распространенных в архитектуре Средней Азии в X-XI вв.

Пояс №2 (нижний широкий) напоминает третий орнаментальный пояс минарета Бурана, основанный на принципе «вертушки». Отличие в том, что на буранинском минарете «вертушки» состоят из бесконечного пересечения лент, из-за чего пояс кажется более ажурным, на Узгенском минарете усложненные фигуры «вертушек» отделены друг от друга, в результате чего создается фон в виде соединенных между собой ломаных крестов, на которых нанесен ганчевый узор в виде непрерывных стилизованных листьев.

Широкие орнаментальные пояса № 6 и № 8 имеют одинаковый кирпичный орнамент, состоящий из косой сетки, которая выложена из кирпичей, поставленных на ребро. Сетка заполнена квадрата-

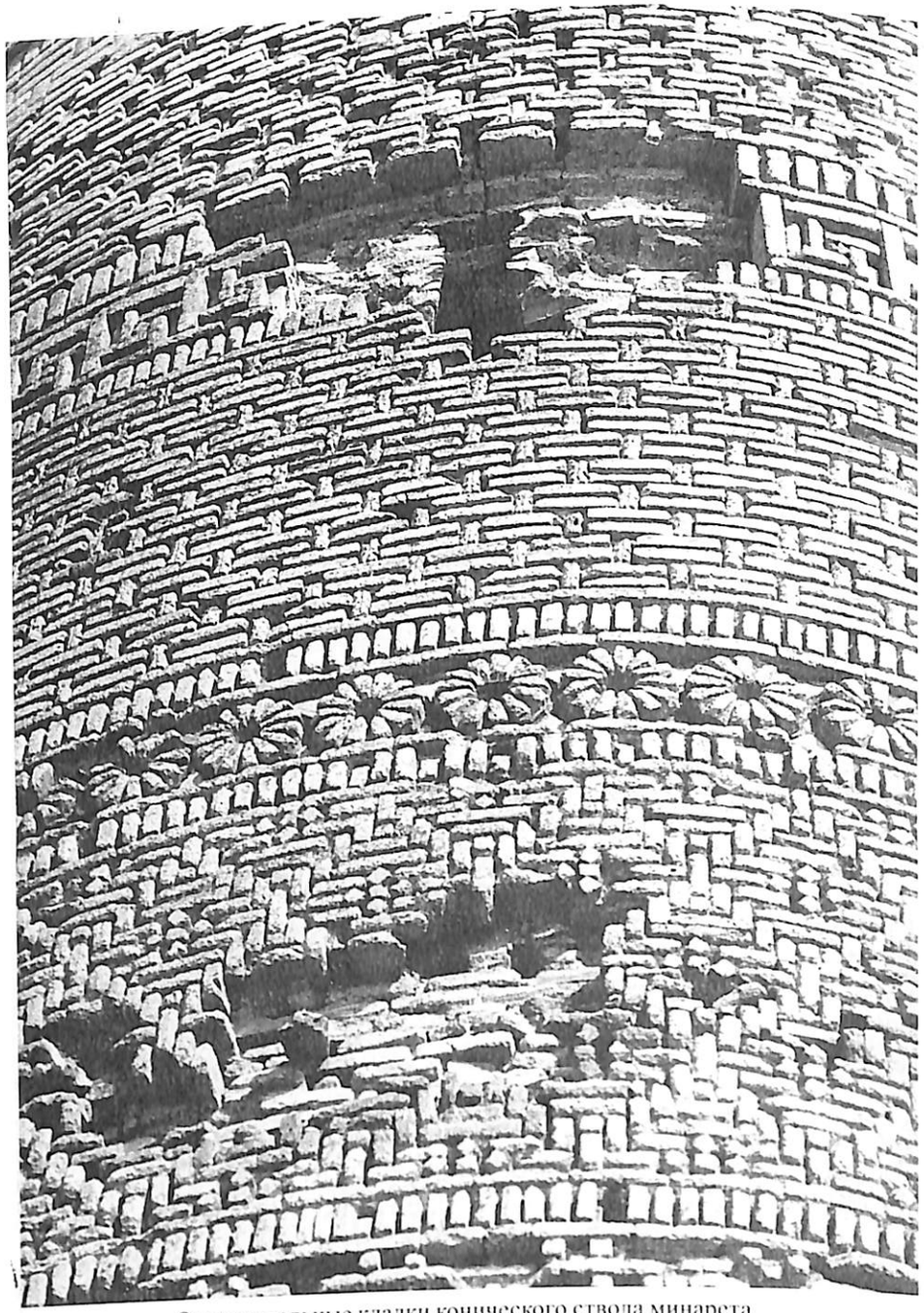
Орнаментальные пояса 8, 9, 10, 11, 12 конического ствола минарета

ми из горизонтально положенных кирпичей, сердцевина которых состоит из квадратных кирпичиков, поставленных на грань.

Эти орнаментальные пояса, хотя и не рельефны, хорошо выделяются на фоне контрастных узких поясов, прилегающих к ним. Статичная сетка, четкий ритм горизонтальных и вертикальных кирпичей создают спокойную и в то же время хорошо читаемую фактуру этих поясов. Такой мотив начнет широко применяться позже в памятниках Средней Азии (колонны Узгенских мавзолеев, XI-XII вв.; мечеть Талхатан-баба, XII в.; минарет Калян, XII в. и др.).

Широкие пояса №10 и № 12 выполнены фигурной кладкой, состоящей из спаренных кирпичей с большим разрывом. В поясе № 10 в разрывы вставлены вертикальные кирпичики, на торцах которых вытесаны бантики. Такой мотив был очень распространен в XI-XII вв. в памятниках Средней Азии. Особенно обильно этот прием использован в Вабкентском минарете, где девять широких поясов облицованы спаренными кирпичами с резными бантиками.

Орнамент узкого пояса № 7 составлен на основе сочетаний восьмиконечных звезд и фигуры в виде пяти квадратов. Весьма распространен в архитектуре Средней Азии мотив восьмиконечной звезды, например такой же орнамент есть в панно из тесаных кирпичиков на угловых устоях галереи северного фасада мавзолея Санджара в Мерве (XII в.).

Орнаментальные кладки конического ствола минарета

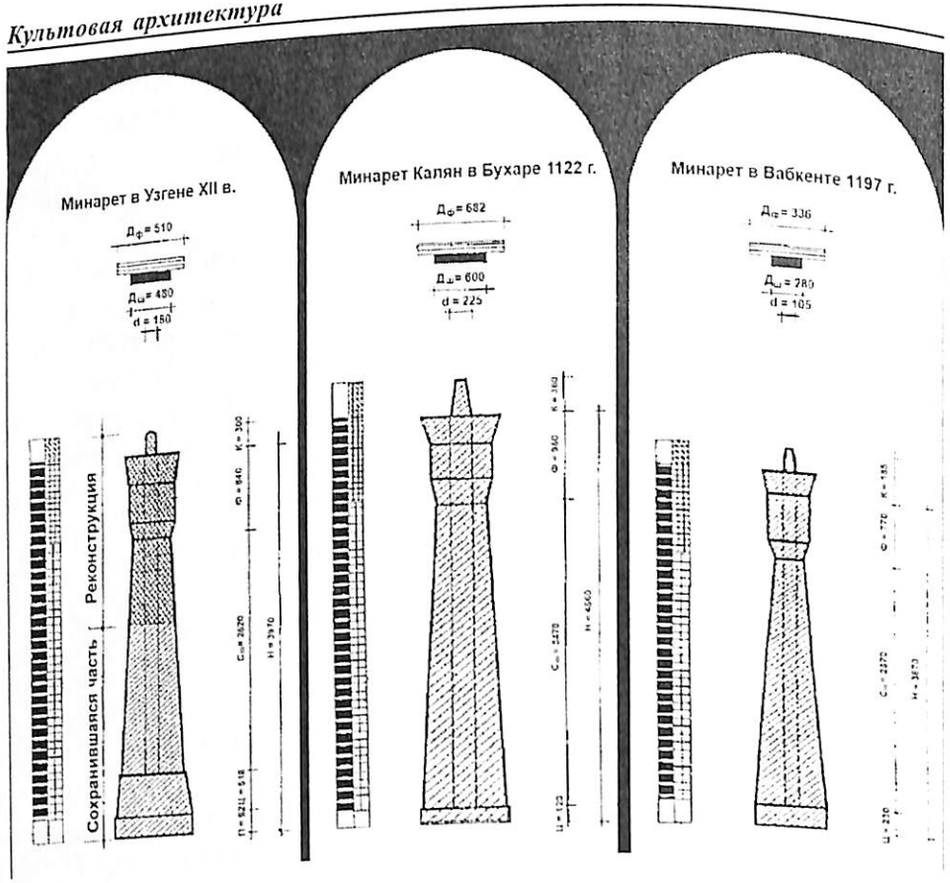
На месте четвертого пояса в Узгенском минарете видна заглубленная черновая кладка, которая в древности была облицована поясом в виде эпиграфической надписи, какие мы видим на минарете Калян (XII в.), минарете на городище Куртлы (X-XI вв.), Термезском минарете (XI в.) и др.

По сохранившейся части ствола Узгенского минарета хорошо видно систему чередований узких и широких орнаментальных поясов, такой прием в общем-то характерен для минаретов этого типа. Анализ орнаментальных поясов Узгенского минарета говорит о мотивированном размещении их по высоте ствола. Например, только нижний широкий пояс облицован резными ганчевыми вставками, так как выше они уже не будут читаться. В нижней части ствола была размещена и утраченная надпись, рассчитанная на прочтение с недалекого расстояния. Верхние широкие пояса с нерельефной орнаментальной кладкой разделяют ажурные с глубоким рельефом узкие пояса, отлично видимые с далекого расстояния. Все это говорит об удачном применении архитектурно-художественных средств выразительности в выявлении градостроительного значения минарета.

Узгенский минарет, несомненно, играл важную градостроительную роль в средневековом Узгене. Среди пестрой, многоликой застройки города с узкими улицами и плотной ткани зданий и сооружений главный минарет города являлся единственным ориентиром, куда устремлялись взоры горожан во время молитвы.

Минарет должен был быть достаточно высоким для такой градостроительной функции. С целью определения первоначальной высоты Узгенского минарета нами был проведен анализ пропорций минаретов Средней Азии одной типологической группы, результаты которой даны в сводной таблице, и установлено наличие закономерностей в построении их архитектурной формы.

Из этой таблицы видно, что наиболее близки по пропорциям формы Узгенского минарета и минарета Калян. Так, например, отношение высоты минарета к нижнему диаметру ствола Н/Д и к высоте фонаря Ф у обоих минаретов получается одинаковым – 4,7:1. Очень близки у этих минаретов отношения нижнего диаметра к верхнему диаметру (шейки) ствола – у Узгенского 1,7:1, у Каляна 1,6:1.

Отношение элементов объекта			
$\frac{Н}{Ц} = \frac{3970}{518} = 7,6:1$	$\frac{Н}{Ц} = \frac{45.60}{120} = 38:1$	$\frac{Н}{Ц} = \frac{3870}{230} = 1,6:1$
$\frac{Н}{Ф} = \frac{3970}{840} = 4,7:1$	$\frac{Н}{Ф} = \frac{45.60}{960} = 4,7:1$	$\frac{Н}{Ф} = \frac{3870}{770} = 5:1$
$\frac{Н}{Д} = \frac{3970}{840} = 4,7:1$	$\frac{Н}{Д} = \frac{45.60}{970} = 4,7:1$	$\frac{Н}{Д} = \frac{3870}{620} = 6,2:1$
$\frac{С_{ш}}{Д} = \frac{2520}{840} = 3:1$	$\frac{С_{ш}}{Д} = \frac{34.70}{970} = 3,5:1$	$\frac{С_{ш}}{Д} = \frac{2870}{620} = 4,6:1$
$\frac{Д}{D_{ш}} = \frac{840}{480} = 1,7:1$	$\frac{Д}{D_{ш}} = \frac{9.70}{6.00} = 1,6:1$	$\frac{Д}{D_{ш}} = \frac{620}{28} = 2,2:1$
$\frac{Н}{К} = \frac{3970}{300} = 13,2:1$	$\frac{Н}{К} = \frac{45.60}{3.60} = 12,70:1$	$\frac{Н}{К} = \frac{3870}{185} = 2,1:1$
$\frac{Ф}{Д} = \frac{840}{520} = 1,6:1$	$\frac{Ф}{Д} = \frac{9.60}{6.82} = 1,4:1$	$\frac{Ф}{Д} = \frac{770}{335} = 2,3:1$
$\frac{D_{ш}}{d} = \frac{480}{180} = 2,666$	$\frac{D_{ш}}{d} = \frac{600}{225} = 2,666$	$\frac{D_{ш}}{d} = \frac{280}{105} = 2,666$

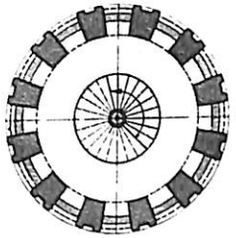
Анализ пропорций минаретов Средней Азии XI-XII вв.

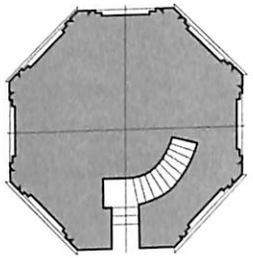
Полное сходство (в численном выражении до бесконечности), что является своего рода открытием, мы обнаруживаем в отношении верхнего диаметра ствола (шейки) к диаметру внутреннего столба Дш/d = 2,666... У всех трех минаретов – Узгенского, Калян, Вабкенского – это отношение одинаковое, несмотря на разные габариты их архитектурной формы. Такое же отношение было, как мы видим, у и минарета Бурана: 520/195=2,666...

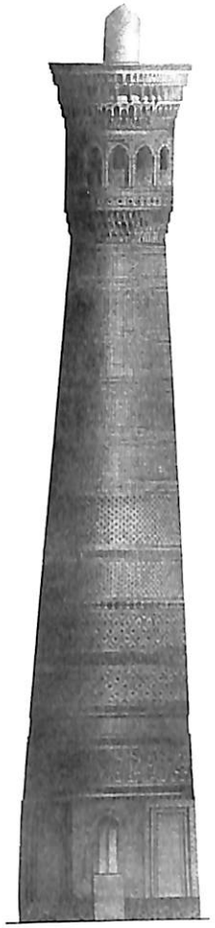
Столь поразительное единство, по-видимому, связано с тем, что верхний диаметр является наиболее ответственным с конструктивной точки зрения величиной, не допускающей менее определенного соотношения толщины стенок ствола, зависящей от утолщения самого ствола. Именно в этом месте, где идет резкое увеличение диаметра в виде карниза до диаметра фонаря минарета, возникают наибольшие горизонтальные усилия при сейсмических толчках.

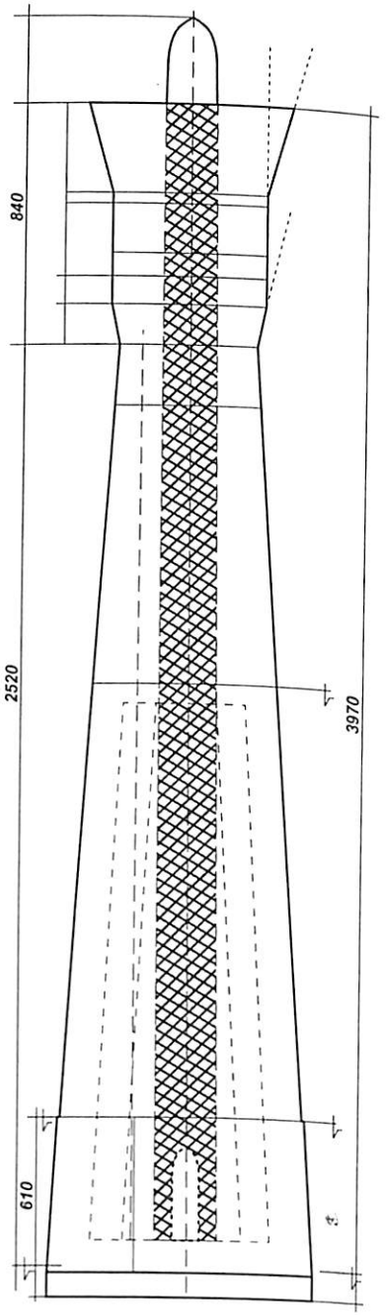
Такое канонизирование, т.е. приведение к общему правилу, конструктивного решения одного из важных узлов сооружения говорит о развитой традиции строительства минаретов в X-XII вв. в Средней Азии. Что интересно, это не мешает созданию оригинальной, самобытной архитектуры вышеназванных минаретов, что наглядно видно в их архитектурно-художественном образе.

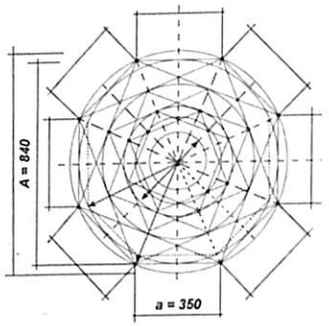
В этот канонизированный ряд легко вписывается реконструкция утраченной части Узгенского минарета. Сторона восьмигранного цоколя минарета, вписанного в квадрат, со стороной А 840 см, равняется $a = A\sqrt{2} - A = 840\sqrt{2} - 840 = 350$ см. В натуре этот размер 348...352 см. Высота восьмигранного цоколя минарета равна $Н_{ц} = A\sqrt{2}/2 = 594$ см. В натуре 608 см. Если А/2 = 420 см принять за модуль высоты (по аналогии), то высота ствола Н = 6м х 420 = 2520 см. На этой высоте диаметр верха (шейки) ствола равняется 480 см. Высота фонаря без колпака, как правило, равняется 2 модулям – 420 х 2 = 840 см. Итак, общая высота Узгенского минарета (без колпака) равняется 39,7 м. Приведенный выше расчет геометрической размерности Узгенского минарета, а также результаты испытаний конструкций и геологические изыскания легли в основу анализа его напряженного состояния и выработки конструктивных предложений по его реставрации в 1982 г., выполненной инженерами И.Ф.Цепенюком и Я.Л. Арадовским. Согласно этому

Узгенский минарет. Графическая реконструкция

анализу, разрушение Узгенского минарета носило поэтапный характер, связанный с высокой повторяемостью землетрясений в районе Узгена.

Проектом реставрации было предусмотрено усиление существующей несущей способности минарета в 6 баллов до нормативной для этого района в 9 баллов. Инженерными расчетами также установлено, что восстановление первоначальной высоты минарета улучшает его напряженное состояние при сейсмическом воздействии за счет снижения жесткости и, как следствие, уменьшение усилий от сейсмических нагрузок, которые снижаются по сравнению с существующим состоянием на 25 % /120/.

Конструктивное усиление Узгенского минарета выполнено при его реставрации с учетом возможного в будущем его восстановления до первоначальной высоты. Такое решение оправдано, учитывая его нынешнее искаженное состояние после надстройки в 1923 году местными жителями инородного по форме завершающего фонаря. На ошибочность этой надстройки указывала специальная Комиссия Средазкомстариса в составе Ш.Рахими, Б.Н.Засыпкина, Б.П.Денике, В.А.Красильникова, изучавшая памятник в 1924 году /121/.

По их мнению, неправильная высота и примененный русский кирпич исказили облик минарета.

Узгенский минарет с надстроенным в 1923 г. фонарем. Реставрация 1983 г.

Воссоздание первоначальной высоты минарета вернет ему прежние пропорции и важную градостроительную роль в застройке Узгена, утерянную на сегодняшний день. Примеров восстановления первоначальных форм архитектурных памятников, имеющих большую градостроительную значимость, немало в мировой практике. Надстраиваемая верхняя часть минарета должна быть выполнена в гладкой кирпичной фактуре без архитектурного декора, рисунок которого неизвестен.

Узгенский минарет стал важнейшим элементом в эволюционном ряду среднеазиатских минаретов этой типологической разновидности. Он унаследовал от буранинского минарета восьмигранный цоколь, прием расчленения конического ствола горизонтальными орнаментальными поясами, значительно усовершенствовав их архитектурно-художественную разработку, и сам, в свою очередь, стал предвестником дальнейшего развития архитектуры минаретов Мавераннахра и Хорасана.

Мечеть Рават Абдуллахана

У восточного подножья Сулайман-Тоо, южнее мавзолея Асаф ибн Бурхия расположена мечеть Рават Абдуллахана. Поздние здания и сооружения, а также вековые деревья окружают почти со всех сторон это старинное сооружение. Фотография 1953 года запечатлела образ еще действовавшей тогда мечети.

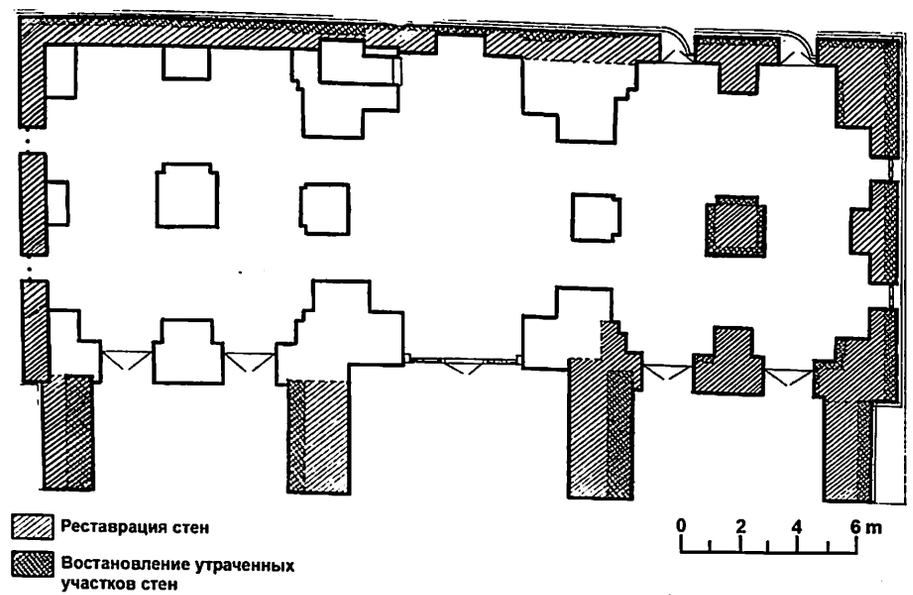
Во дворе перед главным фасадом, искаженным поздними перестройками, сидят верующие, совершая намаз. Перед зданием мечети, южнее главного входа, виден минарет, ствол которого по своей форме напоминает знаменитый Узгенский. Завершает невысокий минарет фонарь в виде восьмигранной беседки из дерева, покрытый металлическим куполком.

Литература о мечети Рават Абдуллахана очень незначительна и относится, в основном, к последним десятилетиям XX века. Первое описание ее в специальной литературе помещено в известной книге В.Е.Нусова /122/, изданной в 1971 году. Что интересно, В.Е. Нусов, обследовавший мечеть в 1966 году, в этой же книге говорит о названии мечети как неизвестной.

Он считает центральный зал мечети летним помещением, а боковые – зимними. Исходя из стилевых и архитектурных характеристик, строительных приемов он датирует мечеть концом XVI – началом XVII вв.

Впервые название мечети Рават Абдуллахана мы читаем в газетной статье Е.В. Дружининой, которая, к сожалению, не поясняет, откуда оно взято /123/. В статье говорится, что мечеть размещена в большом фруктовом саду, через который протекает древний арык Джаннат, огибающий гору. Ссылаясь на В.Е. Нусова, она также относит строительство мечети к концу XVI – началу XVII вв.

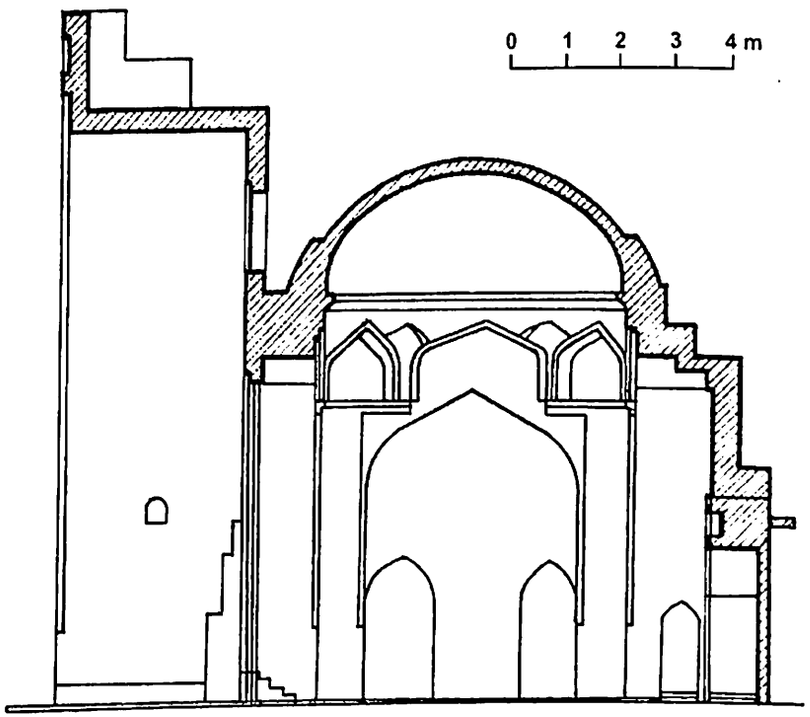
В книге В. Галицкого и В.М. Плоских /124/ дано описание мечети Рават Абдуллахана, почти полностью повторяющее данные в упомянутой работе В.Е. Нусова. В вышедшей в 1997 году книге А. Захаровой более подробно изложена история изучения памятника /125/, а также сделана попытка связать строительство мечети Рават Абдуллахана с деятельностью Абдуллахана II (1557-1598 гг.), представителя династии Шейбанидов, а следовательно, и подтвердить дату строительства (XVI в.), высказанную ранее В.Е. Нусовым.

Мечеть Рават Абдулахана. План

Этим коротким перечнем и ограничивается литература, которую мы имеем по данному памятнику. Она большей частью посвящена историко-архивным вопросам и в очень малой степени затрагивает вопросы архитектурные. Ни один из авторов указанных выше работ не касается анализа архитектурных форм или общей композиционной структуры памятника с целью уточнения времени строительства и его места в архитектурном наследии Кыргызстана.

В результате архитектурно-археологических исследований в целях реставрации в 1986-90 гг. (архитектор С.С.Меркулова) было выявлено, что существующая ныне мечеть имеет многочисленные перестройки. Северное крыло мечети почти полностью переложено, о чем говорят деформированные конструкции стен, арок и куполов, в кладке которых использованы разновременный кирпич и булыжные камни. Щитовидные паруса куполов, аналогичные кон-

Разрез I – I

струкциям южного крыла мечети, отсутствуют, что свидетельствует о неквалифицированном ремонте. В отдельных арках, в местах ремонта кирпич уложен плашмя, не укладываясь в логику выкладки арок и свидетельствуя о неграмотном ремонте.

В центральном зале наибольшие изменения претерпела михрабная ниша. Вся кирпичная кладка верхней части михраба – ремонтная, и ее поддерживает перемычка из бревен. Купол зала деформирован из-за поздних ремонтов.

Зондажи и шурфы, выполненные по периметру наружных стен, позволили уточнить размеры отдельных частей мечети. Ширина двух средних пилонов главного, восточного фасада оказалась равной 2,13 м вместо поздних с размером 1,5 м. Ширина крайних пилонов оказалась равной 1,6 м, что почти вдвое больше имеющихся ремонтных.

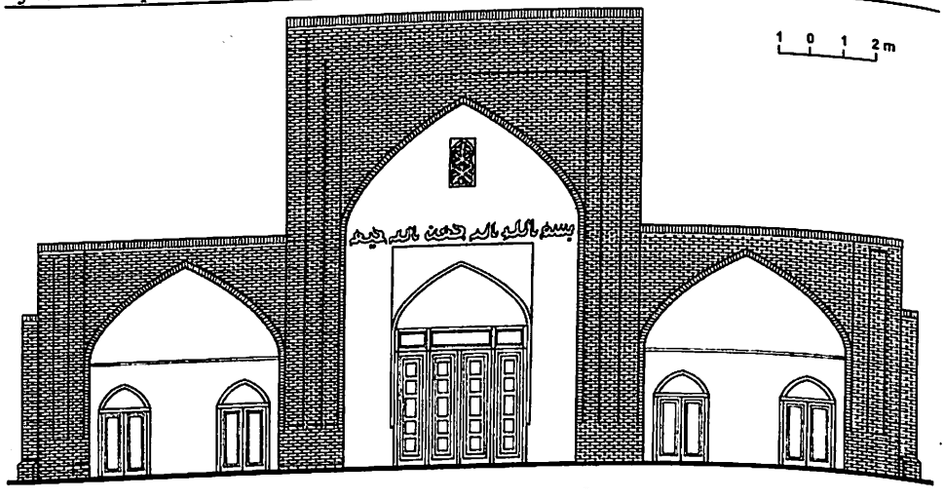
Торцевая наружная стена северного крыла мечети полностью переложена при одном из ремонтов и на 0,7 м оказалась задвинутой вовнутрь помещения. Из-за уменьшения помещения пилон этой стены, на которую опирается арка купола, оказался скрытым в толще поздней стены.

Большие объемы ремонтных участков выявлены на наружных поверхностях мечети – западной стене, на четверике центрального купола, на парапетах боковых помещений.

В таком удручающем виде дошла до наших дней мечеть, скрытая под поздними штукатурками, надстроенной кровлей и реконструированным восточным фасадом.

Мечеть Рават Абдуллахана представляет собой трехчастную композицию, образованную за счет центрального зала с большим куполом и двух боковых четырехкупольных помещений-залов. Центральный зал мечети с размерами 6,63х6.37 м посредством дверных проемов сообщается с двумя боковыми залами. Все помещения мечети, в свою очередь, через систему открытых проемов в восточной стене с пилонами обращены во двор. Оба боковых зала имеют по два оконных проема, выходящих на торцевые стены.

Зондажи стен крыла мечети позволили выявить еще два дверных проема шириной 1,2 м, ранее заложенных в западной стене. Слева от михрабной ниши размещено маленькое помещение чилляканы с размерами 1,5х1,5 м.

Мечеть Рават Абдуллахана.Фасад

Боковые залы мечети перекрыты куполами на щитовидных парусах, опирающихся на арки, переброшенных от пилонов стен к центральному столбу квадратного очертания.

Перекрытие центрального зала – наиболее интересная часть мечети в конструктивном отношении. Маленький купол, диаметр которого меньше диаметра круга, вписанный в квадрат пола зала, покоится на шестнадцати арочках, образованных угловыми и нишевыми парусами, а также размещенными между ними щитовидными парусами. Над ажурным шестнадцатиарочным поясом выступает двухступенчатый пояс основания сферического купола.

Подобные конструкции купольного перекрытия довольно редко встречаются в позднесредневековой архитектуре. Здесь налицо использование старого приема с угловыми парусами и арочными нишами и робкое желание применить щитовидный парус.

Наличие мощных пилонов главного восточного фасада дает все основания предполагать, что он первоначально был выстроен в виде портальной композиции с трехарочным айваном. Принятая за основу реконструкции главного фасада мечети схема трехайванного портала в принципе верна, за исключением пропорций самих айванов. В поисках пропорций айвана мечети Рават Абдуллахана автором реконструкции (С.С.Меркулова) взят анализ соразмерностей фасада медресе Улугбека в Гиждуване (1433 г.) М.С.Булатова /126/

. Однако совершенно не учтено, что фасад медресе Улугбека в Гиждуване имеет совсем другие членения и пространственную организацию. На нем, в отличие от Равата Абдуллахана, имеются мощные угловые колонны, отдельно выделенный в центре портал со стройными пропорциями, а также попарно расположенные с двух сторон портала декоративные ниши в прямоугольном обрамлении, которые создают совершенно иную пропорциональную картину.

Главный, восточный фасад мечети Рават Абдуллахана трактован в древности, как единый трехайванный портал с возвышением центрального айвана. Поэтому перенос пропорций структуры фасада медресе Улугбека на совершенно другую структуру фасада мечети Рават Абдуллахана, хотя и при схожих внешних контурах, создал прецедент, не известный ни на одном из фасадов памятников архитектуры Средней Азии, когда пропорции арок айвана (боковых) вписаны в квадрат. Желание вписать в чужие пропорции привело к неоправданному маленькому размеру простенка между стрелкой айвана и верхом данданы парапета. В сравнении с мощными пилонами верхняя часть боковых крыльев портала воспринимается срезанной, а сами простенки слишком тонкими.

Тип объемно-пространственной композиции, положенный в основу мечети Рават Абдуллахана, сложился в Средней Азии в раннем средневековье. Сперва это были трехчастные мечети намазго, т.е. загородные праздничные мечети, как, например, мечеть Ширкабир в Дахистане (XI-XII вв.), мечеть намазго в Нисе (XI-XII вв.) и мечеть Талхатанбаба (XI в.) в Мервском районе Туркмении. Затем планировка трехчастных замкнутых мечетей намазгох трансформируется по типу сквозных открытых, как, например, мечеть Намазгох (XII в.) в пригороде Бухары. По мнению В.Н.Нильсена, в бухарской мечети Намазгох ярко выражен новый композиционный прием – включение наружного пространства в архитектурную композицию сооружения /127/.

Принцип открытого внутреннего пространства в сторону двора или прилегающей площади заложен и в мечети Рават Абдуллахана посредством трех айванов и пятью открытыми проемами в них.

Что касается столпно-купольного перекрытия боковых залов Рават Абдуллахана, то оно имеет длительный по времени опыт

использования в архитектуре Средней Азии, начиная с IX в. (мечеть Чор-Сутун в Термезе) и заканчивая XIX в. в мечети комплекса Зенги Ата в Ташкенте.

На развитие архитектуры Ферганы, начиная с XVI в., заметно влияние бухарской школы, которая в этот период задавала тон в строительстве Средней Азии. Еще более усилились эти тенденции в XVIII-XIX вв., кокандским ханам «импонировали монументальные формы зодчества Бухары и Самарканда». В конце XVIII-XIX вв. в Коканд переселялись целыми семьями бухарские мастера, их сыновья и внуки продолжали работать в Коканде /128/.

Однако это влияние бухарской школы на архитектуру Ферганы XVI-XIX вв. не имеет никакого отношения к деятельности Абдуллахана II из династии Шейбанидов, правившего Средней Азией с 1557 (а не с 1534 г., как указано в труде А.Захаровой) по 1598 г. /129/.

В вышеуказанном труде, исходя из народных преданий, строительство мечети Рават Абдуллахана приписывается правителю Бухары XVI в. Абдуллахану II. Действительно, в эту пору большой размах строительство приобретает в Бухаре. Во времена правления Абдуллахана Бухара отстраивается почти заново /130/. Облик этого города, в основном, сложился в XVI столетии, не считая построек X-XV вв. Непосредственно с именем Абдуллахана связано четыре памятника в Бухаре – это медресе Мадари хан (1567), матери Абдуллахана, тим Абдуллахана (1577), медресе Абдуллахана (1588) и медресе Улугбека, построенное в 1417 г. и перестроенное Абдуллаханом в 1586 г. Еще один крупный монументальный архитектурный ансамбль Чар-Бакр, состоящий из медресе, мечети и ханаки, Абдуллахан приказал возвести в честь владетельного духовного феодала Ходжи Ислама – главы ордена Ходжагон, поддерживавшего авторитетом религии власть самого Абдуллахана /131/. Но монументальное строительство в этот период велось и влиятельными сановниками Абдуллахана. Например, великолепное медресе Кукельташ (1568) построено Куль-баба Кукельташем.

Массовое строительство времен Абдуллахана в Бухаре, кроме определенных достижений в сводчатых конструкциях и декоративном убранстве, имело и негативные стороны. В этот период госу-

дарство Шейбанидов теряет международное значение, усиливаются налоги и эксплуатация земледельцев, находящихся под властью реакционного духовенства и феодалов. В архитектуре еще пытаются сохранить внешний блеск, но большие здания строятся небрежно. «Стены, снаружи выложенные кирпичом и облицованные мозаикой, сложены из кирпичного лома и мусора, залитых земляным раствором» /132/.

Тем не менее, этот технический недостаток не останавливает поступательного развития архитектуры Бухары в художественном отношении. Стиль бухарской школы XVI в. во многом определяет цветная отделка их внешнего облика и оригинальная разработка интерьеров. Во всех без исключения крупных сооружениях эпохи Абдуллахана в Бухаре и Самарканде в наружной облицовке фасадов господствует цветная майолика, а в интерьерах – великолепная разработка сводчато-купольных систем, продолжающие выдающиеся достижения строительной техники Средней Азии XV в.

Столь подробную характеристику архитектуры Бухары и Самарканда XVI в. во времена правления Абдуллахана мы приводим для того, чтобы пояснить, сколь далек был в эту пору от забот Абдуллахана и архитектуры его эпохи город Ош, находившийся в составе Моголистана, раздираемого междуусобной борьбой ее удельных ханов, бывших в номинальной зависимости от бухарского правителя.

Естественно, что народная молва об Аблуллахане как строителе Бухары распространялась по Средней Азии гораздо проще, чем сами практические дела. Отсюда и излюбленная в народе привычка приписывать более или менее видное сооружение знатным правителям или шейхам и др.

Например, мавзолей, стоящий рядом с известным гумбезом Идриса Пайгамбара в Чаткале, народной молвой приписывается то его спутнице Зууре Батме, то его оруженосцу, то его полководцу. Можно брать за основу любую версию, а истиной может оказаться совсем иное.

В другом конце Средней Азии, в Туркмении, целое городище Нового Мерва (Шахруха) народной молвой было связано с Абдуллаханом. «Новый город закладывается Шахрухом на 1 км южнее

средневекового Мерва, на слабо заселенных участках былого рабада. Ему соответствуют руины городища Абдуллахан-кала, лишь с течением времени принявшего это название, которое ошибочно связывает его с деятельностью узбекского хана XVI в.» /133/.

Выдающийся русский востоковед В.В.Бартольд в своей работе «Очерк истории Семиречья», ссылаясь на Мухаммеда Хайдара, приписывает возведение самобытного памятника архитектуры Кыргызстана – Таш-Рабата ревностному распространителю ислама Мухаммед-хану, правившему Моголистаном с 1408 по 1416 г. / 134/. Последние обширные исследования памятника с 1980 по 1982 гг. с целью реставрации дали основание пересмотреть дату сооружения памятника XI-XII веками, т.е. он был построен за 300 лет до Мухаммед-хана.

Поэтому В.Л.Воронина не зря рекомендует корректировать народные легенды, связанные с памятниками. Между городом Ходжент и Ура-Тюбе в с.Лянгар расположен мазар Лянгар-Ата. «Народная молва приписывает постройку Тимуру. Но устную традицию необходимо корректировать. Крестовидный план и конструкция парусов над стрельчатыми арками не могли появиться раньше XV в., а четвертные колонны фасада указывают на вероятную дату постройки в XVI в.» /135/.

Примеров подобных исторических несоответствий можно привести еще много, но не они определяют дату возведения и архитектурно-художественную ценность памятника.

Как видно из объемно-пространственных и конструктивных характеристик мечети Рават Абдуллахана, приемы, использованные при его строительстве, известны в архитектуре Средней Азии с IX по XIX в. Однако общеизвестно, что применение старых приемов в поздней архитектуре не придает ему древности, а скорее говорит об отсталости строительного производства, отсутствии или незнании новых идей. Сравнение внешнего облика Рават Абдуллахана с постройками Бухары XVI в. дает ясное представление не в пользу родства их архитектуры. Следы майолики или мозаичных облицовок, столь обязательных для построк Бухары XV-XVII вв., на Рават Абдуллахане не обнаружены ни археологическими раскопками, ни на неоднократно ремонтированных фасадах. Говорить о каком-либо влиянии великолепных купольно-сводчатых систем с богатой отделкой в интерьерах бухарских мечетей и медресе в отношении Рават Абдуллахана тоже не приходится.

Выше было отмечено, что наиболее интересным в центральном зале мечети Рават Абдуллахана является купольное перекрытие, но и оно по сравнению с куполами Бухары XVI-XVII вв. выглядит провинциальным.

Из всего отмеченного вытекает довольно простое: мечеть Рават Абдуллахана в городе Оше не могла быть построена по велению правителя Бухары Абдуллахана в XVIв.

Сооружений, близких по стилю эпохе Абдуллахана, нет не только в Оше, нет в Коканде, где чувствовалось влияние Бухары XV и особенно XVIII-XIX вв. Достоверность легенды о строительстве мечети-медресе в с. Навгилем рядом с г. Исфара по указанию Абдуллахана в XVI в. также вызывает большое сомнение из-за отсутствия научно обоснованного труда по этому памятнику /136/.

Относительно этимологии слова «Рават», имеющегося в названии мечети Рават Абдуллахана, то ее вряд ли уместно сближать с термином «рабат» от арабского «рибат». С появлением первых арабов в Средней Азии началось строительство «рабатов» – пограничных укреплений, предназначенных для насаждения новой религии на завоеванных территориях /137/. Постепенно в X-XI вв. на придорожные караван-сараи было перенесено и название «рабат», утратившее свое первоначальное значение «укрепления газиев», так как к этому времени ислам стал в Средней Азии господствующей религией. Караван-сарай, основная функциея которого – торговая, обслуживание караванов, постоялый двор, вряд ли совместим с праздничной мечетью, какой был задуман первоначально Рават Абдуллахана.

Возвращаясь к описанию физического состояния Рават Абдуллахана в начале реставрации в 1989 г., необходимо отметить плохую сохранность первоначального облика сооружения, от которого сохранилась только часть стен и куполов после крупных ремонтных работ с заменой разрушавшихся древних участков мечети. В то же время сохранена преемственность первоначальной планировки, отклонения от которой незначительны.

Причиной неоднократных разрушений является медленное сползание склона горы, на которой издревле стоит мечеть. Точно такая же картина имеет место с мавзолеем Асаф ибн Бурхия, расположенным недалеко от мечети. Мавзолей заново перестроен из кирпича первоначального сооружения XI-XII вв., сагана от которого с орнаментальной кладкой оказалось погребенной оползнем на глубину 2,5 м под фундаментом мавзолея. Аналогичная ситуация постигла и средневековую баню, расположенную между мечетью Рават Абдуллахана и мавзолеем Асаф ибн Бурхия. Археологические раскопки выявили остатки стен основных помещений бани, отметка пола которых на 2-3 м ниже уровня земли с южной стороны раскопа, т.е. со стороны горы. Вряд ли баню заглубили на всю высоту помещений, более вероятно, что оползень постепенно наступал на это сооружение, которое в течение столетий неоднократно перестраивалось и в конце концов пришло в запустение.

Известная цитата из «Бабур-наме» Мухаммеда Захириддина Бабура о мечети Джауза, на которую часто ссылаются авторы, дает нам еще одно подтверждение того, что участок расположения мечети Джауза находился между городской застройкой (ее центром) и Сулайман-горой.

«У подошвы горы Бара Кух, между горой и городом, стоит мечеть, называемая Джауза» /138/. Мечеть Рават Абдуллахана точно так же занимает крайнее положение между городом и горой, т.е. выше к горе невозможно строительство крупной постройки, такой, как мечеть. Есть все основания предполагать, что мечеть Джауза размещалась на месте современной мечети Рават Абдуллахана. Найденные под булыжным фундаментом мечети Рават Абдуллахана остатки стены из древнего кирпича высотой в семь рядов, вполне возможно, принадлежали мечети Джауза времен Бабура, так как по размеру они идентичны древней кладке мечети Рават Абдуллахана. Древний, хорошо обожженый квадратный кирпич мечети с размерами от 25-28 см в стороне и толщиной 3,5-4,5 см использовался в строительной практике Средней Азии начиная с XI в. (мечеть Талхатан баба в Мерве, мавзолей Аламбердара) до XIX в. (мавзолей Бувайды близ Коканда, мечеть Намазгох в Ташкенте).

В любом случае очевиден факт, что дошедшее до нашего времени здание мечети Рават Абдуллахана построено заново в XVIII – начале XIX в. на месте и из материала более древнего сооружения, вполне возможно, мечети Джауза, упоминаемой Бабуром.

Известно, что «мусульманские мастера не были любителями восстанавливать, и вместо ветхих сооружений предпочитали возводить новые. Так, по словам В.Л.Вяткина, мавзолей Ходжи-Абди Даруна под Самаркандом перестраивался совершенно заново два раза; и наконец третий, ныне существующий, вместо этих двух построен уже во времена Улугбека в XV веке. Медресе Тилля-Кари построено на месте старого разрушенного здания и даже с использованием старого материала как строительного, так и облицовочного кирпича» /139/.

В объемно-пространственной структуре мечети заметно некоторое влияние бухарской школы, но это не стиль XVI-XVII вв., основу которого составлял внешний эффект, репрезентативность, традиционный к тому времени мощный портал, к которому примыкают двухъярусные лоджии с тяжеловесными башнями-гульдаста в углах. Архитектурный декор мечетей, медресе Бухары XVI-XVII вв. продолжает следовать великолепию позднетимуридских построек.

В мечети Рават Абдуллахана использованы объемно-планировочные структуры и конструктивные приемы, апробированные на архитектуре Средней Азии еще с XI в. и используемые вплоть до XIX в. Трехчастный план мечети, раскрытый в сторону площади или двора, говорит о его функции праздничной мечети и повторяет подобные мечети, появившиеся еще в XI в. Конструктивный прием перекрытия помещений куполами на щитовидных парусах разработан уже в конце XIV в. (мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, 1398 г.) и достиг совершенства в XV в. на памятниках Самарканда (Ишратхана, Чупан-Ата и др.) и безраздельно используется в архитектуре Бухары XVI-XVII вв.

Купола на щитовидных парусах в мечети Рават Абдуллахана имеют заметный провинциальный характер. Здесь использован простой конструктивный принцип, но нет художественной разработки членений, большой потенциал которых заложен в этом приеме. В мечети налицо применение прогрессивного приема пере-

крытия куполами на арках, но не хватает мастерства. Поэтому нет оснований объявлять архитектуру мечети Рават Абдуллахана «чрезвычайно уникальной» /140/, когда она таковой не является. Полных аналогов в архитектуре вообще не бывает, и ценность памятника определяют не «аналоги», а глубокая самобытность ее архитектуры, новаторство и свежие идеи, высокое качество работ.

Мечеть Рават Абдуллахана имеет для Оша ценность, как яркий пример традиции культового строительства у северо-восточного подножья Сулайман-Тоо, как часть древнего и исторического ядра города, сформированного с незапамятных времен в этом месте города.

Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы, мечеть Джами у мавзолея Асаф ибн Бурхия, мечеть-мавзолей Тахти Сулейман, мечеть Рават Абдуллахана, мечеть Джауза времени Бабура, так же не дошедшие до нас мечети, современники средневековой бани XI-XII вв. – все они вместе с другими мемориальными сооружениями являются убедительным доказательством существования в X-XII вв. на Сулайман-Тоо развитого культового мемориального центра, который сохранился до XX в. несмотря на разные потрясения в исторической судьбе города. Этот мемориально-культовый очаг появился не на пустом месте – еще в эпоху бронзы люди избрали этот природный феномен местом для своих жилищ и культовых построек, а на скалах оставили каменную летопись, повествующую о их обычаях, мировоззрении, обрядах.

Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы

В 1982 году верующим была возвращена мечеть, носящая имя Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы. Закрытая при установлении советской власти, мечеть долгое время использовалась под склады, пекарню, конфетный цех Кооптторга.

В 1974 году мечеть была обследована архитектором Л.Г.Куцемеловым. Материалы данного обследования (чертежи, копии орнаментов, росписи потолка, выполненные цветными акварельными красками) находятся в фондах Ошского историко-культурного музея-комплекса Сулайман-Тоо /141/.

Мечеть расположена в старинной части Оша на пересечении арыка Джуйпаст и ул.Тельмана, с северной стороны Сулайман-

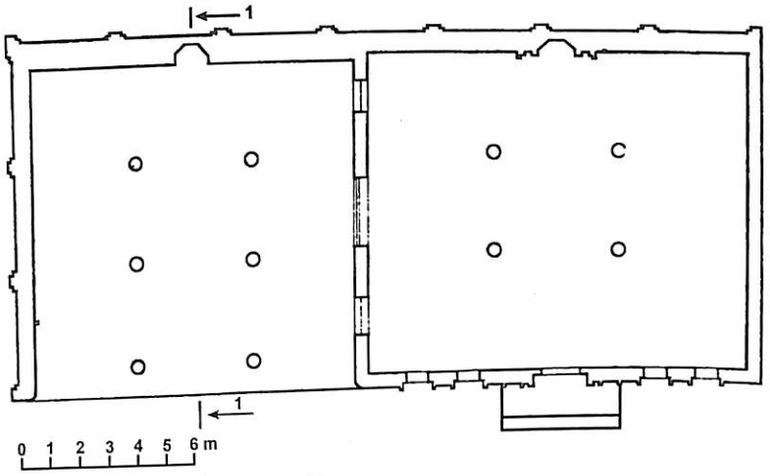
Фрагмент потолка с надписью

Тоо. На ул. Тельмана ориентирована южная стена айвана и современные постройки, включающие ограду, входные ворота, летние сооружения над арыком.

Имя жертвователя, на средства которого построена мечеть, выведено на одной из балок айвана. Кроме имени Мухаммеда Юсупа Байходжи здесь обозначены имена строителей-уста Хашима, Кабула, Хайдара и других, а также дата возведения мечети – 1328 г. Кахиджры, т.е. 1909-1910 гг.

Построенная в начале века, мечеть вобрала в себя достижения того времени в области строительного дела. В этот период в строительстве крупных зданий в Фергане большое применение получает обожженый кирпич нового стандарта – с размерами 27x13x7 см, а также кровельная сталь, заменившая облицовку кирпичами и глиняную замазку плоских кровель. Несмотря на новые материалы, архитектура мечети продолжает многовековую традицию культовых построек Средней Азии.

В плане мечеть представляет собой прямоугольник, ориентированный поперечной осью на север-юг. Северную половину здания занимает зимнее помещение – хонака, а с южной стороны к нему примыкает колонный айван, раскрытый на восточную сторону или

План мечети

дворовую часть мечети. Хонака имеет размеры 12 х10,35 м. Два дверных проема соединяют зимний зал с айваном, имеющим квадратного очертания план с размерами 10,8х10,8 м. Зимнее помещение освещается посредством четырех оконных проемов, расположенных в восточной стене, по сторонам входной двери.

Деревянное перекрытие зала опирается на четыре колонны в центре помещения. Перекрытие айвана имеет более сложную конструкцию и опирается на два ряда колонн по три в каждой из них.

Фундамент мечети сложен из крупных бутовых камней, заглубленных на 30 см ниже уровня земли. Цоколь здания полностью выложен из обожженого кирпича. По периметру внутренних стен, поверх цоколя, устроена деревянная обвязка из брусьев сечением 100х150 мм. Сырцовые стены толщиной 80-90 см укреплены деревянным каркасом. Южный фасад мечети, обращенный на ул. Тельмана, облицован жженым кирпичом на известково-алебастровом растворе. Плоскость фасада расчленена на три прямоугольных панно, в каждом из которых устроена арочная ниша стрельчатого очертания. Вертикальные панно с арочными нишами в верхней части завершают горизонтально расположенные панно.

Сырцовая кладка северного и западного фасадов выполнена горизонтальными рядами на толстом слое ганчевого раствора. Размер сырцового кирпича равен 20х27х7 см. В верхней части

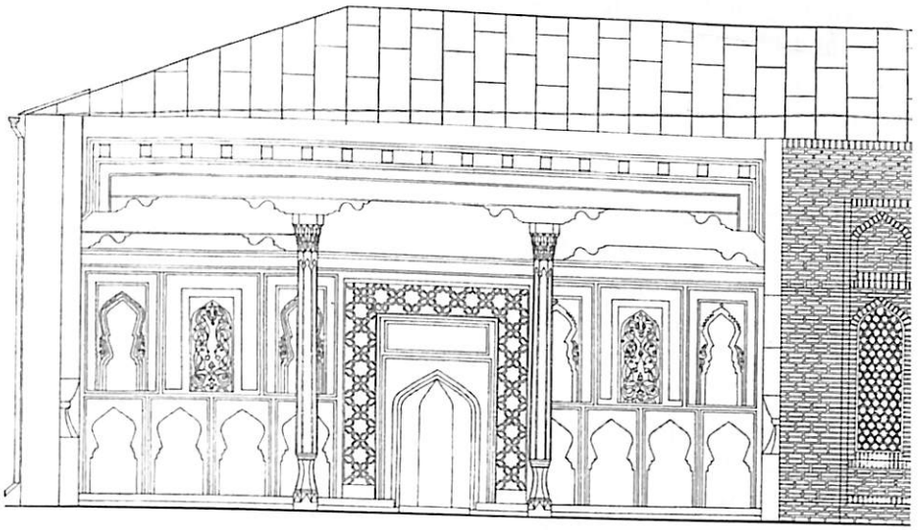
западной стены два ряда кирпичей уложены с наклоном, имитируя кладку в «елочку».

Восточный фасад мечети, оштукатуренный глиняным раствором, к началу реставрационных работ имел довольно неприглядный вид, со следами многочисленных ремонтов. Двухстворчатая филенчатая дверь, по-видимому, также была установлена во время одного из ремонтов.

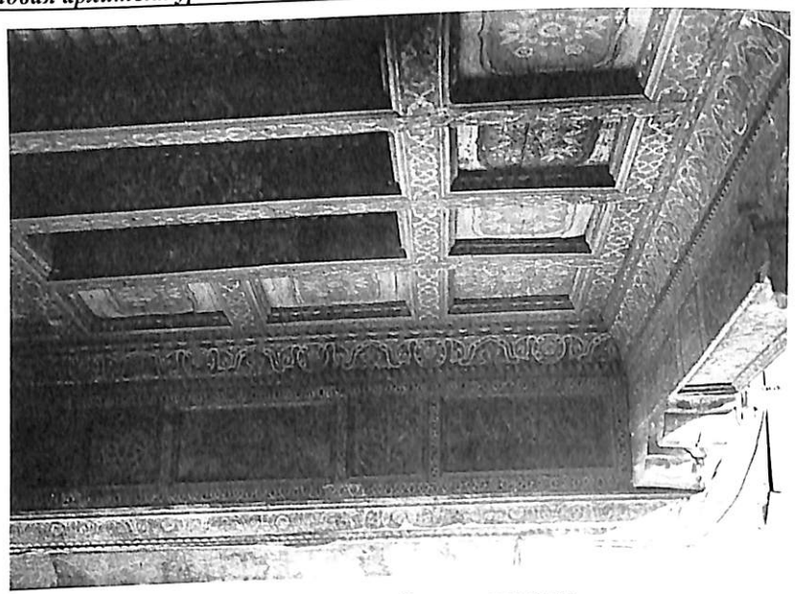
Кровля памятника, как было сказано выше, устроена с применением кровельной стали в виде двух- и трехскатных крыш с ендовой вдоль средней стены между айваном и зимним залом.

Особый интерес в архитектуре мечети представляет интерьер айвана, раскрытый во внутренний двор. Следуя традиции айванных мечетей, зодчие вложили все свое мастерство в разработку плоскостей айвана, придав ему цельный и законченный облик.

Горизонтальными и вертикальными тягами все стены расчленены на отдельные карты, расположенные в два ряда. Южная стена айвана разделена по горизонтали на три части посредством полосы геометрического орнамента синего цвета. Данный орнамент представляет собой широко распространенный мотив, основанный на

Фасад айвана. Вид с востока

Северо-восточный отсек потолка

квадратной сетке, разбитой по диагоналям квадрата. Раппорт орнамента состоит из двух ромбиков, построенных рядом с небольшой крестообразной вставкой, за которым следует одиночный ромб.

В прямоугольные карты нижнего пояса стены вписаны фигурные фестончатого очертания арочки-даурия. Углубленные плоскости даурия-поя покрыты слоем ганчевого раствора светло-синего цвета.

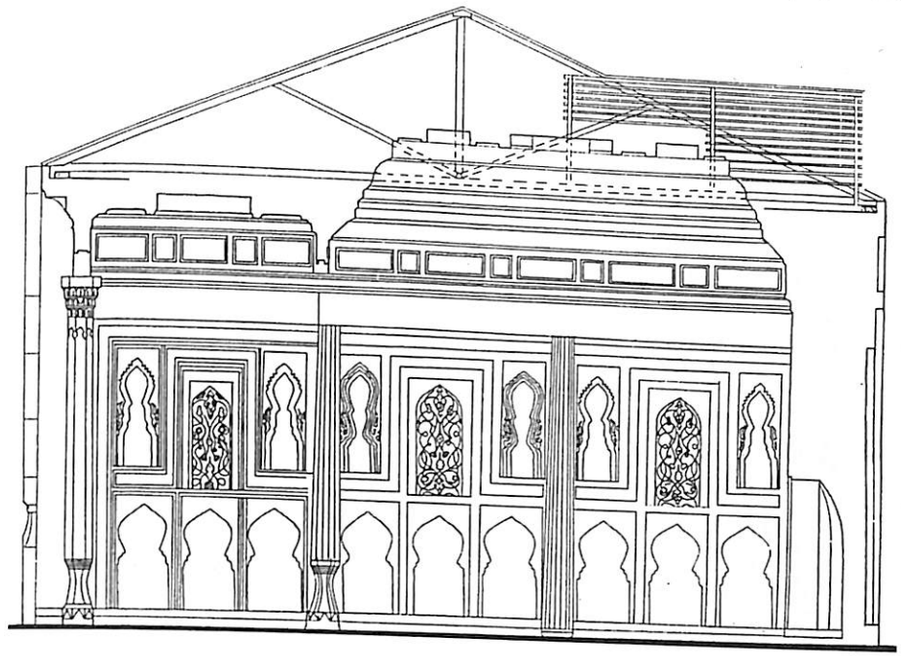
Карты верхнего пояса даурия-поя, помимо рельефных тяг и лент геометрического орнамента, обрамлены лентами красного, зеленого и синего цветов. Рисунок ленты представляет собой усложненный мотив меандра из двух полос, при пересечении которых образуются фигуры в виде ломаного креста. Сами карты верхнего пояса заполнены декоративными стрельчатыми арочками, содержащими растительный орнамент.

В больших картах по сторонам описанных арок расположены даурия-поя с более узкими, вытянутыми пропорциями по сравнению с нижним поясом. Цветная отделка арочек выполнена в технике «часпак», представляющей ганчевую мозаику. Технология такой отделки заключается в выборке на гладкой ганчевой поверхности

слоя по заданному рисунку. Затем на вырезанный участок накладывается слой ганча другого цвета с сохранением гладкой поверхности стены. Напоминающая сграффито, данная техника широко применялась не только в отделке общественных зданий, но и в интерьере жилищ.

В интерьере айвана композиционно выделяется декоративное решение михрабной ниши в западной стене. По рисунку эта часть стены напоминает традиционный портал, где П-образная рама огибает стрельчатую нишу, в данном случае представленную михрабом. Сама михрабная ниша имеет в плане очертание в виде половины восьмигранника, вертикальные стены которого сведены к стрелке арки. Ширина ниши 1,12 м при высоте в 2,1 м. Арка михрабной ниши оконтурена жгутом, выполненным из прерывистого меандра.

Большая П-образная орнаментальная рама, выделяющая на западной стене михрабную часть, представляет собой пересече-

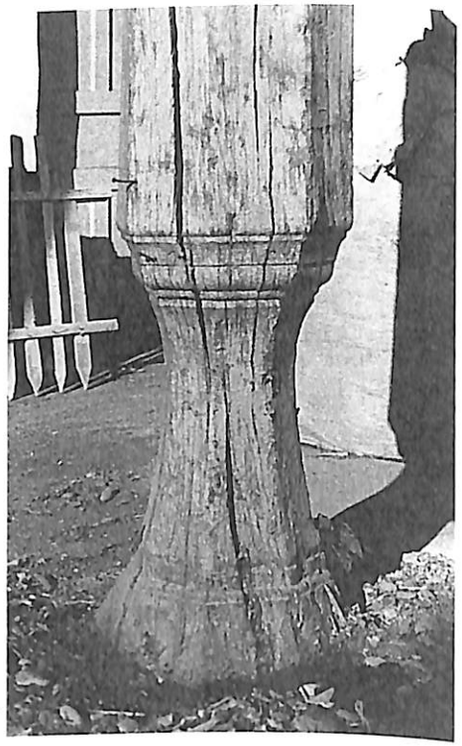
Айван мечети. Разрез I – I

ние лент в виде крестообразных фигур с чередованием с восьмиугольными звездами.

Арабской надписью заполнено панно в размерами 1,62х0,38 м, размещенное над михрабной нишей. Белые буквы арабской надписи выделены на фоне красно-коричневого ганча.

Михрабная ниша с тимпаном и панно в надписью объединены единым обрамлением из каемки-«занджира», представляющей трехранно-выемчатую резьбу по ганчу, близкую по рисунку к «занджире» портала мавзолея Асаф ибн Бурхия.

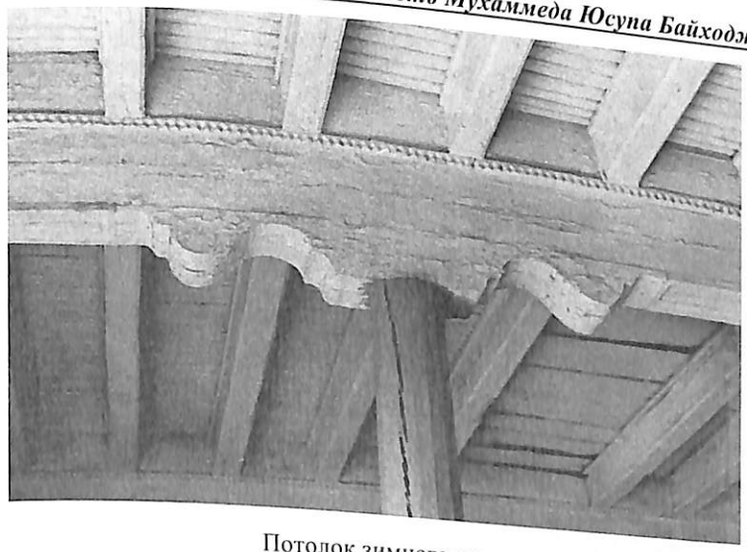
Потолок зимнего зала разделен на девять квадратов посредством ригелей и балок, что вполне естественно для четырехко-

База колонны первого типа.

Капитель с подбалкой колонны первого типа

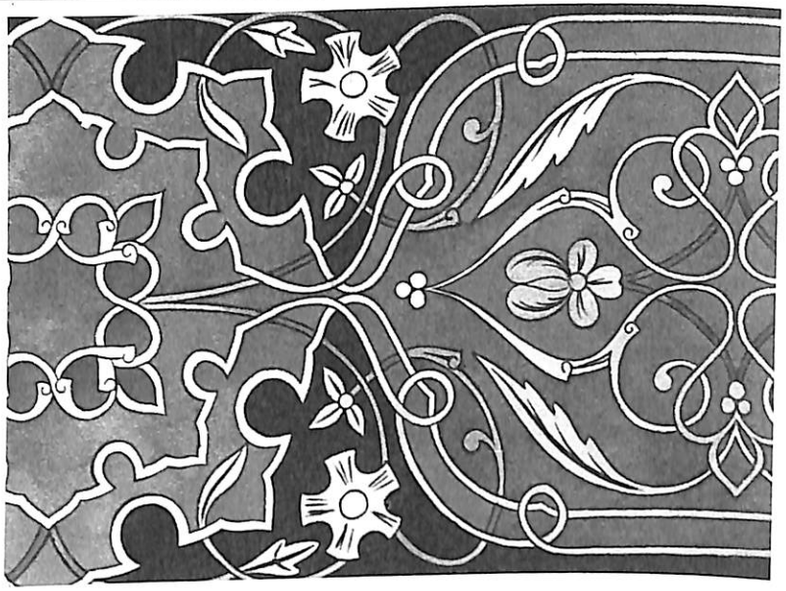

Потолок зимнего зала

лонного зала. На квадраты ригелей уложены с шагом 50 см балки, на которые в свою очередь уложены «васса» – полуцилиндрические жерди выпуклой стороной вниз. Поверх вассы идет утеплитель из камышовой плетенки – «буйра», с последующей заливкой глиной с перемешанным камышом. Такая конструкция – «васса-джуфт» – наиболее часто употреблялась в сооружениях с плоскими кровлями. Потолок зимнего зала росписей не имел. Стены также без лишнего декора были оштукатурены ганчевым раствором.

Потолок айвана имеет более сложную конструкцию за счет разного уровня и декоративных элементов. Система квадратов сохранена и здесь, за исключением двух, расположенных по оси перед михрабом, которые объединены и приподняты в виде шатра. Такая конструкция, называемая в местной терминологии «хаузак», усиливает пространственный акцент михрабной ниши в интерьере айвана.

Шатер имеет форму корыта, суживающегося кверху за счет сталактитов и выкружек. Плафон шатра разбит на крупные геометрические фигуры-многогранники. Три больших квадрата потолка айвана, прилегающие к открытой стороне, объединены единой системой мелких квадратов-кессонов, заглубленных до уровня вассы остальной части потолка.

Фрагмент росписи потолка айвана

Вся поверхность потолка айвана покрыта цветной росписью. Орнаментальная роспись, сплошь покрывающая все конструкции потолка, впечатляет богатством мотивов и цельностью цветового решения. Тонко проработанные мотивы растительного орнамента подчеркивают архитектонику потолка, усиливая ее пространственность. Преобладают красные, синие и зеленые цвета.

Вся роспись потолка объединена единым стилистическим решением, когда различные по рисунку и цвету фигуры имеют тонкую прорисовку белым или желтым цветом, которые оживляют и графически подчеркивают живопись.

Потолки айвана и зимнего зала поддерживаются деревянными колоннами трех типов. Колонны первого типа, поддерживающие карниз айвана, состоят из базы, ствола, капители и подбалки. База высотой 0,87 м представляет собой фигуру с квадратным основанием и восьмигранным верхом «пай-устун». Постепенный переход от квадрата к восьмиграннику образуется за счет двояковогнутых кривых в средней части. Диаметр базы в нижней и верхней частях одинаковый.

Высота ствола колонны равна 3,17 м, в сечении выполнена в форме восьмигранника с диаметром описанной окружности у основания 40 см и в верхней части – 30 см. Ствол завершают трилистники, в данном случае накладные, образующие фигуру «модахиль». Нижний конец ствола выполнен в форме «кузаги» (шаровидная форма).

Звездчатая сталактитовая капитель поддерживает подбалку, на которую опираются ригели перекрытия. Фигурная подбалка выполняет также конструктивную роль, уменьшая прогиб на него прогонов и ригелей.

Колонна второго типа отличается от первого формой ствола, выполненного в виде шестнадцатигранника, и отсутствием капители. Здесь подбалка опирается непосредственно на ствол колонны.

Деревянная шестнадцатигранная колонна третьего типа еще более упрощена отсутствием базы и капители. Основание ствола колонны закруглено, и на высоте 10 см от основания подчеркнуто от основного ствола двумя глубокими прорезями по периметру. Диаметр описанной окружности у основания ствола равен 38 см, в верхней части – 28 см. Четыре колонны третьего типа установлены в зимнем зале.

Описание архитектуры мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы будет не полной без работ, выполненных на памятнике в процессе реставрации и реконструкции в 1982 году. Памятник предстал перед реставраторами в удручающем состоянии. Использование мечети в течение десятилетий не по назначению существенным образом отразилось на его физической сохранности.

Всестороннее изучение памятника позволило определить реставраторам его ценность и приемы в методике реставрации. Основными вопросами были проблемы укрепления несущей способности сооружения, реставрация и восстановление утраченных деревянных колонн, реставрация декоративного убранства интерьера айвана, реконструкция кровли и приспособление мечети после реставрации под ее первоначальную функцию культового здания.

Потолок айвана. Центральный отсек. Роспись

В процессе реставрации на мечети были выполнены следующие работы. В первую очередь укреплены и переложены стены мечети. Так, например, восточная стена зимнего зала была отстроена заново из силикатного кирпича в виде орнаментальной кладки. Южная стена айвана, выходящая на ул. Тельмана, отреставрирована в первоначальном виде. Зимний сад и айван были сведены под единую кровлю из оцинкованной стали. Восстановлены утраченные колонны зимнего зала. За восточным фасадом, в глубине двора, построены подсобные помещения для нужд заново открываемой мечети и дараткана.

Основной задачей реставраторов было сохранение живописной росписи потолка айвана мечети, представляющей наибольшую художественную ценность в этом сооружении. Устройство новой кровли во многом предотвратило дальнейшее разрушение живописи потолка, которая во многих местах была скрыта под слоем копоти и пыли. В отдельных местах имелись разрушения в виде шелушения красочного слоя, отслоения его от основы, утраты живописного слоя до основы и прочие виды разрушений.

Небольшое укрепление (пробное) красочного слоя, выполненное 8%-ным водным раствором СВЭД, показало, что отставание и расслоение красочного слоя легко размягчается и укладывается. В то же время было отмечено, что происходит частичное растворение краски. Это усложнило процесс реставрации и потребовало более тщательного методического подхода и приемов выполнения работ.

Для точного определения типов краски взятые для анализа пробы были направлены для заключения в лабораторию ВНИИР в Москву. Результаты элементного, ИК-спектроскопического, рентгеновского фазового анализов позволили сделать определенные выводы о составе пигментов исследуемых красок, примененных в живописи мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы /142/.

В частности, на поверхности некоторых красок выявлена позолота. Золото листовое, тонко измельченное. Определен состав лака, покрывающего всю поверхность живописного потолка. Найден материал связующего красок в виде яичного желтка.

После первой очереди реставрационных работ мечеть была сдана в эксплуатацию, что осложнило начало проведения реставрации живописи потолка интерьера айвана. В последующие годы реставрация живописи так и не была осуществлена. Все последние изменения в облике мечети выполнены по инициативе религиозной общины, в ведении которой находится в настоящее время мечеть-памятник.

Как было сказано выше, архитектура мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы продолжает традиции культового строительства Средней Азии. Впервые основа пространственных решений, заложенных в мечетях типа Мухаммеда Юсупа Байходжи, проявилась в новаторской архитектуре Бухары эпохи Навои. Мечети Балянд и Ходжа Зайнутдина стали своего рода соединительным звеном между разными эпохами в развитии архитектуры /143/. Именно на этих сооружениях все красочное великолепие мечети было сосредоточено в их интерьерах, а именно в убранстве их стен и потолков.

На протяжении последующих столетий новаторские идеи в архитектуре мечетей Балянд и Ходжа Зайнутдина распространились по всей Средней Азии и Фергане в том числе, обретая локальные черты в соответствии с местными традициями.

Приемы древней архитектуры мы видим и на примере мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы (облицовка стен жженым кирпичом, сталактиты карниза и капители, формы традиционного портала в оформлении михрабной ниши, двухъярусность панелей в композиции стен интерьера). И наконец, начатое в мечети Балянд превалирование интерьера над экстерьером, раскрытие внутреннего пространства во двор, в окружающую среду получило устойчивое выражение в позднесредневековой архитектуре Южного Кыргызстана, как и во всей Фергане.

Фасады мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи имеют простое решение, в то время как все мастерство зодчих сосредоточено в интерьере айвана, раскрытого в пространство двора. Контрастное решение в виде богатого и роскошного интерьера и простого в общем маловыразительного внешнего облика мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы можно считать оправданным, если иметь в виду плотно застроенный квартал, где на улицу обращен только торцовый фасад. Интерьер мечети ничем не должен был напоминать посетителю о повседневной окружающей его жизни, наполненной нищетой и обездоленностью, пришедшему сюда в поисках утешения. Только в творениях народных мастеров продолжает жить их гений, превращая созданные ими произведения в памятники.

Памятники XIX-XX вв.

По различным данным в конце XIX в. в г. Ош было более 150 сооружений культовой архитектуры – мечетей, медресе, мазаров. Из этой исторической застройки уцелели единицы зданий, которые освещены в вышеуказанных разделах книги. Но для целостной характеристики архитектуры XIX – начала XX вв. большую ценность представляют документальные свидетельства, показывающие облик несохранившихся памятников этого периода.

Старые фотографии, рисунки, гравюры составляют зримую картину старого Оша. По ним легко узнать ту или иную градостроительную ситуацию в зависимости от того, где расположен памятник – на высокой террасе поймы реки Ак-Буры или на фоне неподражаемого Сулайман-Тоо. На некоторых фотографиях или рисунках запечатлены несохранившиеся части известных зданий. Например, на фотографии, сделанной св.мучеником Ошской военной церкви Иосифом Пономаренко 13 апреля 1912 г. и подписанной «На память о храме в день св. Ангела» изображен Михайло-Архангельский храм 1910 года в первозданном виде. Храм до наших дней дошел без высокой колокольни, большого купола на круглом барабане и других деталей, которые мы видим на рисунке.

В конце 50-х годов XIX в., на правом берегу Ак-Буры в районе базара было построено одно из самых значительных сооружений города того времени – медресе Алымбека-датка. Оно было воздвигнуто на средства везира Кокандского ханства, датки Алая Алымбека.

Медресе с размерами 40 х 50 м имело около 40 помещений, расположенных вокруг внутреннего двора с бассейном в центре. Среди помещений медресе выделялись мечеть с выносным айваном, дарсхана адаб, дарсхана-куран, китепкана. Более трех десятков ханака (келий) предназначались учащимся медресе.

Во время джума-намаза двор медресе мог свободно вместить около 1200 верующих. Главным фасадом медресе Алымбека было обращено на юг, где недалеко от медресе размещался большой мост, соединявший восточный берег Ак-Буры с западным в центре базара. Стройные вертикали четырех минаретов медресе Алымбека служили четким ориентиром для мусульман в плотной застройке города. Монументальный пештак (портал) медресе с глубоким стрельчатым айваном и балконом в центре, возвышался, словно громадная кирпичная стена, невольно привлекавшая внимание людей.

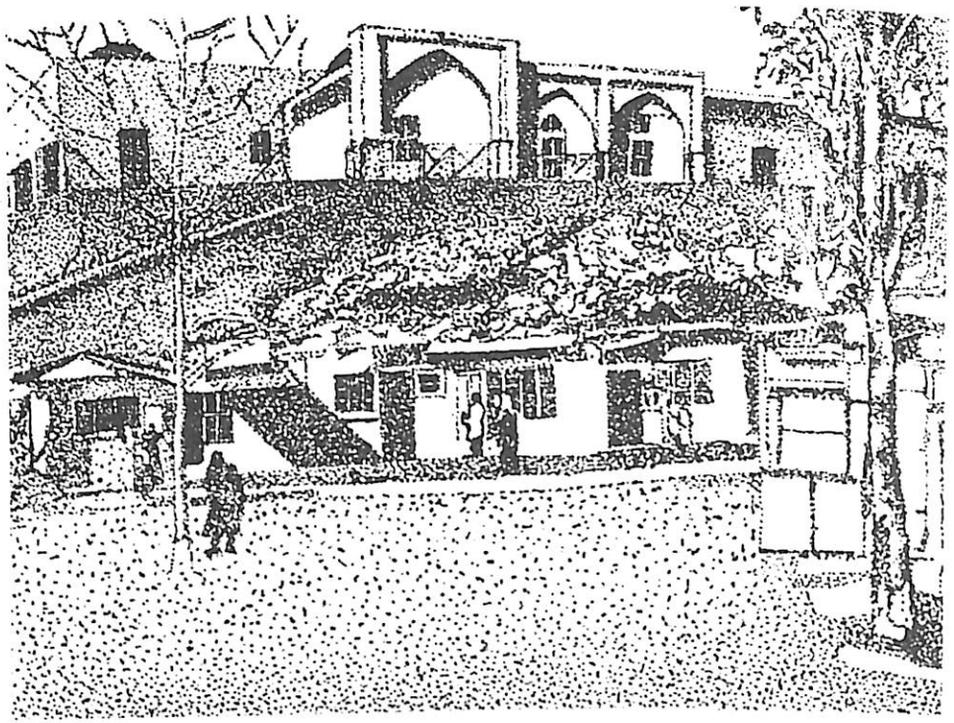
Самое красивое и популярное культовое сооружение Оша, по мнению его современников, было разобрано в начале 50-х годов

XX в. (как и многие другие) в целях борьбы с религией по приказу отцов города того периода.

Одна из самых монументальных построек Оша XIX в. – медресе Алымбека датки – известна нам из кадров кинохроники 20-х годов. По описаниям в источниках и архивным фотографиям автором выполнена графическая реконструкция фасада, плана и участка расположения медресе Алымбека.

На большинстве фотографий изображены фрагменты несохранившихся зданий, где хорошо видны отдельные детали и формы – башни минаретов, арочные ниши стен, орнаментальная кирпичная кладка и многое другое.

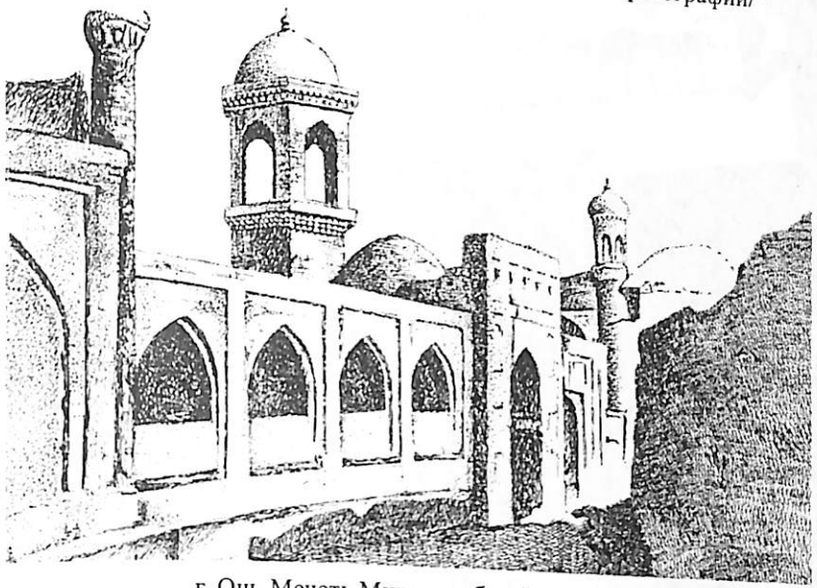
Далее представлены фотографии и рисунки по документальным материалам, утраченных памятников юга Кыргызстана.

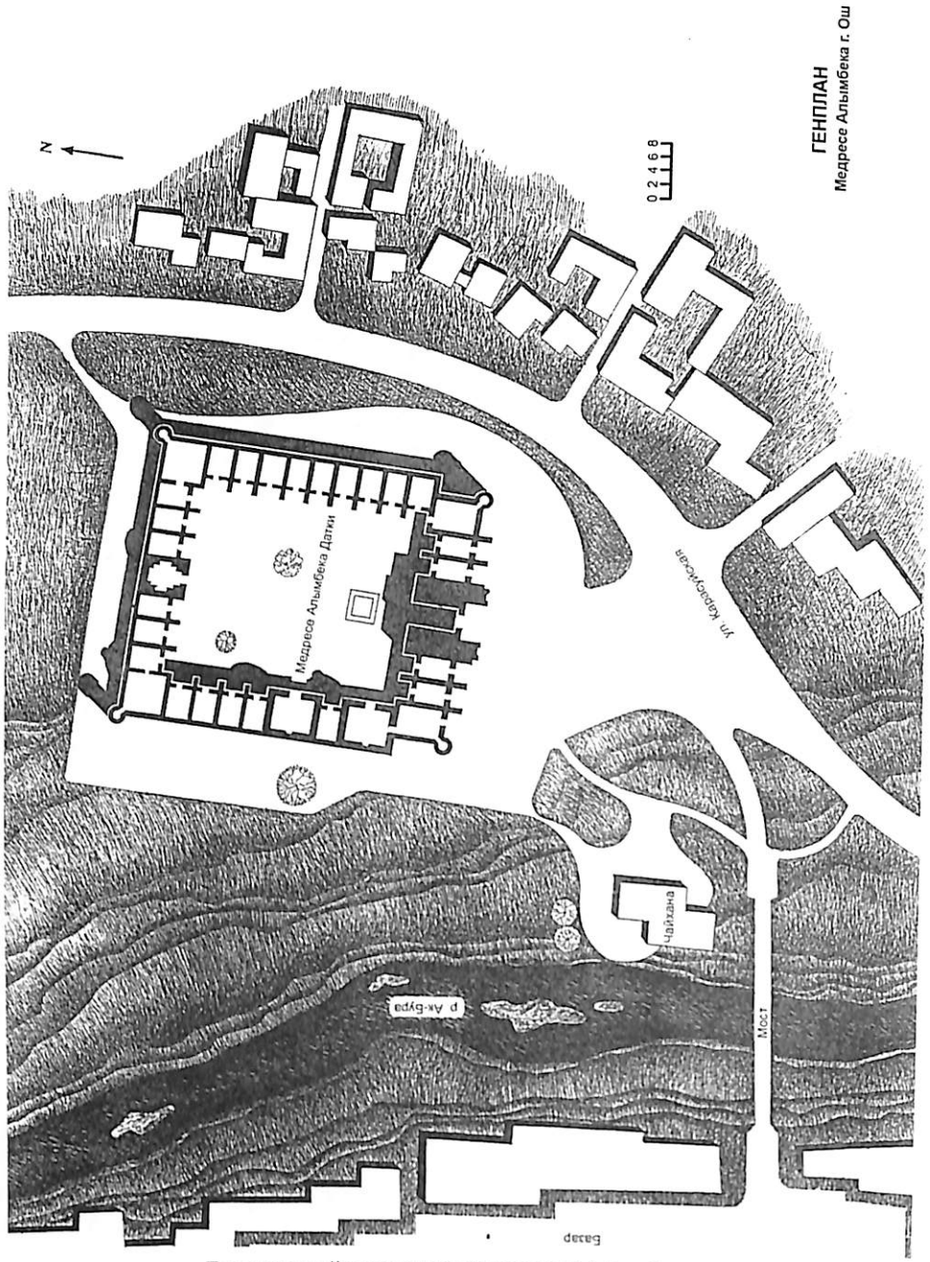
г. Ош. Мечеть у базара. XIX в. /Рисунок с фотографии/

г. Ош. Старое медресе у базара. XIX в /Рисунок с фотографии/

г. Ош. Мечеть Мирзалимбая. Нач. XX в.
/Рисунок с фотографии Ю.Н. Малюшицкого/

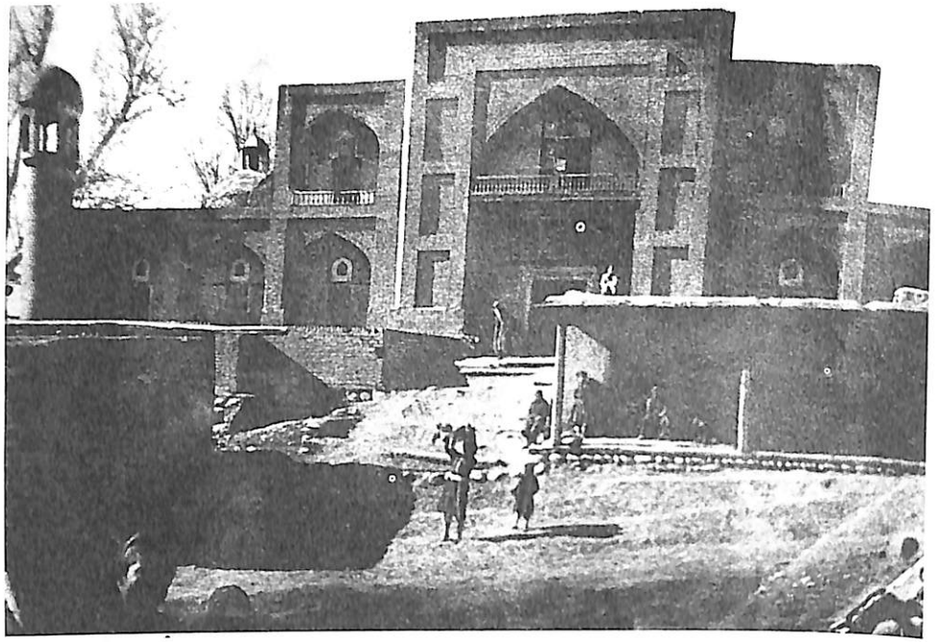
Генеральный план участка медресе Алымбека

г. Ош. Медресе Алымбека. Вид главного фасада.

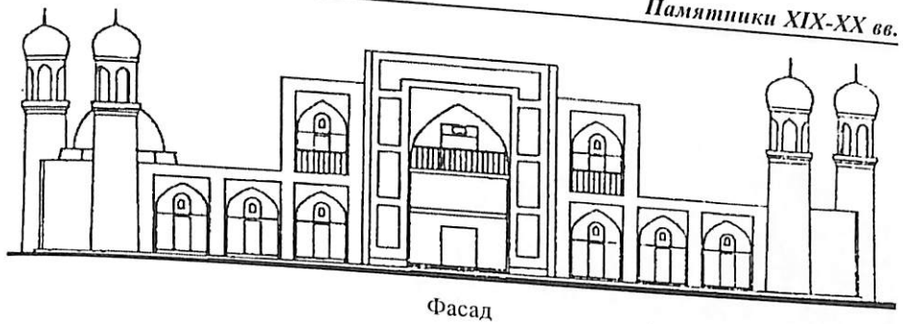
г. Ош. Медресе Алымбека. Вид с западной стороны.

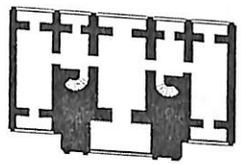
г. Ош. Медресе Алымбека. Фрагмент главного фасада.
/Фото Ю. Н. Малюшицкого. 1927 г./

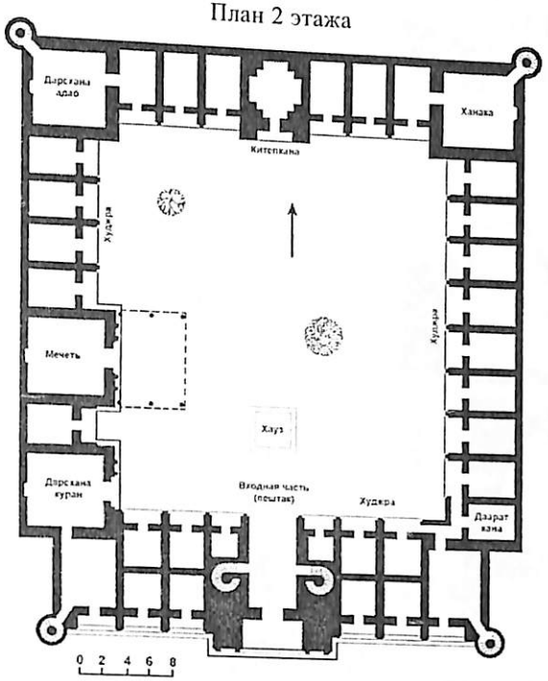
г. Ош. Двор медресе Алымбека Датки. XIX в.

Фасад

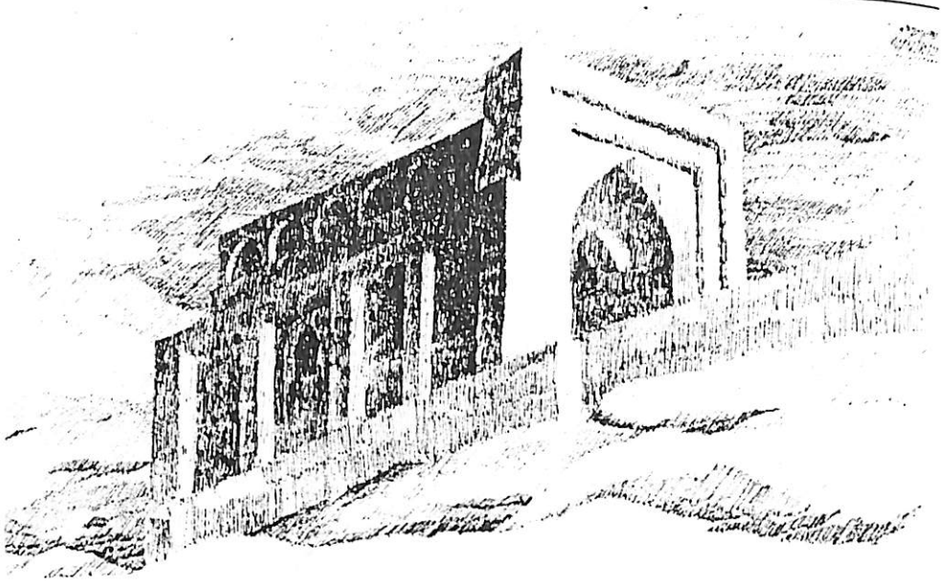

План 2 этажа

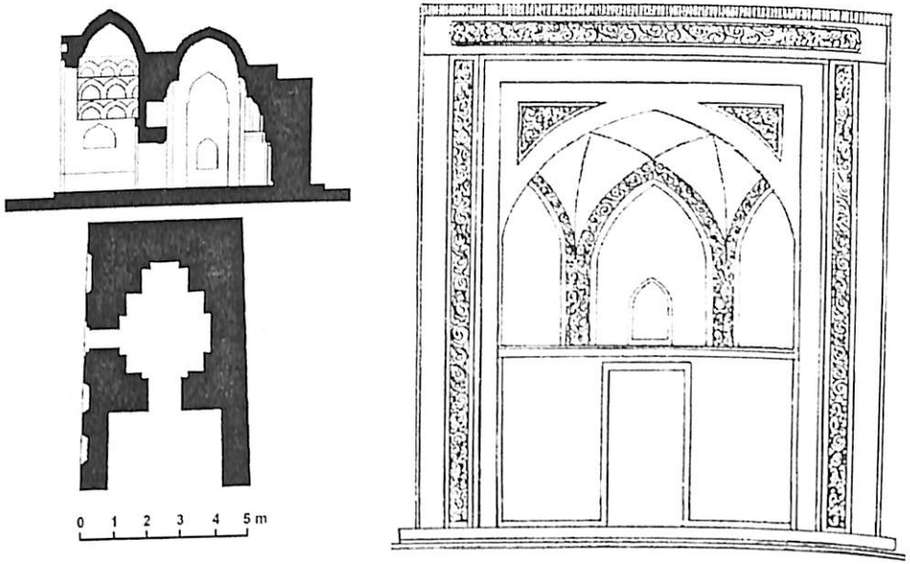

План 1 этажа

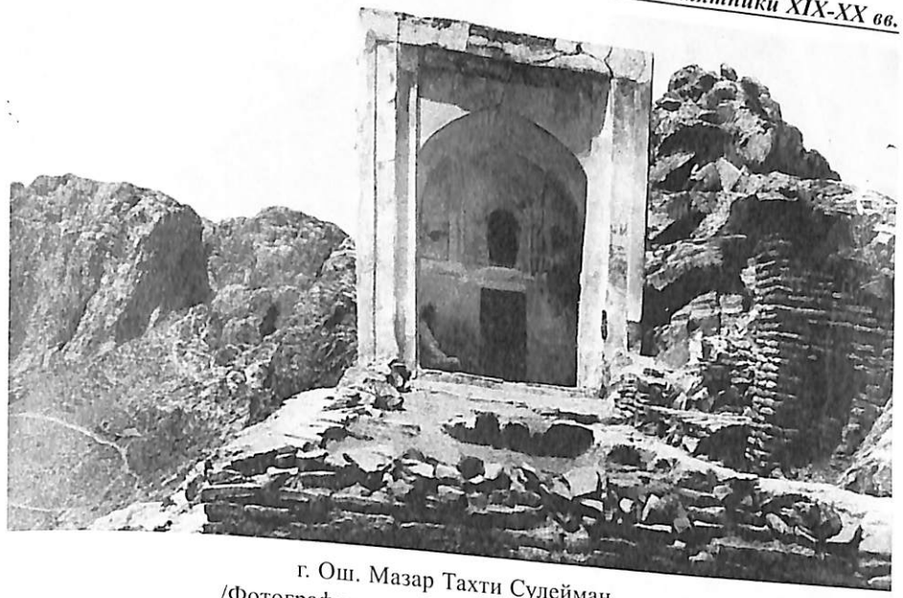
г. Ош. Медресе Алымбека. Фасад. Планы 1 и 2 этажей. /Реконструкция/

г. Ош. Мазар Тахти Сулейман. XIXв. Общий вид.
/Рисунок с фотографии/

Разрез. План. Фасад.
/Реконструкция В.Е. Нусова/

г. Ош. Мазар Тахти Сулейман.
/Фотография из архива Кыргызреставрация/

г. Ош. Входное помещение на некрополь у подножия Тахти и Сулеймана
/Фотография из архива 1929 г./

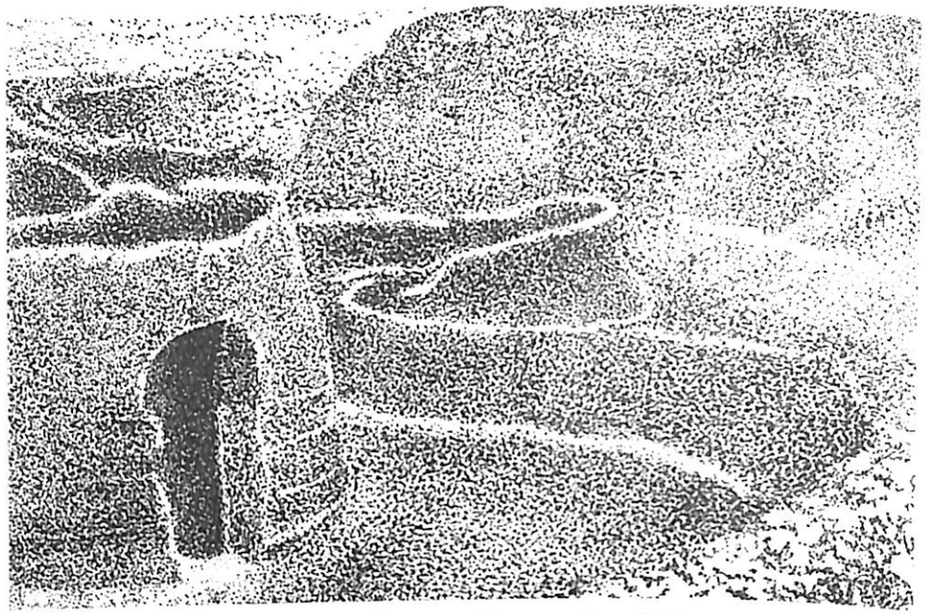
г. Ош. Михайло-Архангельский храм. 1910 г.
/Рисунок с фотографии 1912 г./

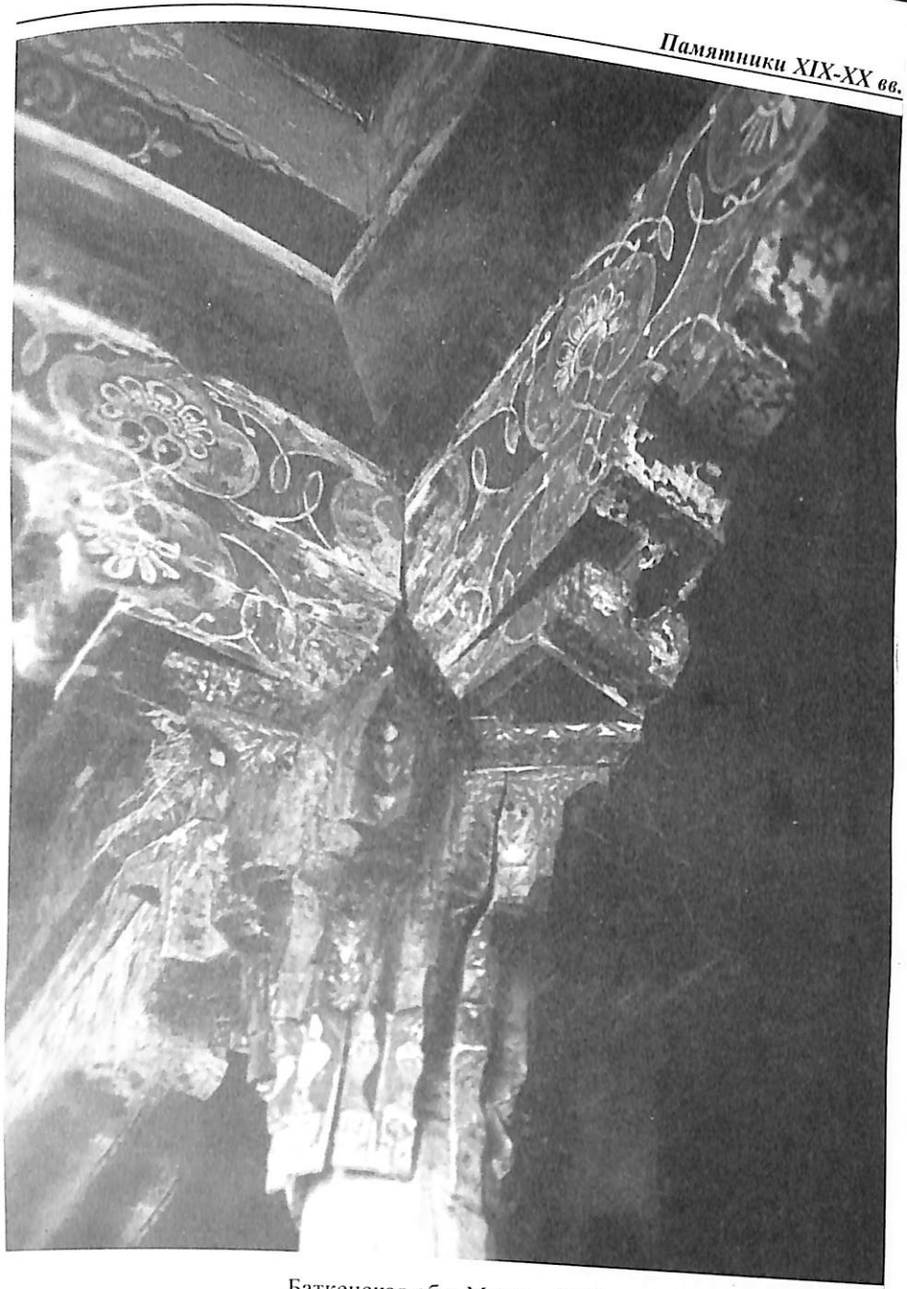
г. Ош. Михайло-Архангельский храм, преобразованный в дом культуры.
/Фотография 1948 г./

г. Ош. Общий вид на Сулайман-Тоо с мечетью на левом берегу Ак-Буры.
/Вторая половина XIX в., фото 1915 г./

Баткенская обл. Крепость Кан на р. Сох. XIX в.

Баткенская обл. Мечеть. XIX в.
Капитель резной, деревянной колонны

Лейлекский р-н. Баткенская обл. Мечеть. XIX в.

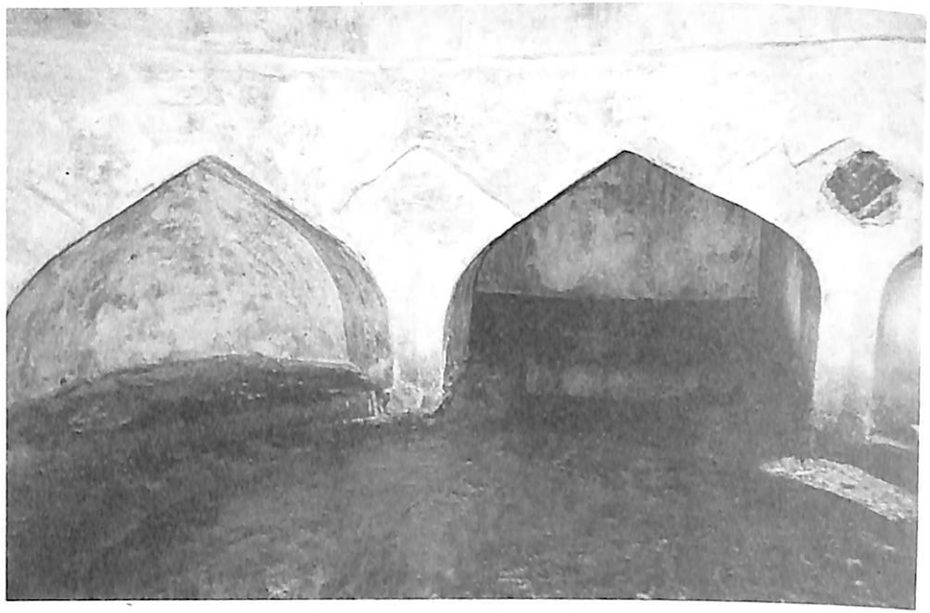
г. Ош. Фасад мавзолея Мухаммеда Рахими, у подножья Сулайман-Тоо.
/1914-1915 гг. Чертеж фасада. Фото из архива НИПБ/

г. Ош. Чигирь (сакка) на канале Джупас у Сулайман-Тоо.

г. Ош. Мечеть Садыкбая. /Фото из архива НИПБ, Кыргызреставрация/

г. Узген. Интерьер бани, XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги краткого разбора архитектуры Южного Кыргызстана, можно отметить следующее. Археологические данные свидетельствуют, что архитектура Южного Кыргызстана возникает в глубокой древности. Она становится результатом созидательной деятельности местных оседло-земледельческих и кочевых племен.

Процесс феодализации городов Ферганы, начавшийся еще до появления в Средней Азии арабов, с IX-X вв. развивается более быстрыми темпами. Особое развитие получает средневековая архитектура во времена господства государства Караханидов, со столицей в Баласагуне, а затем в Узгене. Причины, обусловившие возникновение и развитие монументальной феодальной архитектуры средневековья, были тесно связаны с изменениями социально-экономических, политических, культурно-исторических основ в эпоху Караханидов.

Формирование на территории Кыргызстана в X в. государства Караханидов имело огромное значение для Кыргызстана как период перехода от раннефеодального общества в оформленному, важнейшей особенностью которого было сосуществование земледельческой и кочевой культур. Бурный рост торгово-экономических отношений в городах Ферганской долины, подвластных Караханидам в X-XII вв., вследствие развития ремесел, сельского хозяйства, городов привел к расцвету культуры, строительной техники.

Монументальная архитектура Южного Кыргызстана представлена памятниками Узгена и Сафид Булана. В архитектуре Среднего, Северного, Южного мавзолеев, Узгенского минарета, мавзолея Шах-Фазиль собраны узловые проблемы формирования среднеазиатского зодчества.

Исследования мавзолеев Узгенского комплекса позволяют по-новому рассмотреть отдельные вопросы генезиса среднеазиатского портала как уникальной архитектурной формы, универсаль-

ной по своему назначению и символике, реконструкции и реставрации, истоки формирования терракоты.

Композиция порталов, их архитектурно-художественная разработка, приемы архитектурного декора Северного, Среднего, Южного мавзолеев являются этапными в архитектуре Средней Азии. Тесная связь архитектуры этих мавзолеев с памятниками Баласагуна и Тараза позволяет говорить о семиреченской архитектурной школе, которая, сосуществуя с северо-туркестанской архитектурной школой, сформировалась на основе городских ремесленных центров Чуйской и Таласской долин в VII-XII вв. Городская культура этих долин, где традиции и приемы строительного и прикладного искусства выкристаллизовались в законченные системы, оказала в свое время большое влияние на другие регионы в пределах караханидского государства.

Родство Узгенских памятников с архитектурой Бураны хорошо прослеживается в использовании приемов архитектурного декора – резной терракоты, фигурных наборных резных кирпичиков, резного ганча, более раннее происхождение которых локализуется Чуйской долиной. Особенно это касается фигурных резных кирпичиков, использованных на мавзолеях и минарете Бураны одновременно со схожими фигурными кирпичиками на памятниках Северного Хорасана в X-XII вв.

Преемственность и традиции караханидской архитектуры отражены в Узгенском минарете XI в., являющемся связующим звеном между минаретом Бурана и минаретом Калян в Бухаре. На самом древнем из сохранившихся минаретов Средней Азии – Буранинском был синтезирован или, во всяком случае, одним из первых использован новый художественный принцип – кирпич приобретает кроме конструктивного еще и декоративные качества. Искусство рельефной кирпичной орнаментации от Бураны получает развитие в Узгенском минарете, затем, попав на благодатную почву Мавераннахра, получает еще большее художественное выражение в минаретах Калян (1127 г.) и Вабкентском (конец XII в.). Канонизированные пропорции этих минаретов своими истоками также восходят к минарету Бураны.

Богатейшая орнаментальная сокровищница интерьера мавзолея Шах-Фазиль рассмотрена с новых позиций, позволяющих объяснить их происхождение и датировку памятника. Мавзолей Шах-Фазиль удивляет исследователей неординарным интерьером, не вписывающимся в архитектуру Мавараннахра. Его строили мастера из Семиречья, имевшие богатый опыт возведения мавзолеев и минарета Бураны, мавзолея Карахана в Таразе.

Изучение и анализ памятников архитектуры юга Кыргызстана X-XII вв. наглядно показывают, что она, как и архитектура Семиречья, имеет свою специфику, отличающую ее от зодчества крупных сопредельных областей Средней Азии – Мавераннахра, Хорезма и Хорасана.

Задачи, решаемые в феодальном обществе этих областей Средней Азии, едины, но пути их осуществления разные. В этот период наиболее отчетливо формируются крупнейшие школы феодального зодчества Средней Азии – хорезмская, мавераннахрская, хорасанская и северо-туркестанская (Семиречье и Фергана).

В формировании этих школ находят отражение культурно-исторические достижения, своеобразие художественного творчества населения этих областей, поэтому совершенно неприемлем тезис: «Лишь отражения известного провинциального традиционизма в чертах архитектуры северотуркестанских областей» /144/ по сравнению с архитектурой Мавераннахра. Анализ архитектуры Узгена и Шах-Фазиля X-XII вв. позволяет говорить о своеобразии архитектурно-художественных принципов памятников зодчества Ферганы и Семиречья, которые найдут, наоборот, преемственное продолжение в архитектуре того же Мавераннахра, Северного Хорасана и других регионов. Неоспорим факт северотуркестанского происхождения шатрового типа мавзолеев /145/, идея которого широко распространилась в Средней Азии и далеко за ее пределами. Вполне реально может иметь место и гипотеза происхождения мавзолеев с круглым планом в районах исконного проживания тюркских кочевых народов, погребальные сооружения которых имеют генетическую связь с этими мавзолеями.

Никто не станет отрицать, что развитие среднеазиатских школ протекало не изолированно, обмен культурным опытом

здесь происходил постоянно, в силу общности культурно-исторических процессов. Несомненен факт распространения опыта резной неполивной терракоты с памятников Бураны, Тараза, Узгена, где она получила высший расцвет, на памятники Маверанахра и другие области. В свою очередь, нельзя отрицать участия выходцев из Согда в становлении ремесленного мастерства городов Чу и Таласа в VI-VIII вв., где позже, в X-XII вв., выкристаллизовалось искусство резьбы по глине. Примеров взаимовлияния можно привести много, но не они определяют особенности художественного творчества народов и народностей, населявших тот или иной регион.

Не отрицая общности архитектуры памятников Средней Азии и Казахстана в X-XII вв., нельзя не отметить и очевидность своеобразия монументальных сооружений юга Кыргызстана и Семиречья. При схожей строительной тематике, отличающей архитектуру феодальных стран Востока, специфически местное в них сохранялось всегда, о чем свидетельствуют памятники Узгена и мавзолей Шах-Фазиль. Эти архитектурные памятники наглядно демонстрируют высокие достижения творчества населявших эти места предков кыргызского и других народов в период расцвета феодальной формации.

Рассматривать средневековую архитектуру Кыргызстана нельзя, не принимая во внимание исламский фактор. Начиная с X в. монументальная архитектура Кыргызстана приобретает черты мусульманской архитектуры, объединенной общими идеями в масштабах халифата. Влияние ислама на архитектуру Кыргызстана в отношении ее типологии, объемно-пространственного решения, художественно-декоративных начал – это тема отдельного исследования. Можно сказать одно: несмотря на общие признаки, объединяющие архитектуру и искусство стран ислама, в основе средневековой архитектуры Кыргызстана, как и всей Средней Азии, лежат более древние доарабские традиции, а также чисто местные приемы строительной техники.

Архитектура юга Кыргызстана XI-XII вв., прерванная монгольским нашествием, надолго прекратила свое развитие. Период XIII-XVIII вв. ознаменован упадком политической, социально-

экономической и культурной жизни народа, как результат непрекращающихся междоусобных войн удельных правителей. На юге Кыргызстана некоторое оживление наступает в XV-XVI вв., когда Ош и Узген начинают играть определенную роль в военно-политических интригах феодальных группировок Моголистана и Мавераннахра.

Архитектура городов Ош и Узген периода XIII-XVI вв. не сохранилась. Из известных памятников XVII-XIX вв. можно назвать мечеть Рават Абдуллахана, мавзолей Асаф ибн Бурхия, мечети и медресе Ош. Монументальная архитектура Южного Кыргызстана позднего средневековья носит, в основном, отсталый, застойный характер по сравнению с архитектурой XI-XII вв. Выдающаяся архитектура эпохи Караханидов осталась в забвении, строительные навыки утеряны, художественные принципы изменились. Если памятники Узгена, Ош, Сафид Булана в пору своего наивысшего расцвета определяли развитие архитектуры не только Ферганы, но и Средней Азии в целом, то в XV-XIX вв. они оказались в худшем положении, чем архитектура Коканда, Маргелана, Андижана, не говоря уже об архитектуре Бухары и Самарканда.

Наметившийся подъем строительства монументальной культовой архитектуры во второй половине XIX в. в Оше и других местах был прерван установлением советской власти. Многое из архитектуры XVIII-XIX вв. утеряно безвозвратно, но по сохранившимся памятникам, документальным фотографиям уцелевших сооружений, историческим сведениям можно увидеть, что архитектура Оша и других городов XVIII-XIX вв. начинала приобретать местные, локальные черты, своеобразный почерк в системе городов Ферганы и Средней Азии.

Мемориальная архитектура юга Кыргызстана XVIII-XIX вв. представляет интерес главным образом как памятники народного творчества. Расположенные в основном в горах, в труднодоступных районах, эти памятники наиболее ярко отображают искусство местных мастеров. Если архитектура среднеазиатских городов, в основном, возводилась мастерами, объединенными в профессиональный цех, с установившимися строительными и художественными приемами, то гумбезы горных районов представляют собой

постройки народных мастеров в свободных формах и художественно-декоративных приемах, не обремененных стилевыми устоями. К ним относятся гумбез Идриса Пайгамбара, мавзолей в Арсланбобе, Ишена Балхи и др.

В настоящей работе сделана попытка показать на конкретных примерах основные черты монументальной архитектуры юга Кыргызстана и, сопоставляя ее с зодчеством других стран, отметить наличие у них общих черт и в то же время своеобразие, тенденции развития и упадка, значения и места в архитектуре Средней Азии.

Помимо рассмотренных в работе, в каждом районе Южного Кыргызстана имеются и другие памятники жилой, культовой и мемориальной архитектуры разной степени сохранности и значения.

Будущие исследования этих памятников, несомненно, внесут много нового в историко-культурное достояние кыргызского народа.

СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Айван – полуоткрытое пространство; в народном зодчестве – навес, терраса с балочным перекрытием на колоннах.

Восьмерик – восьмигранный объем здания или его части.

Ганчхак – местная разновидность гипса с применением лесса.

Гирих – геометрический орнамент.

Гульдаста – угловая колонка или башня.

Гурхана – усыпальница.

Гяз – единица измерения длины.

Дарсхана – аудитория.

Зиаратхана – помещение для исполнения поминальных обрядов.

Караван-сарай – место остановки караванов, постоялый двор.

Кешк – средневековый укрепленный замок.

Куфи – древний почерк арабской письменности, отличающийся строгостью и угловатостью линий.

Кыр – кладочный раствор с известковой основой и добавками толченого древесного угля и золы. Отличается влагостойкостью.

Медресе – высшая школа в исламе.

Мечеть – молитвенное здание в исламе.

Минарет – башенное сооружение, с которого произносится «азан» – призыв мусульман на молитву.

Михраб – ниша в мечети, ориентирующая молящихся лицом к Мекке.

Мусалла – загородная мечеть или место, где богослужение происходит два раза в год (в праздники курбан и фитр).

Намазгох – здание мечети (см. Мусалла).

Некрополь – комплекс погребальных сооружений.

Парус – конструкция перехода от квадратного основания здания к куполу.

Сагана – сводчатый склеп для одиночного наземного захоронения.

Сульс – каллиграфический почерк арабского письма, отличающийся округлостью и пластичностью форм.

Рабад – предместье города.

Пештак – арочный портал в архитектуре Средней Азии.

Ревак – ряд арочек в верхней части портала.

Ханака – обитель дервишей, странноприимный дом.

Хауз – открытый искусственный водоем.

Худжра – келья, жилая комната.

Четверик – основной объем квадратного в плане помещения.

Чиллекана – келья для сорокадневного отшельничества.

Шарафа – сталактитовый карниз из ячеек.

Шахристан – основная часть города или сам город в средневековье.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН – Архитектурное наследство

ВИА – Всеобщая история архитектуры

ИАК – Известия археологической комиссии

ИЯЛИ Кир.ФАН – Институт языка, литературы и искусства Киргизского филиала Академии наук СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИКК – Материалы по истории киргизов и Киргизии

МИТТ – Материалы по истории Туркмении

ОНУ – Общественные науки Узбекистана

ПТКЛА – Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии

САНИИ – Среднеазиатский научно-инженерный институт

СА – Советская археология

СКСО – Справочная книжка Самаркандской области

РГО – Русское географическое общество

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

Тр.Кир.ФАН – Труды Киргизского филиала Академии наук СССР

Узкомстарис – Узбекистанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

КСИА – Краткие сообщения института археологии

ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции СПб.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории и культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных. – Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996, с.15-31.
2. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с.11.
3. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1981, с.120.
4. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997, с.34.
5. Там же, с.41.
6. Там же, с.18.
7. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с.83-98.
8. Заднепровский Ю.А. Укрепления Чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии. – КСИА, 1976, № 147, с.198.
9. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1959, с.149.
10. Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. – ТКАЭЭ, т.4, 1960.
11. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нового времени. М., 1982, с.7.
12. Брыкина Г.А. Там же, с.28.
13. Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений..., с.8-10.
14. Бернштам А.Н. Строительные приемы древних зодчих – Труды Кирг ФАН, т.1, ч.1, 1943, с.139.
15. Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии. М., 1969, с.6.

16. Кожемяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Красноречeнском городище в 1961 г. – Красная речка и Бурана, Фрунзе, 1968, с.36-37.
17. Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме – СА, вып.У1, 1940, с.177.
18. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1981, ч.1, с.272.
19. МИКК, вып.1, с.20.
20. МИКК, вып.1, с.31.
21. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952.
22. Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с.67-68.
23. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997, с.112.
24. Захарова А. Историко-архитектурное наследие г. Ош. Дубаи, ОАЭ, 1997, с.64-68.
25. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. – Пер. Б.А.Ахмедова. Ташкент, 1977, с.19.
26. Щербина-Крамаренко А. По мусульманским святыням Средней Азии (Путевые заметки и впечатления). – СКСО. т.IV. Ташкент, 1986, с.53.
27. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970, с.135-136.
28. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983, с.75-78.
29. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального... с. 250-262.
30. Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии – Труды КАЭЭ, т.IV. М., 1960, с.245-249.
31. Горячева В.Д. Средневековые городские..., – с.88-92.
32. История Киргизской ССС, т.1. Фрунзе, 1984, с.291.

33. Бачинский Н.М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. Москва-Ленинград, 1949, с.33.

34. Бабур Мухаммад Захиреддин. Бабур Наме, кн.2. Ташкент, 1988, с.18.

35. Архив НИПБ Кыргызреставрация» – Проект. шифр Р86-4, т.II, кн.3, с.4.

36. Дуйшеев Б. Память Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986, с.22, 26.

37. Окладников А.П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан, Тешик-Таш. М., 1949, с.7-81.

38. Юнусалиев М.Б. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине. Георгиевский бугор. – По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1982, с.6-11.

39. История Киргизской ССР, – т.I. Фрунзе, 1984, с. 151.

40. Мокрынин В.П. По следам прошлого. Фрунзе, 1986, с.63.

41. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с.146.

42. Мокрынин В.П. По следам прошлого. Фрунзе, 1986, с.109.

43. История Киргизской ССР. – т.I. Фрунзе, 1984, с.33.

44. Пугаченкова Г.А. Араб-Ата. Ташкент, 1963, с.60.

45. Литвинский Б.А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата – ИЗУ, вып.2. 1963; Пугаченкова Г.А., Рempель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965.

46. Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби – Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с.96-104, 174-178.

47. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры…, с.293-299.

48. Северцев Н.Л. Орографический очерк Памирской горной системы. – Записки РГО по общей географии, т.XIII, СПб., 1886, табл. XXII.

49. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, – т.I. Томск, 1894, с.294.

50. Бернштам А.Н. Указ. соч., с.137.

51. Крюков К.С. Реконструкция Среднего Узгенского мавзолея. М., 1967, с.166.

52. Умняков И.М. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация, 1920-1928 гг. Ташкент, 1929, с.27.

53. Крюков К.С. Указ. соч., с. 165-167; Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л., 1950, с.137; Горячева В.Д. Указ. соч., с.69-74.

54. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. – Вопросы реставрации, т.I. М., 1926.

55. Крюков К.С. Указ. соч.

56. Берштам А.Н. Указ соч.

57. Засыпкин Б.Н. Указ. соч., с.157-159.

58. Засыпкин Б.Н. Памятники монументального искусства Советского Востока. – Художественная культура Советского Востока. М.-Л., 1931, с.31-42.

59. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Киргизии (рукопись) – Архив НИПБ «Кыргызреставрация». 1958, с.43.

60. Засыпкин Б.Н. Памятники монументального искусства Советского Востока. Москва-Ленинград, 1931, с.32.

61. Засыпкин Б.Н. Указ. соч., с.34.

62. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. Москва, 1950, с.96.

63. Крюков К.С. Указ. соч., с.168.

64. Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии в IX-XII вв. М., 1973, с.69; Бородина И.Ф. Художественные особенности мавзолеев Средней Азии XI в. М., 1973, с.147.

65. Пугаченкова Г.А. Искусство зодчих Узбекистана. Мавзолей Араб-Ата. Ташкент, 1996, с.82-83.
66. Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса X1-XП вв. Ташкент, 1956, с.116.
67. Крюков К.С. Указ. соч., с. 166.
68. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980, с.106, 144.
69. Крюков К.С. Указ. соч., с.168.
70. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Киргизии (рукопись), с.74.
71. Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. – М., 1988, с.278-279.
72. Щербина-Крамаренко А. По развалинам Средней Азии. – Зодчий, 1896, № 5.
73. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983, с.106-136.
74. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Киргизии (рукопись). 1958, с.168.
75. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Киргизии (рукопись), 1958, с.170.
76. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, с.70.
77. Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л., 1950, с.86-95.
78. Нусов В.Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1955, с.30-35.
79. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983, с.132.
80. Горячева В.Д. Указ. соч., с.123.
81. Горячева В.Д. Указ. соч., с.110-115.

82. Засыпкин Б.Н. Указ. соч., с.170.
83. Горячева В.Д. Указ соч., с.122.
84. Денике Б.П. Архитектурные памятники Средней Азии. М., 1939, с.72.
85. Рempель Л.И. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, с.72.
86. Рempель Л.И. Указ. соч., с.146.
87. Денике Б.П. Указ. соч., с.72.
88. Пугаченкова Г.А. Искусство зодчих Узбекистана. Мавзолей Араб Ата. Ташкент, 1966, с.84.
89. Всеобщая история архитектуры, т.8. М., 1969, с.77, 103.
90. ВИА, с.88.
91. ВИА, с.80.
92. Рempель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, с.129.
93. Рempель Л.И. Указ. соч., с. 131.
94. Рempель Л.И. Указ. соч., с. 171.
95. Древности Таджикистана. – Каталог выставки. Душанбе, 1985, с.285.
96. Горячева В.Д. Указ. соч., с. 132.
97. Бартольд В.В. Соч., т. I. М., 1963, с.281.
98. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Соч., т. I, М., 1963, с.195.
99. Рempель Л.И. Указ. соч., с.109.
100. Рempель Л.И. Указ. соч., с.134.
101. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 88.
102. Аманбаева Б. Резной штук в интерьерах Краснореченского городища. Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989, с.138.

103. Бернштам А.Н. Указ. соч., с.92.
104. Марков Е.Л. Путевые очерки Кокандского ханства. – Русский вестник, т. IX, СПб., 1883, с. 44.
105. Зимин Л.А. Мусульманское сказание о городе Оше. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 13. – Вып.1. Ташкент, 1912.
106. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939, с. 104.
107. Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош. Фрунзе, 1987, с.18.
108. Захарова А. Историко-архитектурное наследие…, с.46, 41.
109. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – нач. XX вв.). Ташкент, 1980, с.121.
110. Нильсен В.А. Монументальная архитектура…, с.120.
111. Массон М.Е. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. Материалы Узкостариса, вып.2-3. Ташкент, 1933.
112. Бартольд В.В. Соч., т.IV. М., 1965, с.232.
113. Массон М.Е. Краткая историческая справка..., с.5.
114. Массон М. Е. Краткая историческая справка…, с.5.
115. Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. Ташкент, 1920, с.29.
116. Воронин Л.И. Сооружения башенного типа в архитектуре Востока и их генезис – Труды САНИИ, вып.1. Ташкент, 1937, с.81.
117. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – нач. XX вв.). Ташкент, 1980, с.123.
118. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983, с.69-75.
119. Прибыткова А.М. Развитие орнамента в архитектуре Средней Азии. М., 1978, с.138-142; Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследования. Ремонт. Реставрация. 1920-1928 гг. Ташкент, 1929, с.26-38; ВИА, т.VIII. М., 1969, с.245-247; Прибыткова А.М. О методе проектирования средневековых зодчих. – История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с.107-109.
120. Цепенюк И.Ф., Арадовский Я.Л. Анализ напряженного состояния Узгенского минарета и конструктивные предложения по его реставрации. – Архив НИПБ «Кыргызреставрация». Проект реставрации Узгенского минарета. Шифр Р81, т.I, кн.3.
121. Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. Ташкент, 1929, с.27.
122. Нусов В.Е. Архитектура Киргзии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971, с.47.
123. Дружинина Е.В. Ош наших предков. – Ленинский путь, 12.01.72.
124. Галицкий В., Плоских В.М. Старинный Ош. Фрунзе, 1987, с.83-84.
125. Захарова А. Историко-архитектурное наследие города Ош. Дубаи, ОАЭ, 1997, с.84-90.
126. Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. М., 1988, с.200.
127. Нильсен В.Н. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XП вв. Ташкент, 1956, с.63.
128. Воронина В.Л. Строительные методы зодчих Ферганской долины XVI-XIX вв. – АН, № 22. М., 1974, с.102.
129. Захарова А. Историко-архитектурное наследие города Ош. Дубаи, ОАЭ, 1997, с.84.
130. Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948, с.113.
131. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, с.92.
132. Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948, с.113.

133. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Москва, 1958, с.143.

134. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. – Соч., т.IV. М., 1968, с.59-60.

135. Воронина В.Л. Строительные методы зодчих Ферганской долины XVI-XIX вв. – АН, № 22. М., 1974.

136. Захарова А. Историко-архитектурное наследие города Ош. Дубаи ОАЭ, 1997, с.84.

137. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Москва, 1958, с.143.

138. Бабур Мухаммед Захириддин. Бабур-наме. Ташкент, 1982, кн.2, с.18.

139. Засыпкин Б.Н. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследований и реставрации. – Вопросы реставрации: Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских. М., 1928, с.262-263.

140. Захарова А. Историко-архитектурное наследие города Ош. Дубаи, ОАЭ, 1997, с.88.

141. Архив фонда Ошского историко-культурного музея комплекса Сулайман-Тоо. КП 3276-2, ФН 1152.1-165.

142. Результаты анализа материалов живописи мечети Мухаммеда Юсупа Байходжи, г. Ош. Письмо ВНИР. М. 532/1-10. Минкультуры Кирг.ССР. № 773. 18.04.1983.

143. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, с.83.

144. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1996, с.100.

145. Пугаченкова Г.А. Материалы ЮТАКЭ, вып.1. Ашхабад, 1949, с.57.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Предпосылки развития монументальной архитектуры Южного Кыргызстана 6

Мемориальные сооружения юга Кыргызстана 35

Истоки возникновения 35

Типологическая характеристика мемориальных сооружений ... 41

Мавзолеи Узгенского архитектурного комплекса 44

Средний мавзолей 52

Северный мавзолей 62

Южный мавзолей 70

Мавзолей Шах-Фазиль 79

Мавзолей Асаф ибн Бурхия 107

Мавзолей Идриса Пайгамбара 117

Мавзолеи XVШ-XIX вв. 121

Культовая архитектура 130

Узгенский минарет 132

Мечеть Рават Абдуллахана 148

Мечеть Мухаммеда Юсупа Байходжи оглы 160

Памятники XIX-XX вв. 172

Заключение 189

Словарь архитектурных терминов 195

Принятые сокращения 197

Использованная литература 198

Иманкулов Джумамедель Джумабаевич.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА КЫРГЫЗСТАНА.

Редактор С.Е. Аксененко
Оформление В.Ю. Горнушкин
Верстка О.В. Агранат

Подписано в печать 22.06.2005. Бумага офсетная.
Формат 60x80 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 13.25. Уч. изд. л. 13.92.
Тираж 300 экз. Заказ № 217

720023, Бишкек, ул. Малдыбаева, 34 б,
Кыргызский государственный университет
строительства, транспорта и архитектуры.

Типография А/О «Салам»
720021, Бишкек, ул. Пушкина, 78.

Джумамедель Иманкулов

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА КЫРГЫЗСТАНА

Книга посвящена зодчеству юга Кыргызстана периода XI – XX вв., наименее освещенной в научной литературе. Архитектура данного региона Кыргызстана представлена выдающимися памятниками средневекового зодчества – Узгенским архитектурным комплексом, мавзолеем Шаха Фазила, мечетью Рават Абдуллахана и др., к которым не ослабевает интерес ученых.

Автор книги, опираясь на богатый фактический материал последних натурных исследований в целях реставрации, рассматривает архитектуру юга Кыргызстана в свете ее типологических характеристик, закономерностей развития и художественных достоинств.

Архитектура юга Кыргызстана, тенденции ее развития и упадка тесно увязаны с историческими процессами в Кыргызстане, с политическим, социально-экономическим и культурным положением обществ соответствующих эпох.

В книге на конкретных примерах показаны основные черты монументального зодчества юга Кыргызстана в сопоставлении с архитектурой сопредельных стран, с выявлением общих черт, а также своеобразия их искусства, значение и место в зодчестве Центральной Азии.